

под редакцией «Друзей Анжелики»

Анн Голон

Анжелика

Путь в Версаль

VI

роман-поток

Annotation

Переводы книг «под редакцией Друзей Анжелики» представляют собой отредактированный читателями перевод новой версии, осуществленный издательством «Клуб семейного досуга» в 2008 - 2011 годах.

6 том. Анжелика. Путь в Версаль. Анн Голон

Время действия: март 1663 г. - июнь 1666 г.

Место действия: Париж, Версаль

Шестой том «Путь в Версаль» новой версии - первый из новой версии романа Анн Голон «Анжелика», название которого повторяет название одного из томов старой версии. Напомним, что в СССР в 70-е гг. были изданы романы «Анжелика» и «Анжелика в Новом свете», сюжетно оторванные друг от друга. Промежуточные книги серии были изданы уже в 90-е гг. Первая из этих книг и есть «Путь в Версаль», то есть эту книгу можно считать вторым томом старой версии.

По содержанию старый (90-х гг.) и новый (нынешний) «Путь в Версаль» существенно образом отличаются друг от друга.

С точки зрения развития сюжета, новый «Путь в Версаль» - примерно половина старого. В старой версии начало книги «Путь в Версаль» соответствует окончанию нового 4 тома (убийство монаха Конана Беше), включает в себя целиком новый пятый и шестой тома. Окончание старого и нового томов «Путь в Версаль» совпадают.

Соответствующий отрезок сюжета описан в новой версии намного подробнее. Объем увеличился почти вдвое (сравниваем новый «Путь в Версаль» и половину одноименного романа старой версии).

- [Часть первая](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
- [Часть вторая](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
- [Часть третья](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
- [Часть четвертая](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)

- [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
-

Часть первая
Маленький торговец

Глава 1

И он возвращался. Поздно вечером стучал условленным стуком в оконное стекло, и она бесшумно открывала дверь. В теплом уюте маленькой комнаты, рядом с этим мужчиной, то болтливым, то язвительным, то влюбленным, она забывала о своем изнурительном каждодневном труде. Клод рассказывал Анжелике о придворных и городских скандалах; эти истории развлекали ее, тем более что она отлично знала большую часть их героев.

— Страх тех, кто боится меня, — вот мое богатство, — говорил он.

Деньги для него мало значили. Анжелика пыталась заставить его приодеться — напрасно.

После сытного ужина, даже не делая вид, будто он собирается платить за еду, молодой человек исчезал, а неделю спустя появлялся снова, бледный, голодный, улыбающийся. И тщетно она тормозила поэта своими идеями о том, как ему нужно устроиться в жизни. Если у него отличные отношения со всеми парижскими бандами, то почему бы не принимать участия в их пирушках? Почему он никогда не показывался в Нельской башне? Ведь те, кто промышляют на Новом мосту, уважают и ценят его, и благодаря этому он мог бы занять видное место в бандитской среде. Не говоря уже о том, что, зная о многих тайнах, которые тщательно скрывают великие мира сего, легко поставить в зависимость людей самого высокого положения.

— Куда забавнее заставлять их рыдать и скрежетать зубами, — беззаботно возражал поэт.

Он соглашался принимать помощь только от женщин, которых любил. Маленькая цветочница,

уличная девка, служанка... Побывав в его нежных объятиях, эти женщины получали право немного побаловать любовника. Они говорили: «Ешь, мой ненаглядный», и с умилением смотрели, как он поглощает приготовленный ужин.

А затем он пропадал. И точно так же, как цветочница, уличная девка или служанка, Анжелика иногда испытывала желание удержать его подольше. Вытянувшись в теплой постели рядом с высоким молодым мужчиной, объятия которого были столь пылкими и столь легкими, она обнимала его за шею и привлекала к себе.

Но стоило ему, открыв глаза, заметить, что за маленьким окошком со свинцовым переплетом разгораются первые отблески зари, как он вскакивал, поспешно одевался и исчезал.

Просто он не мог долго задерживаться на одном месте. Поэт был одержим страстью, редкой для той эпохи, — неистовой страстью, за которую во все времена приходилось платить высокую цену: любовью к свободе.

К тому же его уход с рассветом был разумной предосторожностью: очень часто, когда Анжелика, собираясь в «Красную маску», подходила к окну, она замечала хорошо знакомую фигуру. Окно распахивалось.

— Вы выбрали раннее время для визитов, господин полицейский.

— Я не наношу визитов, мадам. Я ищу памфлетиста.

— И надеетесь обнаружить его где-то поблизости?
— непринужденно спрашивала Анжелика, набрасывая на плечи накидку.

— Кто знает? — отвечал полицейский.

Она выходила из дому, и они вместе шли по заснеженным улицам, а Сорбонна резво бежала впереди. Это напоминало Анжелике время, когда точно

так же вместе им случилось пересекать Париж. Однажды Дегре отвел ее в парильни Сен-Николя. В другой раз, по дороге из Дворца правосудия, перед ними словно из-под земли вырос бандит Весельчак.

Теперь Дегре и Анжелика встретились снова, и каждый хранил в душе мрачные картины пережитого. Анжелика не стыдилась того, что он видел ее прислуживающей в трактире. Она чувствовала, что старый знакомый не испытывает к ней и тени презрения. Сам побывавший на грани нищеты, он отлично понимал, что только крайняя нужда заставила бывшую графиню зарабатывать на жизнь собственными руками. Анжелика уже могла похоронить где-то в глубинах памяти воспоминания о жизни с Весельчаком. После бойни на ярмарке Сен-Жермен утекло немало воды, но Весельчак так и не объявился. Анжелика по-прежнему надеялась, что ему удалось убежать из Парижа. Может, примкнул к разбойничьим бандам, промышляющим на больших дорогах? Или попал в лапы вербовщиков солдат...

В любом случае, каким-то шестым чувством она знала, что больше никогда не увидит Николая. Так что теперь можно себе позволить ходить по улицам с высоко поднятой головой. Привыкший к ночной тишине молодой мужчина, который шел рядом своим особенным мягким шагом, больше ни в чем ее не заподозрит. Бывший адвокат тоже переменялся. Он стал очень молчалив, а былая веселость уступила место иронии, порой чересчур язвительной. Часто самые простые его слова несли в себе тайную угрозу. Но Анжелика была уверена, что ей Дегре никогда не причинил бы зла.

Теперь он выглядел не таким бедным, как в прежние времена. Он носил красивые сапоги, а иногда появлялся в парике.

У «Красной маски» полицейский церемонно раскланивался с Анжеликой и уходил прочь.

Предметом особой гордости Анжелики была написанная братом Гонтраном красивая яркая вывеска над дверью трактира. На ней была изображена дама, закутанная в черную атласную накидку. Лицо дамы скрывала красная маска, сквозь прорези которой сияли изумрудные глаза. Фоном картины была сама улица Нищеты с нескладными силуэтами старых домов на фоне звездного неба и красными отблесками фонарей многочисленных трактиров.

Из соседней таверны, как всегда в ранний час, вышел разносчик вина с кувшинчиком в руках.

— Отменное, чистое вино! Дамочки, поторопитесь! Обручи на бочках скоро лопнут!

Под перезвон колоколов набирал обороты новый день. А вечером Анжелика складывала в столбики блестящие эю. Аккуратно пересчитав деньги, она прятала их в маленькие мешочки, которые займут место в сейфе, купленном по ее настоянию мэтром Буржо.

Время от времени приходил Одиже, чтобы очередной раз сделать предложение руки и сердца. Анжелика, которая не рассталась с мечтой продавать шоколад, встречала дворецкого улыбкой.

— А как ваш патент?

— Немного терпения, осталось ждать всего пару дней!

В конце концов Анжелика заявила:

— Вы не получите своего патента НИКОГДА!

— Вот как, госпожа ясновидящая! Это почему же?

— Потому что вы заручились поддержкой мессира де Гиша, зятя Сегье. Но откуда вам знать, что семейная жизнь де Гиша — сущий ад и что господин Сегье целиком на стороне дочери. Канцлер оставит ваш патент мхом зарастать, ведь это замечательный повод лишний раз насолить зятю, а уж он такого случая не упустит.

Эти сведения Анжелика почерпнула из рассказов Грязного Поэта. Но уязвленный Одиже принялся яростно спорить. Нет, он на правильном пути, а патент вот-вот будет подписан. Убежденный в близком успехе, дворецкий начал строить зал для продажи шоколадного напитка на улице Сент-Оноре.

Анжелика заглянула в будущее кафе и отметила про себя, что молодой человек последовал всем ее советам по оформлению зала. Здесь были и зеркала, и позолоченные деревянные панели.

— Думаю, такая новизна привлечет публику, жадную до всего необычного, — объяснил Одиже, совершенно позабыв, кому был обязан прекрасными идеями. — Для нового продукта требуется новая атмосфера.

— А вы подумали о том, откуда вам будут поставлять бобы?

— Как только у меня появится патент, все вопросы уладятся сами собой.

Анжелика решила воспользоваться этим несколько беспочвенным оптимизмом, чтобы побольше узнать о возможностях поставок значительных партий какао.

Но Давид так и не сумел разыскать еврея, у которого его отец закупил первую партию какао из Мексики. Что же делать? Анжелика обратила внимание, что в последнее время коммерсанты и финансисты, посещавшие трактир, часто говорили об Ост-Индской компании^[1], которой покровительствовали господин Кольбер и сам король. Эта торговая компания должна была конкурировать в дальних странах с компаниями голландцев и англичан.

Однажды вечером Клод Ле Пти принес своей подруге книжицу об Ост-Индской компании; по приказу короля ее текст сочинил член Французской академии.

— Это шедевр, дорогая. Вот послушай: «Мадагаскар — это настоящий рай! Климат там прекрасный. Почвы плодородны и сами просят, чтобы их обработали. Здесь можно найти все, что душе угодно. Ароматную воду, вкуснейшие плоды, золотиносные жилы в горах. А местные жители! Добрые, восприимчивые к Евангелию, они счастливы уже тем, что могут любоваться, как трудятся христиане!»

Клод Ле Пти прервал свое чтение и прокомментировал:

— Всю эту галиматью следует переводить так: на большом острове можно околеть от жары или отравиться гнилой болотной водой, и сколько ни вкалывай на плантации — все пойдет прахом. А местные жители настолько ленивы, что им больше по вкусу сидеть в церкви и газеть, как работают белые люди, чем трудиться самим.

Анжелика дернула Клода за волосы.

— Вы просто злюка! Зачем видеть кругом только плохое? Ведь оттуда можно привезти много всего полезного: сахар, табак, хлопок и, прежде всего, какао. А взамен туда отправят вино, водку, вяленое мясо, сыр...

Грязный Поэт не стал возражать. Скептик и насмешник, он искренне восхищался горячей верой Анжелики в успех задуманных предприятий. Она была не похожа ни на одну женщину, которых ему доводилось встречать, и это даже немного обескураживало его. Клод Ле Пти стал задавать себе вопросы, никогда не приходившие ему в голову после встреч со случайными подружками, которых «подкидывало» ему свободное, но нищее существование. Почему Анжелика полюбила его? Порой его поражала точность ее высказываний; между тем он критически относился даже к собственному таланту, и уж давно не верил, чтобы женщина оказалась

способной путно связать хотя бы две мысли. Анжелика сразу подметила, что хотя Грязный Поэт без труда объясняется на бандитском жаргоне, чаще всего он говорит изысканным языком, старательно выбирает слова, причем находит удовольствие в использовании редких, а особенно — ученых слов.

Как-то вечером она все это выложила Клоду, и тот признался, что испытывает к латыни тайную страсть, сродни влюбленности. Это чувство навеки связало поэта с окрестностями холма Сент-Женевьев, расположенного на левом берегу Сены, с университетскими кварталами, прежде всего с самой Сорбонной^[2], — а безбожник полицейский осмелился так назвать свою собаку! — кварталом коллежей и монастырей, кварталом с таким прекрасным названием, напоминающим о непревзойденном литературном языке. Он не смог бы жить на белом свете, не бывая в этом квартале, пускай даже его воздух отравлен миазмами, но зато там звучит музыка божественной латыни; ему просто необходимо постоянно возвращаться сюда, несмотря на отвращение, которое он испытывает при виде сонмища церковников и педагогов, обучающих шалопаев школяров. Педагоги, вечно с красными носами, набитыми табаком, — безобразные лицемеры, но они восхищали поэта речами на латинском языке на самые разнообразные темы, вдохновение для которых они черпали в древних книгах и рукописях — подлинных сокровищах, спасенных от разграбления варварами.

Да, это страсть, настоящая любовь, но Клод Ле Пти слишком «грязный», чтобы ему было дозволено проникать «в святая святых»: в библиотеки или Академии.

Зато он знал всех, кто обладал привилегией посещать эти места, и нередко удостаивался их уважительных отзывов, написав очередную поэму на

латыни. Такие поэмы моментально наводняли Левый берег, а их тексты ученики важных профессоров передавали из рук в руки. Творения Клода Ле Пти всегда были талантливо.

Как-то Анжелика расспрашивала поэта о его прошлом, и, внезапно отбросив привычный шуточный тон, он откровенно поделился своими воспоминаниями.

Он родился и вырос в горах Юра. Совсем юнцом вслед за толпой грабителей ушел в Париж.

«Чем был бы Париж без меня?» — усмехался молодой человек.

***

Одиже наконец отправился в путешествие, о котором заводил разговор уже давно. Он сообщил, что едет в Нижнюю Нормандию проведать родственницу.

Анжелика пыталась разобраться в себе, понять, рада ли она его отсутствию. Молодая женщина опасалась, что однажды дворецкий узнает о том, что у нее есть любовник. А если к тому же ему станет известно, кто ее избранник, его возмущение и разочарование будут безграничны.

Это было бы УЖАСНО!

Но пока она не увидит своего поклонника несколько недель. Через пару дней хозяйка трактира почувствовала облегчение: она приходила в «Красную маску», и не было нужды постоянно следить за собой, чтобы не слышать критических замечаний Одиже, которые были иногда справедливы, но всегда — докучливы.

Она сказала себе, что неплохо справляется с работой, а в профессии, связанной с чревоугодием, новые и неожиданные рецепты всегда можно почерпнуть в общении с разнообразными и порой капризными клиентами.

Анжелике нравилось приходить в трактир на рассвете, чтобы вместе со своими главными помощниками, Давидом и мэтром Буржю, заранее приготовить все необходимое для трудового дня.

Давид сокрушался, что не может разыскать того еврея-коммерсанта, у которого отец намеревался закупать экзотические продукты. Юный повар удивлялся: то ли в Париже нет ни одного еврея, то ли они хорошо прячутся. Скорее всего, верным было второе предположение. Анжелика рассказала юноше, что несколько веков назад король Филипп IV, прозванный Красивым, искоренил иудеев по всей Франции, заставив их выбирать между обращением в христианскую веру или костром. С тех пор инквизиция старательно заботилась, чтобы евреи не появились вновь. Может быть, один из них как раз проходит мимо в кафтане уличного торговца? Давид возражал: в его родных краях, на юго-западе, полно евреев! Правда, иногда они называют себя марранами, то есть «обращенными». Но во многих городах евреи спокойно празднуют шаббат и только закрывают на время своего праздника ставни, чтобы не дразнить соседей. В одном из таких мест — он подзабыл название — как раз и живут самые искусные мастера приготовления шоколада; эту науку они принесли с собой после изгнания в 1492 году из Испании благословенной супружеской четой королей-католиков — Изабеллой Кастильской и Фердинандом Арагонским.

Слушая Давида, Анжелика подумала, что Одиже неспроста суетился накануне отъезда. Можно заключить пари — он тоже разузнал про марранов и решил отправиться к ним, чтобы приникнуть к истокам науки приготовления шоколада.

Одиже уехал несколько дней тому назад. Будучи отличным наездником и скача галопом, он наверняка уже добрался до окрестностей Бордо.

Давид все-таки вспомнил название города: Байонна. Сомнений не осталось. Одиже опередил их, он скоро выведает тщательно охраняемые секреты. Мастера-ремесленники, которые умели варить шоколад, ходили к бакалейщикам с нужными продуктами и приспособлениями, чтобы, не подпуская чужаков к своим профессиональным тайнам, готовить на заказ чудесный порошок, так полюбившийся многим клиентам. По воспоминаниям Давида, на белых мраморных плитах бобы измельчали в порошок мраморными валиками.

Итак, дворецкий солгал, вместо того чтобы поделиться сведениями о евреях Байонны! Анжелика разозлилась. Он считает ее недалекой женщиной, которую легко обмануть. Она действительно повела себя как простушка, поверив ему на слово. Но, сказала себе Анжелика, естественно доверять тому, кто выдает себя за друга. Поэтому она решила, что обманщик виноват перед ней.

После возвращения ему придется объясниться, и она не намерена быть снисходительной.

Чтобы немного подбодрить мэтра Буржую, по-прежнему настороженно относившегося к планам продажи шоколадного напитка, Анжелика сказала ротисье, что у Давида давно появилась идея добавлять немного измельченных экзотических бобов в соусы для дичи. Новшество мгновенно вызвало нескончаемые споры в рядах «гурманов» и «обжор»; на их настойчивые расспросы Анжелика и Давид только отмалчивались.

Пользуясь тем, что в трактире царили порядок и благодушная атмосфера, Анжелика стала пораньше возвращаться в свой дом на улице Фран-Буржуа и проводить вечера с домочадцами, к вящей радости собаки Пату. Анжелика играла с детьми и слушала

восторженные рассказы Барбы и Жавотты о жизни своего квартала.

Когда весь дом засыпал, Анжелика с надеждой ждала появления Клода; она всегда немного опасалась, как бы с ним не приключилось несчастья. Ее тревога росла, если он не приходил несколько дней подряд. Лучше бы, думалось ей, он воспользовался отсутствием Одиже и приходил почаще. Но, в сущности, откуда ему знать об отъезде дворецкого — ведь она никогда ничего не рассказывала о своей жизни. Все, чего она хотела от Клода, — это ласковых объятий, поэтических речей и скандальных историй, о которых назавтра из его памфлетов будет знать весь город. А на Новом мосту эти памфлеты будут распевать.

Лишь одна тень омрачала безоблачную картину жизни. Однажды на улице к Анжелике подошел старый аптекарь, у которого она покупала разные лекарственные травы и с которым не раз беседовала о своих проектах по изготовлению и продаже напитка из экзотических бобов какао. У них состоялся долгий разговор.

— Полагаю, что должен поделиться тайной, которая относится к интересующему вас продукту.

Оглядевшись по сторонам, чтобы убедиться, что их не подслушивают, аптекарь понизил голос и сообщил:

— Я услышал, что избыток шоколада оказывает вредное влияние на организм человека. Девочка, которую родила Ее Величество в ноябре прошлого года, была совершенно черной. Говорят, тело малышки было сплошь покрыто волосами. Поэтому в честь рождения принцессы не стали устраивать никаких торжественных церемоний. Ходят слухи, так случилось из-за того, что королева все время пьет шоколад.

Увидев недоверчивую улыбку Анжелики, старик торопливо добавил:

— Эта тайна не известна никому, кроме моих коллег, мы постоянно делимся друг с другом всем, что касается нашей профессии. Ребенок не выжил — только-то и сообщили народу о злополучной новорожденной. Но я посчитал своим долгом предупредить вас, особенно учитывая ваш интерес к данному продукту.

Анжелика поблагодарила аптекаря и пообещала никогда не разглашать тайну, тем более что она может нанести ущерб ее проектам.

Она не стала добавлять, что из всех сплетен по поводу влияния шоколада на здоровье эта показалась ей самой нелепой. Нелепые сплетни постепенно уходили в прошлое, и теперь, напротив, уже начали говорить, что напиток обладает лечебными свойствами, например придает силы выздоравливающим.

Глава 2

Анжелика положила перо в чернильницу и с удовлетворением пересмотрела свежие счета.

Она совсем недавно вернулась из «Красной маски». Перед самым ее уходом в трактире появилась шумная компания молодых господ, чьи роскошные воротники из генуэзского узелкового кружева и огромные рюши, обрамляющие штанины рингравов, свидетельствовали о платежеспособности господ посетителей. Мужчины были в масках, что служило еще одним доказательством их высокого положения. Ведь многие придворные предпочитали сохранять инкогнито, отправляясь в трактиры, чтобы отдохнуть от строгости дворцового этикета.

В последнее время Анжелика нередко оставляла высокопоставленных клиентов на попечение мэтра Буржую, Давида и поварят. С тех пор как за трактиром установилась прочная репутация, а Давид в совершенстве освоил тайны ее кулинарных рецептов, она стала реже появляться в общем зале, занимаясь главным образом закупкой продуктов и финансовыми вопросами. Теперь ее театрализованное появление в маске предназначалось лишь постоянным клиентам. Хозяйка трактира продолжала испытывать некоторое недоверие к знатным гостям, впервые заходившим в ее заведение. Несмотря на возрастающий успех «Красной маски», такие посетители появлялись чаще всего случайно и явно были плохо знакомы с расположившимся поблизости от Большого Шатле кварталом, где находилась улица Нищеты.

Положение дел в трактире изменилось до неузнаваемости, хотя скажи об этом кто-нибудь еще год назад, вся улица хохотала бы до упаду. Даже не

выкупив дом мэтра Буржую — хотя втайне она лелеяла такое желание, — Анжелика фактически стала полноправной его хозяйкой. Конечно же, трактир пока находился в собственности ротисье, но Анжелика взяла на себя все расходы, что, само собой, увеличило ее долю в прибыли. В итоге мэтр Буржую стал получать меньше, чем она. Впрочем, он был необычайно доволен, что его освободили от забот и он смог просто жить и трудиться в своем трактире, потихоньку откладывая на старость. Таким образом, Анжелика получила возможность копить необходимые ей средства. Мэтр Буржую хотел только одного: оставаться под ее крылышком и всегда чувствовать себя окруженным ее нежной заботой. Иногда, говоря об Анжелике, ротисье называл ее дочерью, и поэтому большая часть клиентов «Красной маски» не сомневалась в их родстве. Из-за свойственной ему меланхолии мэтр Буржую был твердо убежден в своей скорой кончине и поэтому уже составил завещание. Он рассказывал всем кругом, что завещание не ущемляет интересов его собственного племянника, но главной наследницей делает Анжелику. Впрочем, Давид ни капельки не обижался на решение дяди, ведь оно касалось женщины, которая продолжала царить в его сердце.

Сам Давид превратился в довольно красивого парня. Он перестал сомневаться в своей привлекательности и не терял надежды, что наступит день, когда Анжелика станет его возлюбленной.

Анжелика не могла не замечать успехов Давида на любовном поприще. Она и сама смотрела на него иными глазами: если прежде неловкие ухаживания юноши сильно раздражали ее, то теперь его дерзкие взгляды немного смущали, но были приятны. Она продолжала обращаться с юным поваром жестко, порой сурово, как обращаются с младшим братом, но иногда в ее словах проскальзывало легкое кокетство, за которое Анжелика

себя неизменно корила. Смех и шутки, которыми они обменивались, хлопоча вокруг вертелов, были не лишены вызова, свидетельствующего, что мужчину и женщину тянет друг к другу и они стараются замаскировать влечение невинными фразами.

Бывало, Анжелика в шутку, спрашивала себя, не случится ли однажды, что развлечения ради она уступит этой взбалмошной юной страсти. К тому же молодая женщина нуждалась в Давиде, потому что без его помощи почти невозможно было рассчитывать на успех задуманных ею идей. Например, если открыть две-три лавочки на ярмарке Сен-Жермен, то, чтобы дело пошло в гору, работать там должен именно Давид. Другой опорой Анжелики был Одиже: с ним были связаны надежды наладить производство и продажу шоколада и прохладительных напитков. Стало быть, с дворецким тоже надо поддерживать хорошие отношения. Поклонника, чья страсть с каждым днем становилась все более глубокой, нельзя отвергать. Причем не могло и речи идти о том, чтобы удержать его мимолетными ласками — в отличие от Давида. За одну ночь, если бы она решилась подарить юноше право коснуться своего «божественного тела», он навек превратился бы в ее преданного раба. Но в Одиже Анжелика несколько опасалась упорства зрелого мужчины, который уже пережил возраст мимолетных увлечений и доселе не поддавался страстям. Этот спокойный мещанин, слуга, не опускающийся до угодливости, потомственный военный — человек открытый, храбрый и при этом от рождения осторожный и расчетливый делец. Он никогда не позволит водить себя за нос. И хозяйка «Красной маски» лишний раз порадовалась отсутствию Одиже.

Анжелика стряхнула песок с листа, на котором делала свои расчеты. Она снисходительно усмехнулась.

«Ну вот, я оказалась между поварами, каждый из которых пылает ко мне нежной страстью, и любит на свой манер! Надо думать, это издержки профессии... Жар очага плавит их сердца, как жир индейки».

В комнату вошла Жавотта, чтобы помочь хозяйке раздеться и расчесать волосы.

— Что за шум у входной двери? — спросила Анжелика.

Доносившийся звук не был похож на условный сигнал Грязного Поэта.

— Не знаю. Наверное, крыса царапает дверь. Я это уже давно слышу.

Шум усилился, и Анжелика, спустившись в прихожую, разобрала, что царапанье раздается не снизу, а из смотрового окошка в центре двери. Молодая женщина отодвинула створку и тихонько вскрикнула, когда через решетку протиснулась и потянулась к ней крошечная черная лапка.

— Это же Пикколо! — воскликнула Жавотта.

Анжелика откинула засовы, открыла дверь, и обезьянка бросилась ей на руки.

— Что случилось? Она никогда не прибегала сюда одна. Похоже... и правда, она оборвала свою цепочку.

Обеспокоенная Анжелика отнесла зверька к себе в комнату и посадила на стол.

— Ой-ой-ой! — смеясь, воскликнула служанка. — Только взгляните, какая она смешная! Вся шерсть слиплась... да она перепачкалась в какой-то красной краске. Наверное, в вино свалилась.

Погладив свою любимицу, Анжелика заметила, что ее пальцы стали липкими и красными. Она понюхала их и тотчас побледнела, как полотно.

— Это не вино, — произнесла она, — это кровь!

— Она ранена?

— Сейчас посмотрю.

Анжелика сняла с обезьянки расшитый камзол и короткие штанишки, тоже влажные от крови. Но на обезьянке не обнаружилось и следа ран, хотя бедняжка дрожала всем телом.

— Что случилось, Пикколо? — тихо спросила Анжелика. — Что произошло, дружочек? Расскажи мне!

Обезьянка посмотрела на хозяйку живыми широко раскрытыми глазами. Внезапно она отпрыгнула назад, схватила коробочку с сургучом и пошла, серьезно потряхивая коробочкой перед собой.

— Ай да плутишка! — закричала Жавотта, захлебываясь смехом. — Сначала она нас пугает, а потом начинает показывать, как Лино несет корзину с вафлями. Правда похоже, госпожа? Вылитый Лино, как обычно серьезный и милый, расхваливает покупателям вафли.

Но обезьянка, изобразив маленького торговца вафлями, которые назывались «Позабудь», обошла стол по кругу и мордочка ее опять стала тревожной. Пикколо обернулась, отпрыгнула. Мордочка сморщилась, и на ней появилось одновременно жалкое и испуганное выражение. Пикколо из стороны в сторону помотала головой: казалось, она кого-то спрашивает. Наконец, она начала как будто бы отбиваться, бороться. Потом отбросила от себя коробочку, прижала обе лапки к животу и с резким криком упала на спину.

— Да что с ней происходит? Что это такое? — растерянно бормотала Жавотта. — Она заболела! Взбесилась!

Анжелика, внимательно следившая за тем спектаклем, который представила обезьянка, быстро направилась к гардеробу, чтобы достать накидку и маску.

— Я думаю, с Лино случилось несчастье, — глухим от волнения голосом произнесла женщина, — нужно идти в трактир.

— Я с вами, госпожа.

— Если хочешь, пойдём. Ты будешь держать фонарь. Только сначала отнеси обезьянку Барбе, скажи, чтобы она ее помыла, согрела и дала ей молока.

Предчувствие неотвратимой беды обрушилось на Анжелику. Несмотря на слова утешения, которые всю дорогу лепетала Жавотта, молодая женщина не сомневалась, что обезьянка стала свидетелем ужасной сцены гибели маленького торговца. Но реальность превзошла самые худшие опасения. Как только Анжелика вышла на набережную Кожевников, ее чуть не сбил с ног мчавшийся навстречу растерянный Флипо.

Она схватила мальчика за плечи и основательно тряхнула его, чтобы тот пришел в себя.

— Я бежал за тобой, Маркиза Ангелов, — выдохнул парнишка. — Они... они убили Лино!

— Кто — они?

— Они... Эти господа, посетители.

— Почему? Что случилось?

Несчастный поваренок перевел дух и заговорил так быстро, словно рассказывал вызубренный урок:

— Лино был на улице со своей корзиной вафель. Он пел: «Трубочки «Позабудь»! Трубочки «Позабудь»! Кому вафельные трубочки?» Он пел как обычно. Один из клиентов, ну из тех, вы знаете, что пришли к нам в трактир, так вот, господин в маске с кружевным воротником сказал: «Прелестный голос! Я уже чувствую желание все позабыть. Пусть ко мне приведут торговца». Лино подошел. Тогда этот господин сказал: «Клянусь святым Дени, этот малыш еще соблазнительнее, чем его голос». Он посадил Лино на колени и принялся его лапать. Другие господа тоже стали приставать к Лино... Они были пьяные, как свиньи... Лино бросил свою корзину и начал кричать, отпихивать их. Но один из господ вытащил шпагу и

проткнул Лино. Тогда другой тоже воткнул ему шпагу в живот. Лино упал, кровь из него так и хлестала.

— А что же мэтр Буржю, он не вмешался?

— Вмешался, но они его кастрировали.

— Что? Что ты говоришь? Кого?

— Мэтра Буржю.

— Ты сошел с ума!

— Нет, не я, а они сошли с ума, вот уж точно. Когда мэтр Буржю услышал крик Лино, он выскочил из кухни. Он стал говорить: «Мессеры! Послушайте! Мессеры!» Но они набросились на него. Они смеялись и избивали старика, приговаривая: «Толстая бочка! Жирная квашня!» Я подумал, что они так шутят. А потом один из них сказал: «Я его узнал, это бывший хозяин “Храброго петуха”». Тут другой и говорит: «У тебя не слишком храбрый вид для петуха, сделаю-ка я из тебя каплуна». Он взял большой нож для разделки мяса, они все бросились на мэтра Буржю и отрезали ему...

Мальчишка закончил свой рассказ выразительным жестом, который не оставлял никакого сомнения в том, какой ужасной пытке подвергся несчастный торговец жареным мясом.

— Он ревел, как осел! Теперь уже ничего не слышно. Наверное, он умер. Давид также хотел их остановить. Но они треснули его шпагой по голове. Когда мы все это увидели, и Давид, и я, и повара, и служанки, и Сюзанна, мы все бросились прочь!

Улица Нищеты выглядела необычно. Как и полагается во время карнавала, здесь было шумно, многочисленные клиенты в трактирах продолжали пить и чокаяться стаканами. Но в конце улицы почему-то столпились одетые в белое люди с высокими колпаками. Это хозяева соседних заведений, повара и подмастерья, вооружившись шпиговальными иглами и вертелами, сгрудились перед входом в «Красную маску».

— Мы не знаем, что делать! — крикнул один из них Анжелике. — Эти дьяволы забаррикадировали дверь скамейками. У них пистолет...

— Надо позвать стражу.

— Давид и бросился за стражниками, но...

Владелец таверны «Ощипанный каплун», расположенной по соседству с «Красной маской», понизил голос:

— Слуги остановили стражников на улице Трипри^[3]. Они сказали, что посетители, которые сейчас находятся в «Красной маске», очень важные вельможи из окружения короля и что страже не нужно вмешиваться в это дело. Давид все же добежал до Шатле, но слуги уже предупредили стражников и там. В Шатле Давиду сказали, что он должен разбираться с клиентами сам.

Из трактира «Красная маска» доносился устрашающий шум: безумный смех, пьяное пение и такие дикие выкрики, что у перепуганных трактирщиков волосы дыбом вставали под колпаками.

Перед окнами громоздились опрокинутые столы и скамьи, и поэтому было почти невозможно разглядеть, что происходит внутри зала. Оттуда явственно слышался звон разбиваемых стаканов и тарелок, а время от времени глухой хлопок пистолета, из которого, должно быть, стреляли по прекрасным вазам из дорогого стекла. Этими вазами Анжелика украсила столы и полку над камином.

Анжелика заметила Давида. Юноша был настолько бледен, что лицо сливалось с белым фартуком; его лоб был обмотан пропитавшейся кровью тряпкой.

Юноша подошел к Анжелике и, запинаясь, рассказал об ужасной вакханалии подробнее. Господа сразу же повели себя как самые требовательные клиенты. Они пришли уже сильно пьяными. Для начала они опрокинули почти полную миску горячего супа на

голову одного из поварят. Потом их с огромным трудом удалось выгнать с кухни, куда они рвались, чтобы поймать Сюзанну — надо отметить, не слишком привлекательную «дичь». И наконец, разыгралась трагедия с Лино, чье прелестное личико внушило им отвратительные желания...

— Пойдем, — сказала Анжелика, хватая юношу за руку. — Надо посмотреть, что происходит. Я войду со двора.

Не менее двадцати рук попытались удержать хозяйку «Красной маски».

— Ты сошла с ума?.. Они насадят тебя на вертел! Это же звери!..

— А вдруг мы еще можем спасти Лино и мэтра Буржую?..

— Надо подождать, когда они свалятся с ног.

— Когда они все сломают, разграбят и сожгут?! — закричала Анжелика.

Она вырвалась из удерживавших ее рук и, таща за собой Давида, вошла во двор. Оттуда они направились к кухне.

Давид, убегая из трактира вместе с остальными слугами, накрепко запер дверь кухни, сообщавшуюся с общим залом. Анжелика облегченно вздохнула. По крайней мере, значительные запасы провизии, хранящиеся в кладовках, не пострадали от разрушительной ярости мерзавцев.

При помощи Давида она придвинула к стене высокий стол и взобралась на него, чтобы заглянуть в небольшое окошко, через которое была видна соседняя комната.

В зале был настоящий погром. На полу, усеянном осколками посуды и остатками еды, валялись грязные скатерти, сорванные с балок окорока и заячьи тушки. Пьяные гости, спотыкаясь, отшвыривали их сильными ударами сапог. Теперь непристойные слова песен,

ругательства и богохульства слышались совсем отчетливо.

Большинство мужчин стояли около стола рядом с очагом. По их неловким движениям и бессвязной речи было ясно, что вскоре они не смогут держаться на ногах. В отблесках огня вопящие, разинутые рты и черные маски выглядели зловеще. Роскошные наряды пестрели пятнами от соуса и вина и, должно быть, крови.

Анжелика попыталась разглядеть тела Лино и несчастного ротисье, но буяны опрокинули свечи, и дальняя часть зала была погружена во мрак.

— Кто из них первым напал на Лино? — глухим голосом спросила Анжелика.

— Вон тот господин, что сидит на углу стола, в бледно-сиреневом жюстокоре с розовыми лентами. Именно он был зачинщиком всех этих гнусностей и подбивал остальных.

В эту минуту незнакомец, на которого указал Давид, с трудом поднялся на ноги и, подняв дрожащей рукой бокал, произнес:

— Господа, я пью за Астарота и Асмодея^[4] — князей вожделения.

— О боже! Тот самый голос! — воскликнула Анжелика, отшатнувшись.

Она узнала бы его из тысячи. Именно этот голос звучал в ее самых мучительных кошмарах: «Мадам, сейчас вы умрете!» Она с криком просыпалась.

Итак, это ОН, опять он. Неужели это — избранник ада, злой демон, постоянно преследующий Анжелику?

— Он первым пронзил шпагой Лино? — спросила она Давида.

— Наверное, я точно и не знаю. Но тот здоровяк — сзади в красных рингравах, — он тоже колол малыша шпагой.

И его Анжелика узнала даже в маске.

Первый — брат короля, второй — шевалье де Лоррен! Теперь молодая женщина не сомневалась, что сможет назвать каждого, кто скрывается под маской!

Вдруг один из пьяных начал бросать в камин стулья и табуреты. Другой схватил бутылку и швырнул ее через весь зал. Бутылка взорвалась в огне поленьев — в ней оказалась крепкая настойка. Взвился огромный жаркий язык пламени, и огонь охватил сломанную мебель. Адское пламя загудело в камине, и головни с треском разлетелись по плиточному полу.

Анжелика соскочила со стола.

— Они сейчас подожгут трактир. Их надо остановить!

Но Давид сильными руками удержал ее.

— Туда нельзя. Вас убьют!

Несколько мгновений они яростно боролись. Гнев и страх перед пожаром удесятирили силы Анжелики; она высвободилась и оттолкнула раненого юношу; дрожащий, с опущенными руками он так и застыл перед дверью.

Анжелика надела маску. Ей тоже не хотелось быть узнанной.

Решительно откинув засовы, она с грохотом распахнула дверь кухни.

Появление на пороге женщины, закутанной в черную накидку, с лицом, скрытым красной маской, на секунду вызвало оцепенение среди гуляк.

Пение и крики стихли.

— О! Красная маска!

— Мессеры, — звонким голосом произнесла Анжелика, — вы потеряли разум? Вы не боитесь, что на вас падет гнев короля, когда молва донесет ему о ваших преступлениях?..

Молчание. Анжелика поняла, что она произнесла единственное верное слово, способное проникнуть в эти

одурманенные вином головы и немного протрезвить их, — «Король!».

Воспользовавшись своим преимуществом, она смело пошла вперед, к очагу. Анжелика надеялась в последнее мгновение вытащить из огня горящую мебель, чтобы пламя не охватило дымоход. Но в этот момент она заметила под столом страшно изуродованное тело мэтра Буржю. Рядом лежал малыш Лино с распоротым животом. Его личико было белее снега, но он выглядел как спящий ангел. Кровь обеих жертв смешивалась с потоками вина, вытекавшими из разбитых бутылок.

Ужас на мгновение парализовал Анжелику. Как укротитель в панике теряет власть над хищниками, так и молодая женщина потеряла контроль над дикой сворой мерзавцев.

Секунды промедления оказалось достаточно, чтобы разразилась буря.

— Женщина! Женщина!

— Вот что нам нужно!

Чья-то рука с силой ударила Анжелику по затылку, затем в висок. В глазах у нее почернело, и к горлу подступила тошнота. Она уже не понимала, что творится.

Где-то рядом пронзительно, не прерываясь, кричала женщина. Анжелика поняла, что это ее собственный крик.

Она лежала распростертой на столе, а черные маски с безумным хохотом склонились над ней. Чьи-то железные кулаки удерживали ее запястья и лодыжки, а юбки были грубо задраны.

— Чья очередь? Кто первым займется этой девкой?

Анжелика кричала, как кричат в кошмарах, на грани безумия.

На нее свалилось чье-то тело, а в губы властно впился грубый рот.

Но внезапно наступила тишина, настолько глубокая, что Анжелике показалось, будто она потеряла рассудок. Между тем с ней ничего не случилось. Замолкли и остановились именно ее палачи. Их испуганные, растерянные взгляды были прикованы к чему-то, чего Анжелика не видела.

Негодяй, который только что взгромоздился на стол и собирался ее изнасиловать, спешно ретировался. Почувствовав, что ее руки и ноги свободны, Анжелика приподнялась и скорее оправила длинные юбки. Она ничего не понимала. Казалось, ее мучители окаменели по мановению волшебной палочки.

Очень медленно она соскользнула на пол и лишь тогда заметила Сорбонну, которая опрокинула навзничь мужчину в бледно-сиреневом жюстокоре и теперь острыми клыками сжимала его горло. Дог вбежал в зал с кухни, его нападение было бесшумным и молниеносным.

Один из распутников пробормотал:

— Отзовите вашу собаку... Где... где пистолет?

— Не двигайтесь, — велела Анжелика. — Если кто-нибудь сделает хоть одно движение, я прикажу собаке задушить брата короля!

Ее ноги дрожали, как у загнанной лошади, но голос был твердым.

— Мессире, не двигайтесь, — повторила она, — или вы ВСЕ будете отвечать перед королем за эту смерть.

Она очень спокойно сделала несколько шагов вперед, к Сорбонне. Та держала свою жертву, как учил Дегре. Одно слово — и железные челюсти сомкнутся, впиваясь в трепещущую плоть, ломая позвонки. Из горла герцога Орлеанского доносилось невнятное бульканье. Его лицо стало фиолетовым от удушья.

— Warte^[5], — тихо приказала Анжелика.

Сорбонна легонько вильнула хвостом, показывая, что она поняла и ждет следующую команду. Вокруг застыли участники оргии. Все они были настолько пьяны, что даже не могли сообразить, что происходит. Они видели только Месье, брата короля, которого вот-вот загрызет собака, и этого оказалось достаточно, чтобы привести их в неопиcуемый ужас.

Анжелика, не отрывая взгляда от присутствующих, открыла один из ящичков стола, взяла нож и подошла к господину в красных рингравах, который оказался к ней ближе других.

Увидев занесенный нож, тот отпрянул.

— Не двигайтесь! — произнесла Анжелика тоном, не терпящим возражений. — Я не собираюсь вас убивать. Просто хочу знать, на кого похожи убийцы в кружевах!

И она одним движением перерезала шнурок, удерживавший маску шевалье де Лоррена. Красивое лицо, отмеченное пагубной печатью разврата, лицо, каждую черточку которого она знала слишком хорошо — именно оно склонилось над ней той страшной ночью в Лувре, о которой она никогда не забудет... Внимательно рассмотрев шевалье, Анжелика двинулась к другим участникам оргии.

Ошалевшие от вина мужчины позволили снять с себя маски, и бывшая графиня де Пейрак узнала каждого из них: Бриенн, маркиз д'Олон, красавец де Гиш, его брат Лувињи... Один скорчил насмешливую рожу и прошептал:

— Маска черная против красной маски.

Это был Пегилен де Лозен. Она узнала и Сен-Тьерри, и Фронтенака. Какой-то элегантный господин храпел, развалившись прямо на полу в лужах вина и блевотины. Узнав маркиза де Варда, Анжелика почувствовала прилив горькой ненависти.

Да! Великолепные молодые вельможи из свиты короля! Когда-то она восхищалась их блистательным

«оперением», но теперь она видела лишь их испорченные души!

Трое были ей не знакомы. Разве что один... но воспоминания были столь расплывчатыми, что Анжелика так и не смогла сообразить, кто же это.

Высокий стройный молодой человек в роскошном светлом парике. Менее пьяный, чем его спутники, он прислонился к одной из колонн зала и делал вид, что полирует ногти. Когда Анжелика подошла, он не стал ждать, пока она сорвет с него маску, и неспешно, грациозным жестом снял ее сам. Его светло-голубые глаза смотрели холодно и высокомерно. Этот взгляд ранил Анжелику. Нервное напряжение, поддерживавшее молодую женщину, разом улетучилось; ею овладела страшная усталость.

По вискам струился пот. Жара в комнате стала невыносимой.

Анжелика вернулась к собаке, взяла ее за ошейник, заставляя отпустить «добычу». Анжелика надеялась, что вот-вот появится Дегре, но она по-прежнему оставалась в полном одиночестве среди этих опасных призраков. Настоящей сейчас Анжелике казалась только Сорбонна.

— Довольно, — устало вымолвила хозяйка таверны. — Убирайтесь вон. Вы уже сотворили достаточно зла.

Шатаясь, держа в дрожащих руках маски, придворные поспешно ретировались, волоча за собой безвольные тела маркиза де Варда и брата короля. На улице им пришлось отбиваться шпагами от поваров, которые, вооружившись вертелами, с гневными криками преследовали буянов.

Сорбонна понюхала кровь и зарычала, злобно ощерив черную пасть. Анжелика прижимала к себе легкое тельце маленького торговца вафлями и нежно гладила его чистый холодный лоб.

— Лино! Лино! Мой милый мальчик... несчастное дитя нищеты...

Громкие крики, раздававшиеся с улицы, вырвали ее из пучины отчаяния.

— Пожар! Пожар!

Пламя все-таки проникло в дымоход и добралось до самой крыши. Вниз начали падать обломки досок, и густой дым окутал обеденный зал.

Подхватив Лино на руки, Анжелика бросилась вон. За ней бежала Сорбонна. На улице стало светло, как днем. Люди со страхом показывали на огненный плюмаж, увенчавший крышу старого дома. Снопы искр дождем падали на крыши соседних зданий.

Кто-то бросился к протекавшей рядом Сене: люди выстроились в цепочки и стали передавать друг другу ведра и чаны с водой. Но пожар не унимался. Воду приходилось поднимать с этажа на этаж в соседних домах, потому что лестница «Красной маски» рухнула.

Анжелика вместе с верным Давидом попытались пробраться в обеденный зал за телом мэтра Буржую, но отступили, задыхаясь от дыма. Тогда они бросились через двор на кухню и стали лихорадочно выносить все, что попадалось под руку.

Между тем подоспели братья-капуцины^[6]. Толпа встретила их появление бурными радостными криками. Народ любил монахов этого отделившегося от францисканцев ордена, устав которого предписывал оказывать помощь пострадавшим от пожара. В то время братья-капуцины были единственной пожарной командой города.

Они принесли с собой приставные лестницы, железные крючья и огромные свинцовые насосы, выбрасывавшие мощную струю воды.

Монахи сразу закатали рукава грубых ряс и, не обращая внимания на падающие сверху горящие

головни, бросились к соседним домам. Вскоре они появились на крышах, железными крюками растаскивая кровли, чтобы преградить путь огню. Братья-капуцины подоспели вовремя: пылающий дом оказался изолирован, а поскольку стояла безветренная погода, пожар не перекинулся на весь квартал. Так благодаря умелым действиям монахов удалось избежать великого бедствия, жертвой которого два-три раза за столетие становился Париж с его традиционно деревянной застройкой.

Там, где еще вчера красовался веселый трактир «Красная маска», зияла страшная расщелина, заваленная дымившимися обломками и пеплом. Но огонь был погашен.

Анжелика, с черными от сажи щеками, смотрела на руины, оставшиеся от ее надежд. Рядом с ней сидела Сорбонна.

«Где же Дегре? О Господи! Я хочу увидеть Дегре, — думала она. — Он скажет мне, что делать».

Она взяла дога за ошейник.

— Отведи меня к своему хозяину.

Как оказалось, идти было совсем недалеко. В тени ближайшего портика молодая женщина увидела знакомую фигуру закутанного в просторный плащ полицейского в фетровой шляпе. Бывший адвокат невозмутимо тер табак.

— Здравствуйте, — произнес он будничным тоном. — Скверная ночь, не так ли?

— Вы были здесь, всего в двух шагах! — воскликнула пораженная Анжелика. — И не пришли?!

— А почему я должен был прийти?

— Но разве вы не слышали, как я кричала?

— Я не знал, что это были вы, мадам.

— Какая разница! Ведь кричала женщина.

— Я не могу мчаться на помощь всем кричащим женщинам, — добродушно заметил Дегре. — Поверьте,

мадам, если бы я знал, что речь идет о вас, то примчался бы немедленно.

Анжелика со злостью пробормотала:

— Сомневаюсь!

Дегре вздохнул.

— Разве мне уже не приходилось рисковать ради вас своей жизнью и карьерой? Я мог бы рискнуть еще раз. Увы, мадам, вы прочно вошли в мою жизнь, и опасаясь, что когда-нибудь эта скверная привычка сведет на нет мою природную осторожность и погубит меня.

— Они схватили меня, распяли на столе... хотели изнасиловать.

Дегре с сарказмом взглянул на свою давнюю знакомую.

— Только и всего? Они могли сделать что-нибудь и похуже.

Анжелика растерянно провела рукой по лбу.

— А потом подросла Сорбонна... подросла вовремя!

— Я всегда безгранично верил в эту собаку.

— Так это вы ее послали?

— Конечно. Кто же еще?

Молодая женщина глубоко вздохнула. Под действием внезапно нахлынувшей слабости и желая попросить прощения, она прижалась щекой к плечу Дегре.

— Спасибо.

— Понимаете, — продолжил полицейский все с тем же невозмутимым видом, который сильно раздражал, но одновременно и успокаивал Анжелику, — служащим государственной полиции я числюсь на бумаге. А в сущности я — полицейский на службе короля. И не мне нарушать беззаботный отдых благородных вельмож. Дорогая, неужели у вас не хватает жизненного опыта, чтобы наконец понять, в каком мире вы живете? Разве можно позволить себе отступить от моды? А нынешняя

мода диктует, что пьянство — всего лишь невинная шутка; похоть, переходящая в разврат, — легкая причуда; оргия, повлекшая за собой преступление, — приятное времяпрепровождение. Днем — придворные поклоны и красные каблуки; ночью — разврат, притоны, трактиры. Разве не в этом заключается привычная жизнь? Вы ошибаетесь, друг мой, если серьезно полагаете, что бояться стоит именно этих людей. На самом деле их маленькие шалости почти не опасны! Единственный враг, самый страшный враг королевства — тот, кто одним лишь словом может подорвать власть: газетчик, писатель, памфлетист. Так вот, я ищу памфлетистов.

— Ну что ж, можете готовиться к охоте, — сказала Анжелика и отстранилась, стиснув зубы, — потому что я устрою вам развлечение.

Ей в голову пришла внезапная идея.

Она пошла прочь, но неожиданно вернулась.

— Их было тринадцать. Имена троих мне неизвестны. Узнайте их для меня.

Полицейский снял шляпу и поклонился.

— К вашим услугам, мадам, — сказал он, внезапно обретая голос и улыбку адвоката Дегре.

Глава 3

Как и во время их первой встречи, Анжелика нашла Клода Ле Пти спящим на кораблике с сеном, пришвартованном со стороны Арсенала. Молодая женщина разбудила его и рассказала о событиях минувшей ночи. Все усилия оказались напрасными: распутники в кружевах вновь разрушили ее жизнь, как армия мародеров опустошает край, по которому идет.

— Ты должен отомстить за меня, — повторяла она с лихорадочным блеском в глазах. — Только ты можешь за меня отомстить. Ты один, потому что ты — их самый страшный враг. Так сказал Дегре.

Поэт зевнул так, что у него хрустнули челюсти, и потерял свои светлые ресницы, будто стряхивая с них остатки сна.

— Какая странная женщина! — заявил он наконец. — Ни с того ни с сего перешла на «ты». Почему бы это?

Он обнял Анжелику за талию и привлек к себе, но та нетерпеливо высвободилась.

— Слушай, что я тебе говорю!

— Еще пять минут, и ты начнешь называть меня деревенщиной. Ты больше не похожа на маленькую нищенку. Ты похожа на знатную даму, отдающую приказания. Ну что ж: к вашим услугам, маркиза. Ладно, я все понял. С кого бы ты хотела начать? С Бриенна? Припоминаю, он волочился за мадемуазель де Лавальер, хотел заказать ее портрет в образе Магдалины. Потому-то король и переносит его с превеликим трудом. Ну что же, на обед Его Величеству мы подадим Бриенна под острым соусом.

И Клод Ле Пти обратил свое красивое бледное лицо на восток, туда, где поднималось солнце.

— Да, к обеду. Успеем. Когда речь идет о том, чтобы усилить эхо моих насмешек над сильными мира сего, печатный станок мэтра Жильбера всегда работает без устали. Что-то не помню, говорил ли я тебе, что сын мэтра Жильбера некогда был приговорен к галерам, уж и не знаю за какой грешок? Для него и для тебя это превосходная возможность отомстить, не так ли?

И, вытащив из недр своего широкого плаща старое гусиное перо, Грязный Поэт принялся писать.

Утро вступало в свои права. Колокола всех церквей и монастырей радостно созывали к заутрене.

Когда король после утренней мессы покинул часовню и пересек прихожую, где его уже ждали просители, близился полдень. Государь обратил внимание, что плиточный пол усеян белыми листками, которые спешно собирает перепуганный лакей. Казалось, слуга только что заметил беспорядок. Пройдя дальше и спускаясь по лестнице, ведущей к личным покоям, Людовик XIV увидел похожую картину и выказал недовольство.

— Что это значит? Листы здесь падают на пол, как осенние листья на Кур-ля-Рен^[7]. Прошу вас, дайте-ка мне один.

В разговор вмешался пунцовый, как рак, герцог де Креки.

— Ваше Величество, эти досужие измышления не представляют никакого интереса...

— О! Я уже вижу, что это такое, — промолвил король, с нетерпением протягивая руку. — Еще несколько «досужих измышлений» этого проклятого Грязного Поэта с Нового моста. Памфлетист, как угорь, постоянно выскользывает из рук стражников! Теперь он пробрался в мой дворец и раскидывает всякую гадость у меня под ногами. Дайте, прошу вас... В самом деле, это он! Когда увидите господина гражданского

лейтенанта и господина прево Парижа, можете передать им мои поздравления, господа...

Усевшись за обеденный стол, на котором красовались три куропатки с виноградом, супница с рыбным супом, жаркое с огурцами и блюдо пирожков с начинкой из китового языка, Людовик XIV положил рядом со своим прибором помятый лист бумаги с еще не просохшей типографской краской, пачкающей пальцы. Король любил поесть и уже давно научился обуздывать обуревавшие его эмоции, поэтому напечатанные строки не испортили ему аппетита. Но когда Людовик закончил читать, в комнате повисло тяжелое молчание, напоминающее тишину склепа, хотя обычно во время обеда дворяне услаждали слух монарха приятной беседой.

Памфлет был написан на том грубом, простонародном языке, чьи слова кололи, как стрелы, и который уже более десяти лет олицетворял в глазах парижан мятежный дух города.

В нем расписывались «подвиги», совершенные господином де Бриенном, первым дворянином короля. Этому вассалу недостаточно того, что он хотел похитить «нимфу с волосами цвета луны» у сюзерена, которому он обязан всем на свете; ему мало постоянных скандалов с женой... Но нет, прошлой ночью галантный кавалер отправился в трактир на улицу Нищеты. Там он и его приятели надругались над маленьким торговцем вафлями, а затем закололи мальчика шпагами. Потом они кастрировали хозяина заведения, отчего бедняга скончался, разбили голову его племяннику, изнасиловали его дочь и закончили свои «развлечения» тем, что подожгли дом, от которого осталась лишь горсть пепла.

*Хотят нас уверить — за этот грабеж
Ты тех, кто в ответе, вовек не найдешь.*

*На деле ж тринадцать известных вельмож
Затеяли этот кровавый кутеж.*

*Но каждый день по одному
Я свету объявлю всему
Их имена, и под конец
Узнают все, кто тот подлец,
Что проливает кровь шутя.
Так кто же заколол дитя?*

— Клянусь святым Дени! — воскликнул король. — Если это правда, то Бриенн заслуживает виселицы. Кто-нибудь из вас, господа, слышал об этих преступлениях?

Придворные испуганно лепетали, что им мало известно о событиях прошедшей ночи.

Но король обратил внимание на юного пажа, помогавшего офицерам королевского рта, и, глядя на него в упор, неожиданно спросил:

— Дитя мое, должно быть, вы любопытны и охочи до сплетен, как и полагается в вашем возрасте. Расскажите мне, о чем судачили сегодня утром на Новом мосту?

Подросток покраснел, но он принадлежал к старинному дворянскому роду и потому ответил не задумываясь:

— Сир, говорят, что все, о чем написал Грязный Поэт, — правда и что такие события произошли минувшей ночью в трактире «Красная маска». Мы с приятелями ходили танцевать фарандолу, а когда возвращались, то увидели пламя и побежали к месту пожара. Но братья-капуцины уже справились с огнем. Весь квартал гудит, как растревоженный улей.

— Говорят, несчастье произошло по вине дворян?

— Да, но никто не знает их имен, потому что они были в масках.

— Что еще вам известно?

Глаза короля буравили пажу. Парнишка, уже ставший настоящим придворным, боялся сболтнуть лишнее, что могло бы повредить его карьере. Но, повинувшись приказу властного взгляда, он опустил голову и прошептал:

— Сир, я видел маленького торговца вафлями. Мертвого, с распоротым животом. Какая-то женщина вынесла погибшего мальчика из огня, она сжимала его тело в объятиях. Еще я видел племянника хозяина трактира, у него был перевязан лоб.

— А сам хозяин?

— Они не сумели вынести его тело из охваченного пожаром здания. Люди говорят...

Юный паж выдавил жалкую улыбку в похвальном намерении разрядить атмосферу.

— Люди говорят, что это прекрасная смерть для торговца жареным мясом.

Но король сохранил ледяное выражение лица, и придворные спешно поднесли ладони к губам, чтобы скрыть неуместный смех.

— Пошлите за графом де Бриенном, — приказал король. — Герцог, — добавил Людовик, обращаясь к герцогу де Креки, — передайте месье д'Обре следующие инструкции: во-первых, он должен собрать любые сведения, касающиеся происшествия минувшей ночи, и тотчас же сообщить их мне; во-вторых, проследить, чтобы любой распространитель или продавец этих памфлетов был незамедлительно арестован и препровожден в Шатле. И наконец, на каждого прохожего, замеченного за тем, что он подбирает или читает одну из этих листовок, будет наложен крупный штраф, а в дальнейшем за подобное он будет подвергнут преследованиям и заключен в тюрьму. Я также хочу, чтобы были незамедлительно предприняты самые серьезные меры по обнаружению владельца типографии и месье Клода Ле Пти.

Графа де Бриенна, страдающего от тяжелого похмелья, нашли в его собственном доме, в постели, куда его уложили слуги.

— Дорогой друг, — обратился к нему капитан стражи маркиз де Жевр, — я прибыл сюда, чтобы исполнить тягостный долг. Полагаю, дело это весьма темное, но я вынужден вас арестовать.

И капитан протянул графу под нос поэму, которой сам он наслаждался по дороге, нисколько не опасаясь, что на него наложат штраф.

— Моя жизнь пошла прахом, — ответил Бриенн, еле ворочая языком. — В этом королевстве все происходит так стремительно! Я еще не успел... избавиться от всего вина, что выпил в этом чертовом трактире, а меня уже заставляют платить по счетам.

***

— Господин министр, — заявил Людовик XIV, — по многим причинам разговор с вами мне в тягость. Будем кратки. Вы признаете, что прошлой ночью принимали участие в гнусных деяниях, описанных на этой бумаге? Да или нет?

— Сир, я был там, но не совершал всех этих мерзостей. Грязный Поэт сам признает, что я не убивал маленького торговца вафлями.

— Кто же это сделал?

Граф де Бриенн хранил молчание.

— Я одобряю, месье, ваше нежелание полностью перекладывать на плечи других ответственность за поступки, в которых есть и доля вашей вины. Это можно прочесть по вашему лицу. Но тем хуже для вас, мессир граф, что вы имели несчастье позволить себя узнать. Вы заплатите за всех. Простой народ ропщет... и имеет на это право. Именно поэтому необходимо, чтобы правосудие восторжествовало, причем как можно

скорее. Я хочу, чтобы уже сегодня вечером на Новом мосту говорили, что граф де Бриенн в Бастилии... и что он будет жестко наказан. Что касается меня, то я в восторге от того, что мне представился повод избавиться от человека, которого едва переношу. И вы знаете, по какой причине.

Незадачливый Бриенн со вздохом вспомнил о робких поцелуях, которые он пытался сорвать с уст прелестной Лавальер, когда еще не знал о намерениях короля по отношению к этой девушке.

Итак, ему придется расплачиваться и за невинное мимолетное увлечение, и за безобразную оргию. Еще один дворянин в Париже проклял перо поэта. По дороге в Бастилию карету, в которой везли Бриенна, остановила толпа торговков с Центрального рынка. Они размахивали листками с памфлетом и разделочными ножами: женщины кричали, что собираются подвергнуть заключенного той же пытке, от которой погиб несчастный мэтр Буржю.

Бриенн смог вздохнуть спокойно лишь тогда, когда за ним захлопнулись тяжелые двери тюрьмы. Его мужское достоинство было спасено!

***

Но на следующее утро новая лавина белых листов обрушилась на Париж. И — невиданная наглость! — одну из эпиграмм король обнаружил непосредственно под своей тарелкой с легкой закуской, которую он намеревался откусать перед тем, как ехать в Булонский лес охотиться на оленей.

Охоту отменили, а мессир д'Олон, главный ловчий Франции, отправился в направлении, прямо противоположном тому, по которому он намеревался следовать. То есть вместо того, чтобы спуститься по

Кур-ля-Рен, он поднялся по улице Святого Антония, ведущей к Бастилии.

В новом памфлете поэт указал на д'Олона как на человека, державшего мэтра Буржую, пока его истязали.

*Но каждый день по одному
Я свету объявлю всему
Их имена, и под конец
Узнают все, кто тот подлец,
Что проливает кровь шутя.
Так кто же заколол дитя?*

Затем наступила очередь де Лозена. Его имя стали выкрикивать на улицах, когда он мчался в карете к утреннему туалету короля. Пегилен тут же приказал развернуть лошадей по направлению к Бастилии.

— Приготовьте мои апартаменты, — велел де Лозен коменданту тюрьмы, господину де Монлезюну де Бесману.

— Но мессир граф, у меня нет распоряжений на ваш счет.

— Вы их получите в ближайшее время, не беспокойтесь.

— А где королевский указ о заточении без суда и следствия?

— Вот он, — сказал Пегилен, протягивая господину де Ваннуа типографский листок, который он только что купил за десять су у какого-то грязного мальчишки.

Фронтенак предпочел бежать, не дожидаясь, когда наступит его черед. Вард пытался отговорить приятеля от подобного поступка.

— Ваше бегство станет признанием вины, оно целиком и полностью изобличит вас. А если вы продолжите разыгрывать из себя невинного, то, быть может, избежите страшного потока разоблачений. Взгляните на меня. Разве я кажусь взволнованным? Нет,

я шучу, смеюсь. Никто меня не подозревает, и сам король рассказывает мне, сколь удручает его это дело.

— Вы перестанете смеяться, когда подойдет ваша очередь.

— Мне думается, что она не подойдет. В песенке говорится про «тринадцать известных вельмож». Имена троих уже преданы огласке. Но полицейские уверяют, что арестованные продавцы памфлетов под пытками назвали имя хозяина типографии. В ближайшие дни «листопад» прекратится, и все вернется на свои места.

— Лично я не разделяю вашего оптимизма касательно краткосрочности этого тягостного сезона, — заявил маркиз де Фронтенак, поднимая воротник дорожного плаща. — Что до меня, то я предпочитаю изгнание тюрьме. Прощайте.

Маркиз уже добрался до границы с германскими землями, когда его имя появилось на пресловутых листках, что, впрочем, прошло почти незамеченным. Ведь накануне на растерзание общественному мнению был отдан маркиз де Вард, причем его похождения были описаны с такими подробностями, что сам король не на шутку разволновался. Грязный Поэт обвинял «высокопоставленного негодяя» ни больше, ни меньше, как в том, что именно он был автором «испанского письма», которое двумя годами раньше оказалось в покоях королевы. Тогда неизвестный «доброжелатель» из «милосердных побуждений» известил Марию-Терезию об изменах супруга с мадемуазель де Лавальер^[8]. Обвинение поэта разбередило старую рану в душе государя, ведь тогда Людовик так и не смог найти виновных. Более того, разбирая дело, король не раз обращался к Варду за советом.

Король допрашивал капитана швейцарской гвардии и вызывал во дворец его любовницу мадам де Суассон; невестка короля Генриетта Английская, замешанная в

истории с «испанским письмом», бросилась к ногам государя; де Гиш и Месье яростно спорили с шевалье де Лорреном... Между тем список преступников из трактира «Красная маска» с каждым днем становился все длиннее. Каждый день в угоду толпе приносилась новая жертва. Лувињи и Сен-Тьерри, заранее смирившиеся с судьбой и сделавшие необходимые распоряжения, в одно прекрасное утро обнаружили, что весь Париж знает точное число их любовниц и их альковные пристрастия. Все эти пикантные подробности сопровождалось припевом, который уже стал привычным:

*Но каждый день по одному
Я свету объявлю всему
Их имена, и под конец
Узнаете вы, кто подлец,
Что проливает кровь шутя.
Так кто же заколол дитя?*

Король, потрясенный разоблачениями в адрес маркиза де Варда, отнесся к Лувињи и Сен-Тьерри довольно снисходительно, он лишь приказал им оставить занимаемые должности и удалиться в фамильные владения.

Весь Париж лихорадило.

— Кто следующий? Кто следующий? — каждое утро вопили продавцы памфлетов.

Горожане рвали листы у них из рук. Те, кто оказался на улице, выкрикивали «имя дня» тем, кто еще не выходил из дома.

У придворных появилась манера подходить друг к другу и загадочно произносить:

— Так кто же заколол дитя?

И прыскать со смеху.

Но вскоре по дворцу поползли тревожные слухи и смех прекратился. В Лувре царила паника, веселье придворных, уверенных в своей невинности и беззаботно следивших за развитием драматической игры, сменилось глубочайшим замешательством. Многие видели, как королева-мать лично направляется в Пале-Рояль, чтобы поддержать младшего сына. В окрестностях дворца, где проживал Месье, стали собираться молчаливые толпы враждебно настроенных зевак. Еще никто ничего не сказал, никто не был ни в чем уверен, но уже ходили упорные слухи, что брат короля принимал участие в оргии в трактире «Красная маска» и что ИМЕННО ОН убил маленького торговца вафлями.

О первой реакции королевского двора Анжелика узнала от Дегре.

На следующий день после трагедии, когда арестованный Бриенн с трудом добирался до Бастилии, полицейский постучал в двери маленького дома на улице Фран-Буржуа.

С каменным выражением лица молодая женщина выслушала рассказ Дегре о словах и решениях короля.

— Он воображает, что все закончится на Бриенне, — прошептала она, стиснув зубы. — Но он ошибается! Все только начинается. Вначале — те, кто виновен менее других. И так будет продолжаться до тех пор, пока не разразится грандиозный скандал и кровь Лино не запятнает ступени монаршего трона.

Анжелика сжала свои бледные и холодные как лед руки.

— Я только что похоронила его на кладбище Невинных. Все торговки Центрального рынка оставили свои прилавки и проводили в последний путь это несчастное маленькое создание, которое получило в подарок от судьбы лишь красоту и добрый нрав. И надо было такому случиться, что порочные господа отняли у

него единственное сокровище — жизнь. Но на похоронах у него был прекрасный кортеж.

— Пока мы с вами беседуем, дамы с Центрального рынка с большой помпой сопровождают мессира де Бриенна.

— Пускай они повесят его, пусть подожгут его карету, подожгут Пале-Рояль! Пусть они сожгут все замки в окрестностях: Сен-Жермен, Версаль...

— Поджигательница! Где же вы будете танцевать, когда вновь станете знатной дамой?

Молодая женщина выразительно взглянула на собеседника и покачала головой.

— Никогда, никогда больше я не буду знатной дамой. Я вновь рискнула всем, и опять все потеряла. Они сильнее меня. Вы узнали имена, как я вас просила?

— Вот, — произнес Дегре, доставая пергаментный свиток из-под плаща, — здесь результаты частного расследования, о них знаю лишь я. Итак, в трактир «Красная маска» мартовским вечером 1663 года вошли: Месье, герцог Орлеанский, шевалье де Лоррен, мессир граф де Лозен...

— Ох! Прошу вас, без титулов, — вздохнула Анжелика.

— Это сильнее меня, — смеясь, заявил Дегре. — Вы же знаете, я — служащий, весьма почтительно относящийся к существующему порядку. Хорошо, скажем так: МЕССИРЫ де Бриенн, де Вард, дю Плесси-Бельер, де Лувиньи, де Сен-Тьерри, де Фронтенак, де Кавуа, де Гиш, де Лавальер, д'Олон, де Торм.

— Лавальер? Брат фаворитки?

— Он самый.

— Просто замечательно, — прошептала Анжелика, предвкушая радость мести; ее глаза горели. — Но... подождите, вы перечислили четырнадцать имен. А я насчитала тринадцать человек.

— Вначале их было четырнадцать, потому что с ними был еще маркиз де Торм. Этот зрелый мужчина любит кутить в компании молодежи. Но когда он сообразил, чего добивается Месье от мальчика, маркиз ретировался, сказав на прощание: «Спокойной ночи, мессир, не хочу сопровождать вас по нехоженным тропам. Предпочитаю ходить по протоптанной дорожке. Попросту говоря, сейчас я отправляюсь напрямик в постель к маркизе де Ракено». Ведь ни для кого не секрет, что эта пышнотелая дама — его любовница.

— Превосходная история, пусть заплатит за свою трусость!

Глядя, как Анжелика морщит лоб, Дегре усмехнулся:

— Злость вам к лицу. Когда я с вами познакомился, вы казались скорее трогательной — а это притягивает негодяев.

— А когда я познакомилась с вами, вы были приветливым, веселым и искренним. Теперь же я порой готова вас возненавидеть.

Изумрудные глаза сверкнули, и она прошипела:

— Чертов сын!

Эта реплика развеселила полицейского, он громко рассмеялся:

— Мадам, можно подумать, что вы много общались с представителями городского дна.

Анжелика пожала плечами, подошла к камину и, чтобы не выдать волнения, стала помешивать щипцами угли в камине.

— Вы боитесь, не правда ли? — продолжил Дегре, растягивая звуки, как житель парижских пригородов. — Боитесь за своего ненаглядного Грязного Поэта? Должен вас предупредить: на сей раз он действительно окажется на виселице.

Молодая женщина удержалась от ответа, хотя ей хотелось крикнуть: «Он никогда не окажется на

виселице! Нельзя повесить поэта с Нового моста. Он упорхнет, как тощая птица, и усядется на башнях собора Парижской Богоматери».

Ее нервы были напряжены, как натянутые струны. Она снова помешала угли, склонив лицо к огню. Прошлой ночью на лбу у нее появился небольшой ожог — след от головешки. Почему Дегре не уходит? Но ей нравится, когда он рядом. Вне всякого сомнения, старая привычка.

— Какое имя вы упомянули? — внезапно воскликнула она. — Дю Плесси-Бельер? Маркиз?

— Теперь вы желаете услышать титулы? Хорошо! Действительно, речь идет о маркизе дю Плесси-Бельер, бригадном генерале короля... Вы слышали о победителе при Норжене?

— Филипп! — прошептала Анжелика.

Отчего же она не узнала его в тот миг, когда он снял маску и смерил ее тем презрительным взглядом холодных голубых глаз, каким некогда смотрел на кузину в сером платье? Филипп дю Плесси-Бельер! У нее перед глазами возник замок Плесси, похожий на белую кувшинку посреди тенистого пруда...

— Как странно, Дегре! Этот молодой человек — один из моих родственников, мой кузен, который жил в нескольких лье от нашего замка. В детстве мы играли вместе.

— А теперь, когда маленький кузен пришел поиграть с вами в трактире, вы решили его пощадить?

— Вполне возможно. В конце концов, их было тринадцать. С маркизом де Тормом как раз получится нужное число.

— А не опрометчиво ли с вашей стороны, моя дорогая, доверять свои секреты чертову сычу?

— То, о чем я вам рассказываю, не поможет вам разыскать владельца типографии, где печатают стихи

Грязного Поэта, и выяснить, как памфлеты попадают в Лувр. А впрочем, вы меня не предадите!

— Нет, мадам, ВАС я не предаю, но я вас и не обману. На сей раз Грязный Поэт будет повешен!

— Ну, это мы еще посмотрим!

— Увы! Мы это увидим, — ответил полицейский. — До свидания, мадам.

После ухода Дегре молодая женщина никак не могла справиться с охватившей ее дрожью. На улице Фран-Буржуа завывал ветер, а в ее сердце бушевала буря. Анжелика уже познала тревогу, страдания, боль, но теперь она испытывала глубокое отчаяние, а слезы, обычно приносившие успокоение и облегчение, так и не пролились.

Вернувшись в Париж, Одиже тут же бросился к Анжелике; его честное лицо выражало искреннее сопереживание. Он притянул ее в объятия, но Анжелика попыталась оттолкнуть дворецкого.

— Милая моя, произошла ужасная драма. Только не надо так убиваться. Какое у вас трагическое выражение лица! Вы меня пугаете!

— Это катастрофа, страшная катастрофа! Теперь, когда трактир «Красная маска» исчез, откуда я возьму деньги? Цеховые организации не обязаны меня защищать. Сегодня мой договор с мэтром Буржю и гроша ломаного не стоит. Мои сбережения скоро подойдут к концу. Совсем недавно я вложила крупную сумму в ремонт обеденного зала, пополнила запасы вина, крепких настоек и ликеров. Давид еще сможет потребовать компенсации в Канцелярии пожаров, но все знают, насколько прижимисты там служащие. В любом случае, бедный мальчик потерял все свое наследство, так что я не могу попросить у него даже малой толики из тех денег, что он получит. Все, что я построила с таким трудом, рухнуло... Что со мной станется?

Одиже коснулся щекой нежного щелка волос Анжелики.

— Ничего не бойтесь, любовь моя. Пока я рядом, вы и ваши дети не будете нуждаться ни в чем. Я не богат, но располагаю достаточными средствами, чтобы помочь вам. А как только я открою дело, мы будем работать вместе, как и договаривались.

Женщина вырвалась из его объятий.

— Но я хотела не этого! — воскликнула она. — Я не желаю работать у вас в качестве служанки...

— Не в качестве служанки, Анжелика.

— Служанка или супруга, все сводится к одному. Я хотела вложить свою долю в предприятие, чтобы быть равным партнером...

— Так вот что вас задевает, Анжелика! Я начинаю думать, что Бог наказал вас за гордыню. Зачем вы по-прежнему твердите о равенстве мужчин и женщин? Это почти ересь. Если бы вы скромно заняли место, отведенное Господом для особ вашего пола, вы были бы намного счастливее. Женщина сотворена для того, чтобы жить у домашнего очага, под защитой супруга, о котором она должна нежно заботиться, как и о детях, рожденных от их союза.

— Какая прелестная картина! — зло усмехнулась Анжелика. — Так вы вообразили себе, что подобное безмятежное существование никогда меня не прельщало? Того и гляди, вы заставите меня поверить, будто я исключительно ради собственного удовольствия ввязалась в драку с двумя малышами на руках. Послушайте, Одиже, убирайтесь вон! Вы просто глупец, меня от вас тошнит.

— Анжелика!

— Уходите, прошу вас.

Анжелика не могла больше терпеть присутствия Одиже. Так же непереносим был для нее вид хнычущей Барбы, ошалевшего Давида, смущенной Жавотты. Ее

раздражало даже присутствие малышей, которые, почувствовав, что их мир в опасности, инстинктивно удвоили свои крики и капризы. Так ведут себя все дети. Но Анжелика была совершенно измучена. Чего все они хотят от нее? Она больше ничего не в силах сделать, буря подхватила и увлекла ее в безумный водоворот, в котором, как огромные птицы, кружились белые листы с ядовитыми памфлетами Грязного Поэта.

Еще не до конца поправившись, Давид неожиданно поднялся с постели. Свой первый опыт борьбы за наследство юноша получил после смерти отца, и теперь прекрасно отдавал себе отчет в том, что ему предстоит непростое предприятие, схожее с изнурительной битвой, стратегию которой следует разработать заранее. Сначала необходимо заявить о своих правах, преодолеть всевозможные препятствия и вырвать наследство из лап скряг чиновников, которые попытаются его оспорить. Но как единственный родственник мэтра Буржю, он хорошо вооружен. Комната, которую ему предоставил покойный ротисье, находилась в здании, расположенном на другом конце двора, и пожар ее пощадил. Там сохранилась сумка с документами, которую Давид берег как зеницу ока. С этими бумагами он наверняка сумеет постоять за себя.

Анжелика считала, что юноша еще не пришел в себя после пережитого и пока не оправился от лихорадки. Но благодаря ее заботам Давид все же пошел на поправку.

Она напомнила юноше, что у нее с мэтром Буржю существовал договор о долях в предприятии. Но Давид энергично воспротивился такого рода притязаниям. Он — наследник, у него есть соответствующие бумаги, и только они представляют собой верное оружие против тех, с кем он собирается бороться: цеховых организаций, чиновников, надзирающих за соблюдением закона о наследовании.

— Мэтр Буржю был моим дядей.

— Мэтр Буржю был моим отцом, — возразила Анжелика.

Только теперь она осознала, что наивный и вспыльчивый мэтр Буржю, порой не желавший поддерживать ее рискованные затеи, действительно был ей как отец. Он был для нее единственным защитником во враждебном мире, где одинокая женщина легко становится добычей для всех и каждого.

Но она не стала доказывать это Давиду. Она видела, как из-за волнений разрасталось кровавое пятно на повязке, которой был перевязан лоб юноши. Она отпустила его, перед дорогой заставив выпить укрепляющий настой и сделав перевязку. Люди, с которыми ему предстояло встретиться, знали, что юноша был ранен во время трагедии, разыгравшейся на улице Нищеты, но будет лучше, если он произведет благоприятное впечатление. По крайней мере, он остался в живых.

Неотступная боль терзала сердце Анжелики. Она потеряла двух дорогих ее сердцу людей. Смерть мэтра Буржю и маленького Лино обернулась зияющей пустотой в ее душе. Ведь они сыграли такую важную роль в ее судьбе, в восстановлении ее разбитой жизни!

Она то и дело ловила себя на том, что собирается позвать их. Ей постоянно хотелось им что-то сказать. Где же они? Ужасные обстоятельства их гибели лишь усиливали скорбь. А она не была рядом, чтобы защитить их. Ведь они были совсем как дети! Она заплатила Деревянному Заду, Великому Кесарю воровского братства, за свое право жить свободно и быть счастливой. Потерявший любимую жену мэтр Буржю сумел избежать печальной участи пьяницы, который топил горе в вине, и хотя Анжелике порой приходилось тормошить ротисье, чтобы он проявлял больше смелости и принимал ее нововведения, он вновь

почувствовал вкус к делам трактира. А когда молодая женщина думала о Лино, ее сердце просто разрывалось от боли. Пикколо тоже никак не могла оправиться после гибели маленького музыканта. Сжавшись в комочек, она сидела в углу и, казалось, снова и снова переживала увиденный ею кошмарный спектакль. Анжелика поручила зверька заботам Жавотты, детей и собаки Пату, к лохматому боку которой обезьянка любила прижиматься. Она умоляла их сделать все возможное, чтобы успокоить несчастное крохотное существо, вернуть его к жизни, повторяла, что не переживет потери Пикколо. И это было правдой.

Дегре, а Одиже и подавно, не могли понять глубину ее горя, ведь она не проронила ни слезинки.

Днем и ночью Анжелику занимало лишь одно: охота, беспощадная погоня. Что будет происходить в городе? Как поступит король? Она думала о неминуемой расплате, которая должна наступить за этой бурей, заслонившей весь горизонт. Пусть виновные будут наказаны, а имена трусов разглашены.

Маркиз де Лавальер, понимая, что наступил его черед, решил сам во всем признаться сестре и отправился в особняк Бирон, где Людовик XIV поселил свою фаворитку. Перепуганная Луиза де Лавальер посоветовала младшему брату довериться государю и положиться на монаршую милость.

Он так и поступил.

— Боюсь, что, наказав вас слишком строго, я заставлю плакать прекрасные глаза, которые мне так дороги, — заявил Его Величество. — Месье, уезжайте из Парижа и присоединяйтесь к вашему полку в Руссильоне. Скандал мы замнем.

Между тем это оказалось не так просто. Скандал противился тому, чтобы его тушили. Среди горожан шли аресты. Людей бросали в тюрьму, пытали, но каждый день, как по часам, на улицах города

появлялись листки с именем очередного злодея. Вот-вот должны были прозвучать имена маркиза де Лавальера, шевалье де Лоррена и, наконец, брата короля! Полиция обошла все типографии, за ними велась круглосуточная слежка. Многие из завсегдатаев Нового Моста, пойманные на распространении листовок, томились в карцерах Шатле.

Но памфлеты находили даже в апартаментах королевы!

Было установлено наблюдение за каждым, кто входил и выходил из Лувра, все дворцовые входы охранялись, как ворота крепости. Кто бы ни вошел с утра во дворец, будь то разносчик воды, молочница или слуга, все подвергались тщательному обыску. Стражники стояли у окон, патрулировали коридоры. Никто не мог войти в Лувр или выйти оттуда незамеченным.

«Человек не пройдет, зато полчеловека...» — думал Дегре, подозревавший карлика королевы Баркароля в том, что тот является сообщником Анжелики.

Ее сообщниками стали еще и нищие, сидящие на углах улиц,— именно они прятали кипы листовок под своими лохмотьями, а затем раскидывали их на ступенях церквей и монастырей. И бандиты, которые ночью, ограбив добропорядочного горожанина, предлагали в утешение несколько листовок для чтения; продавщицы цветов и торговли апельсинами с Нового моста... Большой Матье раздавал новые стихи Грязного Поэта под видом бесплатных рецептов.

Наконец, ее сообщником был сам новый Великий Кесарь — Деревянный Зад, во владения которого Анжелика безлунной ночью переправила три огромных сундука с памфлетами. Именно они скрывали имена пяти последних злодеев. Едва ли полиция нагрянет в вонючие лачуги предместья Сен-Дени: слишком неподходящий момент, чтобы атаковать квартал, для

взятия которого потребовалось бы настоящее сражение.

Несмотря на все рвение, стражники, судебные исполнители, сержанты не могли поспеть повсюду. До рассвета было еще далеко, когда Маркиза Ангелов при помощи «своих людей» без малейших помех перевезла сундуки из университетского квартала во дворец Деревянного Зада.

Двумя часами позже арестовали владельца типографии и его работников. Один из распространителей памфлетов, оказавшийся в Шатле, не выдержал пыток «испанским сапогом» и назвал имя мэтра. В мастерской печатника обнаружилось доказательство его вины, но не было найдено и следа листовок с грядущими разоблачениями. Тех, кто надеялись, что памфлеты еще не напечатаны, ждало разочарование: ранним утром весь Париж узнал о трусости маркиза де Торма, который вместо того, чтобы защитить маленького торговца вафлями, ушел из трактира, заявив товарищам по попойке: «До свидания, господа. Не стану изменять привычке и оправляюсь в постель к маркизе Ракено».

Для маркиза де Ракено измены супруги отнюдь не являлись тайной, но когда об этом раструбили на весь город, он счел необходимым вызвать соперника на дуэль и был убит. Пока господин де Торм приходил в себя после поединка, появился маркиз де Жевр и предъявил дуэлянту приказ об аресте.

Маркиз де Торм еще не читал изобличающий памфлет и потому решил, что его везут в Бастилию за участие в дуэли.

— Только четверо! Только четверо! — пели мальчишки, кружась в фарандоле.

— Только четверо! Только четверо! — вопили под окнами Пале-Рояль.

Стражники кнутами разгоняли толпу, осыпавшую их оскорблениями.

Измученный, гонимый из одного убежища в другое, Клод Ле Пти добрался наконец до Анжелики. Лицо его, обросшее щетиной, казалось еще бледнее, чем обычно.

— На сей раз, моя красавица, — сказал он с кривой усмешкой, — в воздухе действительно запахло жареным. Сдается мне, что из этих сетей не ускользнуть.

— Не смей так говорить! Ты же сам сто раз повторял мне, что тебя никогда не повесят.

— Так думает каждый, пока он уверен в своих силах. А потом вдруг появляется трещина, силы утекают сквозь нее, и все становится ясно.

Поэт был ранен, когда, спасаясь от преследования, ему пришлось выпрыгнуть из окна, разбив стекло и сломав переплет.

Анжелика уложила Клода в постель, перевязала и накормила. Молодой человек внимательно следил за ней, и она разволновалась, не увидев в его глазах обычной насмешки.

— Эта трещина — ты, — внезапно сказал он. — Не надо было мне тебя встречать... и любить. С того момента, как ты стала обращаться ко мне на «ты», я понял, что превратился в твоего слугу.

— Клод, — возразила обиженная Анжелика, — почему ты хочешь со мной поссориться? Я... я почувствовала, что ты стал для меня очень близким человеком, что ты сделаешь для меня все, о чем я попрошу. Но если хочешь, я больше не буду говорить тебе «ты».

Она села на край постели, взяла его руку и нежно прижалась щекой к его ладони.

— Мой поэт...

Он отнял свою руку и закрыл глаза.

— Ах! — вздохнул Клод Ле Пти. — Именно это и плохо. Рядом с тобой начинаешь грезить о жизни, в которой ты всегда рядом. Начинаешь рассуждать, как пустоголовый мещанин. Говоришь себе: «Каждый вечер я хотел бы возвращаться в теплый и светлый дом, где она меня ждет! Каждую ночь я хотел бы видеть ее в моей постели, такую теплую и пухленькую, покорную моим желаниям. Я хотел бы отрастить толстое брюхо, как у добропорядочного горожанина, вечером стоять на пороге дома, и в разговоре с соседями говорить о ней “Моя жена”». Вот как начинаешь думать, познакомившись с тобой. А еще начинаешь подозревать, что столы в кабаках слишком жесткие, чтобы спать на них, а между ногами бронзовой лошади слишком холодно, и что ты совсем один в этом мире, как пес без хозяина.

— Ты говоришь, как Весельчак, — задумчиво заметила Анжелика.

— И ему ты принесла только боль, потому что, в сущности, ты — всего лишь мимолетное видение, неуловимое, как капризная бабочка. А еще ты честолюбивая и здравомыслящая...

Она не ответила, потому что почувствовала, что не в силах спорить и, кроме того, что поэт прав. Ей вспомнилось лицо Жоффрея де Пейрака накануне ареста, потом лицо Весельчака незадолго до сражения на ярмарке Сен-Жермен. У некоторых людей в преддверии беды внезапно просыпаются инстинкты, обостряется интуиция. Ведь давно подмечено, что солдаты, идущие на верную гибель, перед боем всегда бывают печальны.

Но на этот раз нельзя позволить судьбе застать себя врасплох: со злым роком нужно бороться.

— Ты уедешь из Парижа, — решила Анжелика. — Ты выполнил свою задачу: последние памфлеты написаны и напечатаны, я переправила их в надежное место.

— Уехать? Мне? Но куда мне деваться?

— Поезжай к своей старенькой кормилице, ты мне о ней рассказывал, к той, которая воспитывала тебя в Юрских горах. Горные дороги пока еще завалены снегом, и никто не станет тебя там искать. Сейчас тебе лучше уйти, здесь ненадежное убежище. Спрячешься у Дерянного Зада, а в полночь, сегодня же, иди к воротам Монмартр, которые всегда плохо охраняются. Там найдешь лошадь, а в седельных сумках будут деньги, пистолет и еда.

— Договорились, маркиза, — зевая, согласился поэт и сразу же поднялся с постели.

Столь неожиданная покорность встревожила Анжелику сильнее, чем безрассудная отвага. Что это — усталость, страх или рана? Казалось, он двигается, как лунатик. Прежде чем уйти, Клод посмотрел на Анжелику долгим серьезным взглядом.

— Теперь, — сказал он, — ты стала очень сильной, и уже можешь бросить нас, чтобы идти дальше.

Она не поняла, что он хотел этим сказать, его слова больше не проникали в ее сознание. Анжелика чувствовала только боль во всем теле, как будто ее избили.

Она даже не постояла на пороге, чтобы посмотреть, как тает в пелене дождя худой черный силуэт Грязного Поэта.

После обеда Анжелика отправилась на ярмарку Сен-Жермен, туда, где торговали скотом, и купила лошадь, за которую ей пришлось выложить значительную часть оставшихся сбережений. Затем она пошла на улицу Валь-д'Амур «позаимствовать» у Красавчика один из его пистолетов.

Было решено, что ближе к полуночи Красавчик, Пион и несколько других бандитов подойдут вместе с лошадью к воротам Монмартр. В свою очередь Клод Ле Пти прибудет туда же в сопровождении доверенных

лиц Деревянного Зада. Этот вооруженный бандитский эскорт будет сопровождать поэта по предместьям, вплоть до сельской местности.

Когда план действий был разработан, Анжелика немного успокоилась. Вечером она поднялась в комнату сыновей, а затем на чердак, где после пожара обосновался Давид. У юноши поднялась высокая температура, так как состояние его раны ухудшилось, но он был в высшей степени доволен результатами своих хлопот.

Вернувшись в свою комнату, Анжелика стала считать часы. Дети и слуги спали; обезьянка, повозившись у двери, сама открыла ее и устроилась на каминном выступе. Пикколо не была больна, но вид у нее был грустный. Анжелика, опершись локтями о колени, смотрела на огонь. Еще два часа, еще час, и Клод будет в безопасности. Тогда наконец-то можно будет с облегчением вздохнуть, лечь в кровать и попытаться уснуть. После пожара в «Красной маске», казалось, Анжелика позабыла, что такое сон.

На улице послышался и, удаляясь, стих цокот копыт по мостовой. Кто-то постучал в дверь. С бьющимся сердцем Анжелика отворила ставенку смотрового окошка на входной двери.

— Это я, Дегре.

— Вы пришли как друг или как полицейский?

— Откройте — скажу.

Пока Анжелика откидывала засовы, ей пришло в голову, что визит полицейского в такой час весьма неуместен, но вместе с тем она была безмерно рада видеть Дегре. Все лучше, чем оставаться одной и отсчитывать минуты, каждая из которых обжигает ее сердце, как капля расплавленного свинца.

— А где Сорбонна? — спросила она.

— Сегодня вечером я не брал ее с собой.

Анжелика заметила, что из-под его мокрого плаща выглядывает жюстокор красного сукна с отделкой из черных лент, украшенный кружевными воротником и манжетами. Со шпагой на боку, в сапогах со шпорами Дегре походил на провинциального дворянина средней руки, крайне гордого оказаться в столице.

— Я возвращался из театра, — весело сообщил полицейский. — Довольно деликатная миссия, связанная с одной красоткой...

— Вы больше не ловите грязных памфлетистов?

— Быть может, стало ясно, что существует лучшее применение моим талантам...

— Вы отказались заниматься этим делом?

— Не совсем так. Мне предоставили полную свободу действий. Начальству известно, что у меня свои методы работы.

Стоя у огня, Дегре согревал руки. Черные перчатки с широкими раструбами и фетровую шляпу он положил на табурет.

— Почему вы не стали военным? — спросила Анжелика, любуясь новым солидным обликом бывшего невзрачного адвоката. — Вас можно назвать красивым мужчиной, с вами не соскучишься... Подождите... Я сейчас принесу вам кувшинчик белого вина и вафли.

— Нет, благодарю! Невзирая на ваше любезное гостеприимство, полагаю, что мне лучше откланяться. Придется еще прогуляться до ворот Монмартр.

Анжелика вздрогнула и бросила взгляд на часы: половина двенадцатого. Если Дегре тотчас же отправится к воротам Монмартр, то вполне вероятно, что он столкнется с Грязным Поэтом и его попутчиками. Случайно ли вознамерился он прогуляться до ворот Монмартр или этот дьявол в обличье человека что-то разнюхал? Нет, невозможно! Внезапно молодая женщина решила.

Дегре потянулся к плащу.

— Уже! — возразила Анжелика. — Вы меня изумляете! Сначала являетесь в столь неурочный час, вытаскиваете меня из постели, а потом мгновенно исчезаете.

— Я не вытаскивал вас из постели. Вы не были раздеты. Вы сидели перед камином, задумавшись о чем-то.

— Это так... Мне было тоскливо. Давайте присядем!

— Нет, — заявил Дегре, затягивая шнуровку на воротнике. — Чем больше я над этим думаю, тем сильнее моя уверенность в том, что мне следует поторопиться.

— Ох уж эти мужчины! — недовольно пробормотала Анжелика. Она ломала голову, судорожно пытаясь найти предлог задержать гостя.

Анжелика боялась не столько за поэта, сколько за самого Дегре, в случае той неизбежной встречи, которая произойдет, если отпустить его теперь к воротам Монмартр. У полицейского при себе пистолет и шпага, но бандиты тоже вооружены, к тому же они отлично умеют вспарывать животы, и их много. Кроме того, сегодня он не взял с собой Сорбонну. В любом случае, не стоит, чтобы побег Клода Ле Пти сопровождался потасовкой, во время которой может погибнуть капитан полицейского подразделения Шатле. Это нужно предотвратить любой ценой.

Но Дегре уже вышел из комнаты.

«О боже! Какой вздор, — подумала Анжелика. — Если я не способна задержать мужчину на четверть часа, то спрашивается, зачем Господь сотворил меня женщиной!»

Она поспешила за полицейским в прихожую и, когда он уже взялся за ручку двери, накрыла его ладонь своей. Нежность этого жеста, казалось, поразила его. Было видно, что он сомневается.

— Доброй ночи, мадам, — произнес он с улыбкой.

— Ночь для меня не будет доброй, если вы сейчас уйдете, — прошептала Анжелика. — Ночь слишком длинна... когда проводишь ее в одиночестве.

И она прижалась щекой к его плечу.

«Я веду себя как куртизанка, — подумала она, — но что поделаешь! Несколько поцелуев позволят мне выиграть время. Даже если он попросит большего, почему бы нет? В конце концов, мы давно знаем друг друга».

— Мы так давно знаем с вами друг друга, Дегре, — повторила она вслух. — Вы никогда не думали, что между нами...

— Не в ваших правилах бросаться мужчинам на шею, — недоуменно заметил Дегре. — Что с вами нынче, моя милая?

Но рука полицейского соскользнула с дверной ручки и легла ей на плечо. Другая рука очень медленно, как будто нехотя, поднялась и обвила ее тонкую талию. Но он не торопился прижать Анжелику к груди, а держал ее скорее как легкий и хрупкий предмет, с которым непонятно как следует обращаться. Однако интуиция подсказала молодой женщине, что сердце Дегре забилось намного быстрее. Не правда ли, забавно вызвать волнение в этом равнодушном мужчине, всегда отлично владеющем собой?

— Нет, — сказал он наконец. — Нет, я никогда не думал о том, чтобы заняться с вами любовью. Видите ли, для меня любовь — вещь крайне обыденная. В делах любовных, как и во многом другом, я не привык к роскоши, и она меня не прельщает. Холод, голод, нищета и розги наставников не способствовали воспитанию во мне изысканного вкуса. Я привык к кабакам и борделям. Все, что мне надо от девушки, — это чтобы она была славной животинкой, крепким, удобным предметом, который можно использовать, как

захочется. Моя дорогая, если быть до конца честным, то вы просто не в моем вкусе.

Анжелику речь бывшего адвоката скорее позабавила. Она слушала, не поднимая головы от его плеча. У себя на спине она чувствовала мягкое тепло, исходящее от рук Дегре. Возможно, он не столь заносчив, как хочет казаться. Женщина, подобная Анжелике, не могла в этом ошибиться. Слишком многое связывало ее с бывшим адвокатом. И она приглушенно засмеялась.

— Вы говорите со мной так, словно я являюсь предметом роскоши... предметом неудобным, как вы сами сказали. Судя по всему, вы восхищаетесь богатством моих нарядов и моего жилища?

— Ну! Наряды тут ни при чем. В вашей головке по-прежнему хранится осознание превосходства, которое я прочел в ваших глазах в тот далекий день, когда вам представили какого-то жалкого адвокатишку-простолюдина.

— Много воды утекло с тех пор, Дегре.

— Сколько бы ни утекло, одно останется неизменным — высокомерие женщины, чьи предки в 1356 году сражались рядом с королем Иоанном II Добрым при Пуатье.

— Решительно, вы все всегда обо всех знаете, пронырливый полицейский!

— Да... точно так же, как ваш друг Грязный Поэт.

Дегре взял Анжелику за плечи и ласково, но твердо отстранил от себя, чтобы взглянуть ей в глаза.

— Так что?.. Это правда, что он собирается быть в полночь у ворот Монмартр?

Она вздрогнула, но потом подумала, что опасность уже миновала. Где-то далеко часы отбивали последние удары полночи. Дегре заметил, что ее глаза торжественно блеснули.

— Да... да, уже слишком поздно, — прошептал мужчина, задумчиво наклонив голову. — В эту ночь столько людей назначили друг другу встречу около ворот Монмартр! Между прочим, собирался прибыть сам господин гражданский лейтенант, а с ним и двадцать стражников из Шатле. Возможно, если бы я опередил их, то смог бы посоветовать этим господам отправиться подстерегать дичь в другом месте... Или предупредил бы неосторожную дичь, чтобы она вырывалась на волю другим путем... Но теперь, я полагаю... да, я полагаю, что уже слишком поздно...

Ранним утром Флипо отправился на рынок Пьер-о-Ле, чтобы купить детям свежего молока. Анжелика только-только забылась коротким тревожным сном, как вдруг услышала, что мальчишка вновь влетел в дом. Забыв постучаться, он просунул всклокоченную голову в приоткрытую дверь ее спальни. Его глаза вылезали из орбит.

— Маркиза Ангелов, — задыхаясь, выкрикнул Флипо, — я только что видел... там, на Гревской площади... Грязного Поэта.

— На Гревской площади? — переспросила Анжелика. — Он окончательно рехнулся! Что он там делает?

— Показывает язык прохожим, — ответил Флипо. — Его вздернули!

Глава 4

— Я обещал господину д'Обре, лейтенанту парижской полиции, который, в свою очередь, поклялся в этом королю, что три последних имени из списка никогда не будут названы во всеуслышание. Но сегодня утром, хотя автор памфлетов повешен, на растерзание парижанам был отдан граф де Гиш. Теперь Его Величество не сомневается, что казнь главного виновника, этого проклятого поэта, не сможет остановить длань высшего правосудия, которая готова обрушиться на его брата. Со своей стороны я дал понять Его Величеству, что знаю одного или нескольких сообщников памфлетиста, которые, невзирая на смерть поэта, продолжают его дело. И повторяю: я обещал, что три последних имени никогда не будут разглашены.

— Они будут названы!

— Нет!

Анжелика и Дегре опять стояли лицом к лицу на том же самом месте, где накануне молодая женщина положила свою голову на плечо полицейского. Она никогда не простит себя за этот жест. Теперь взгляды их скрестились, как шпаги.

Дом был пуст. Лишь на чердаке метался в огне лихорадки раненый Давид. С улицы почти не доносилось шума — эхо народных волнений не достигало аристократического квартала. Крики толпы, с утра запрудившей Гревскую площадь с виселицей, на которой раскачивалось тело Клода Ле Пти — Грязного Поэта с Нового моста, затихали где-то на границах Маре. Вот уже пятнадцать лет памфлетист наводнял своими эпиграммами и песнями улицы Парижа, и народ не мог поверить, что он мертв, повешен. Люди изумленно показывали друг другу на светлые пряди

волос, которыми играл ветер, на изношенные ботинки, подбитые старыми гвоздями. Матушка Маржолен плакала. На углу улицы Ваннери^[9] мамаша Тру-ля-ля с лицом, мокрым от слез, пиликала на скрипочке папаши Тру-ля-ля знаменитый напев:

*Послушай же, народ простой!
Когда меня мой рок лихой
На виселицу занесет —
Мой черный выпавший язык
За вас псалмы поет!*

Слушая ее, толпа замороженно затихала. В бессильной злобе горожане грозили кулаками городской ратуше.

А в маленьком домике на улице Фран-Буржуа продолжалось другое сражение, сражение суровое, беспощадное. И хотя рядом никого не было, и Анжелика, и Дегре говорили очень тихо, как будто боялись, что их слова услышит весь Париж.

— Я знаю, где находятся кипы листовок, которые вы намереваетесь распространить, — говорил Дегре. — Я могу отдать приказ, чтобы военные части атаковали предместье Сен-Дени и искромсали всех неблагонадежных бродяг, которые попробуют чинить препятствия полицейскому обыску во владениях Великого Кесаря, мессира Деревянного Зада. А ведь существует более простое средство уладить это щекотливое дело. Упрямая дурочка, вместо того чтобы сверкать на меня глазами, как разъяренная кошка, послушайте лучше. Поэт Клод Ле Пти умер. Так было надо. Его наглость зашла слишком далеко, король никогда не позволит всякой швали судить о его поступках.

— Король! Король! Твердите, как заведенный. Когда-то вы были более гордым!

— Гордость — грех юности, мадам. Прежде чем задирать нос, стоит узнать, с кем имеешь дело. Силой обстоятельств я уже сталкивался с королевской волей и едва не был раздавлен. Я убедился на собственном опыте: король сильнее. Следовательно, я играю на стороне короля. Мадам, вы несете ответственность за судьбу двух маленьких детей и, по моему разумению, должны последовать моему примеру.

— Замолчите, вы мне отвратительны!

— Помнится, я слышал какие-то разговоры о королевском патенте, который вы хотели бы получить для изготовления экзотического напитка или чего-то подобного?.. А вам не приходит в голову, что значительная сумма, например пятьдесят тысяч ливров, стала бы неплохим подспорьем для начала торговли? Или, скажем, особые привилегии, освобождение от налогов, мало ли что еще? Женщина, подобная вам, найдет что придумать. Король готов предоставить все, что вы попросите, в обмен на ваше немедленное и окончательное молчание. Отличная возможность поставить точку в этой драме, к вящему удовольствию всех заинтересованных лиц. Господин лейтенант криминальной полиции получает награды, мне присваивают новый чин, Его Величество облегченно вздохнет, а вы, моя дорогая, удержите на волнах ваш маленький кораблик и продолжите свой путь к более высокой цели.

Молодой человек склонился к уху Анжелики и шепнул ей, как величайшую тайну:

— Вы отправитесь в Версаль. Да прекратите дрожать, как норовистая кобылка, увидевшая хлыст конюха. Подумайте. Через два часа я вернусь за ответом...

Но она не могла думать об этом, потому что все ее мысли были обращены к поэту. Его казнили без суда и следствия, как простого бандита, пойманного с поличным. Все верно, времени осталось мало. Предано огласке еще одно имя — де Гиш.

На Гревскую площадь привезли в телеге владельца типографии мастера Жильбера и двух его подмастерьев. Рядом с виселицей Грязного Поэта соорудили еще три. Но когда мэтр Обен уже накидывал петлю на убеленную сединой голову печатника, послышался нарастающий шум:

— Помилование! Король даровал помилование!

Мэтр Обен колебался.

Порой случалось, что уже у подножия эшафота королевский приказ о помиловании вырывал осужденного из умелых рук палача. Мэтр Обен должен был учитывать внезапные изменения настроения государя и потому всегда действовал обстоятельно, без чрезмерной торопливости. Вот и сейчас он терпеливо ждал, когда ему представят прошение о помиловании, подписанное Его Величеством. Но этого не случилось. Произошло обычное недоразумение: капуцины, приехавшие на телеге, чтобы после казни забрать тела повешенных, никак не могли проложить себе дорогу среди плотной толпы и стали кричать:

— Помилуйте, дайте проехать! Поберегитесь!

А люди услышали «Помилуйте» и решили, что монахи везут приказ о помиловании.

Сообразив, в чем дело, мэтр Обен преспокойно вернулся к работе. Но мэтр Жильбер, еще несколькими секундами ранее смирившийся с судьбой, теперь передумал умирать. Он начал отбиваться и кричать жутким голосом:

— Правосудие! Правосудие! Я взываю к королю! Меня собираются повесить, а убийцы маленького торговца вафлями и мэтра Буржую разгуливают на

свободе. Меня хотят казнить, потому что я стал орудием истины! Я взываю к королю! Я взываю к Богу!

Эшафот, на котором возвышались три виселицы, треснул под напором толпы.

На палача обрушились удары дубин и камней, и ему пришлось спрятаться под эшафотом. Пока народ бросился искать горящую головню, чтобы поджечь помост, на площадь ворвались конные сержанты военной полиции и копьями разогнали толпу. Но осужденные уже сбежали...

Париж, гордый тем, что ему удалось вырвать из лап палача троих своих сыновей, почувствовал, как в нем просыпается дух Фронды. Горожане вспомнили, что именно Грязный Поэт в 1650 году первым выпустил отравленные стрелы мазаринад. И пока он был жив, парижане могли не сомневаться в том, что его язвительное перо расскажет обо всех новых бедах и поможет забыть беды былые. Но теперь, когда Клод Ле Пти умер, в народе поднялась паника. Людям казалось, что им заткнули рот, вырвали язык. Припомнились все несчастья последних лет: голодные 1656, 1658 и 1662 годы, новые налоги. Как обидно, что Мазарини умер! Вот бы сжечь его дворец...

Вдоль набережных закружились бешеные хороводы и раздавались крики:

— Кто зарезал маленького торговца вафлями?

В ответ звучало:

— Завтра... мы узнаем! Завтра... мы узнаем!

Но назавтра ставший уже привычным дождь из белых листков так и не пролился. И на другой день тоже. На город обрушилась тишина. Кошмар закончился. Народ так никогда и не узнал, кто же убил маленького торговца вафлями. Париж понял, что Грязный Поэт действительно умер.

Ведь он сам сказал Анжелике:

— Теперь ты стала очень сильной и уже можешь бросить нас, чтобы идти дальше.

Долгими ночами, ни на секунду не смыкая глаз, она беспрестанно слышала его голос, повторяющий эти слова. Ей мерещился Клод: он смотрел на нее светлыми глазами, блестящими, как воды Сены в лучах солнца.

Она не пошла на Гревскую площадь. С нее хватило того, что Барба отвела туда, как на проповедь, детей, и затем в своем рассказе не упустила ни единой детали страшной картины. Светлые волосы Грязного Поэта, развевающиеся перед его распухшим лицом, сбившиеся черные чулки на худых икрах, роговая чернильница и гусиное перо, которые палач, человек суеверный, оставил у него на поясе.

Поднявшись после третьей бессонной ночи, Анжелика сказала себе: «Я не могу больше так жить».

Вечером у нее была назначена встреча с Дегре в его доме на мосту Нотр-Дам. Оттуда полицейский повезет ее к важным сановникам, чтобы заключить тайное соглашение, которое поставит точку в этом странном деле, окрещенном «делом маленького торговца вафлями».

Все требования Анжелики были удовлетворены. В обмен она должна передать три сундука с напечатанными, но так и не увидевшими свет памфлетами, из которых господа полицейские, вне всякого сомнения, устроят грандиозный костер.

И начнется новая жизнь. У Анжелики снова будет много денег. У нее также появится исключительное право изготавливать и продавать по всему королевству шоколадный напиток.

«Я не могу больше так жить», — повторила молодая женщина.

На улице еще не рассвело, и потому она зажгла свечу. В зеркале, лежавшем на туалетном столике, отразилось ее бледное осунувшееся лицо.

«Зеленые глаза, — подумала Анжелика. — Цвет, который приносит несчастье. Так, значит, это правда. Я приношу несчастье тем, кого люблю... или тем, кто любит меня».

Поэт Клод?.. Повешен. Николая?.. Пропал без вести. Жоффрей?.. Сожжен заживо.

Анжелика сжала виски ладонями. Она с трудом дышала от нервного напряжения, но ее ледяные руки не дрожали.

«Что я здесь делаю, зачем сражаюсь против этих сильных и влиятельных людей? Мое место не здесь. Место женщины у домашнего очага, около супруга, которого она любит, ее место в теплом уютном доме, рядом с деревянной колыбелью, в которой спит ее ребенок. Помнишь ли ты, Жоффрей, маленький замок в горах, где родился Флоримон? Буря хлестала в оконные стекла, а я сидела у тебя на коленях, прижавшись щекой к твоей щеке. Мне было чуть-чуть страшно, но я доверяла тебе. Я любовалась твоим странным лицом, на котором играли отблески огня... Как ты умел смеяться! Я лежала на нашей огромной кровати, а ты пел для меня, и твой глубокий, бархатистый голос, казалось, превращался в горное эхо. А когда я засыпала, ты ложился рядом со мной на вышитую простыню, благоухающую ирисами. Я много тебе дала, я это знаю. А ты, ты дал мне все... В своих мечтах я представляла, что мы будем счастливы вечно...»

Нетвердой походкой Анжелика пересекла комнату и рухнула на колени возле кровати, зарывшись лицом в смятые простыни.

— Жоффрей, любовь моя!..

Крик, сдерживаемый так долго, вырвался наружу.

— Жоффрей, любовь моя, как я хочу к тебе. Жоффрей, любовь моя, я хочу быть с тобой. Я помню о нашей любви. Мы были так откровенны друг с другом, потому что мы созданы друг для друга. Я помню

радость, что охватывала меня, при одном известии о твоём возвращении... Только бы услышать твой голос среди шума иных голосов... Никогда, никогда больше я не обрету того потерянного рая, что подарил мне ты. Жоффрей! Жоффрей, что они с тобой сделали? Я хочу к тебе. Жоффрей, любовь моя, вернись...

Но он никогда не вернется, и Анжелика это знала. Он слишком далеко. Где отныне искать его? Нет даже могилы, на которой она могла бы помолиться... Прах Жоффрея развеян над Сеной.

И перед ее глазами предстала Сена.

Она увидела реку, ее быстрое течение, ленивые волны, серебристо-красное сияние, рождающееся в лучах заходящего солнца. Быть рядом с ним! И как же она раньше об этом не подумала?

Анжелика поднялась с колен, уселась за стол, взяла белый лист бумаги, заточила перо и стала писать.

«Господа, когда вы прочтете это письмо, я уже распрощаюсь с бранным миром. Я знаю, что посягать на собственную жизнь — великое преступление, но Господь Бог, который читает в наших душах, поймет, что это преступление стало для меня единственным выходом. Я предаюсь милосердию Его. Судьбу двух моих сыновей я вручаю справедливости и доброте короля. Взамен на молчание, от которого зависела честь королевской семьи и которое я не нарушила, я прошу Его Величество проявить отцовскую заботу по отношению к двум малышам, жизнь которых началась под знаком страшных несчастий. Если король не вернет им имя и состояние их отца, графа де Пейрака, то прошу, по крайней мере, выделить им средства на существование, а позже обеспечить их образование и карьеру...»

Анжелика написала еще несколько строк, уточнив некоторые детали, связанные с судьбой детей, а также попросила покровительства для юного Шайю,

оставшегося сиротой. Другое письмо она адресовала Барбе, умоляя ее не оставлять Флоримона и Кантора и завещав верной служанке свои скромные платья и драгоценности.

Первое письмо она положила в конверт и запечатала его.

Теперь молодая женщина почувствовала себя много лучше. Она привела себя в порядок, оделась и отправилась в детскую. Вид детей успокоил ее, а мысль, что она собирается оставить малышей навсегда, не расстраивала. Дети в ней больше не нуждались. У них есть Барба, которую они знают и любят, которая увезет их в Монтелу. Там мальчики вырастут, радуясь солнцу, на свежем деревенском воздухе, вдали от грязного зловонного Парижа.

Даже Флоримон уже отвык от матери, ведь она всегда возвращалась домой очень поздно. Дети превратили скромное жилище на улице Фран-Буржуа в свое маленькое королевство, обитателями которого были обе служанки, собака Пату, игрушки и птицы. А поскольку игрушки приносила именно Анжелика, каждый раз при виде матери крошечные тираны капризно требовали чего-нибудь новенького. В тот день Флоримон одернул свое платьице из красного дрогета^[10] и спросил:

— Мама, когда у меня наконец появятся короткие штанишки, как у всех мальчиков? Я ведь уже мужчина, вы это знаете?

— Дорогой мой, у тебя уже есть большая фетровая шляпа с прекрасным розовым пером. Многие мальчики твоего возраста довольствуются чепчиком, как у Кантора.

— Я хочу короткие штаны! — закричал Флоримон, бросая на пол игрушечную трубу.

Анжелика предпочла уйти, опасаясь собственного гнева, который вынудит ее строго наказать сына.

После обеда, когда дети уснули, молодая женщина накинула плащ и выскользнула из дома, прихватив с собой запечатанное письмо. Она передаст его Дегре и попросит полицейского доставить конверт на пресловутое тайное собрание. Потом она выйдет из дома Дегре и пойдет вдоль Сены. У нее будет достаточно времени. Анжелика собиралась идти очень долго. Она хотела выбраться из города и унести с собой в вечность волнующую картину приближающейся весны, которая напомнит ей о детстве в родном Монтелу...

Глава 5

Анжелика ждала Дегре в его доме на мосту Нотр-Дам. Полицейский любил жить на мостах, а те, кого он преследовал, обитали под ними.

Но со времени, когда Анжелика несколько лет тому назад в первый раз побывала у адвоката в полуразрушенном доме на Малом мосту, декорации разительно переменялись.

Теперь Дегре стал владельцем дома на роскошном мосту Нотр-Дам. Это почти новое здание, выкрашенное в «естественные» яркие цвета, отражало дурной вкус зажиточных мещан. Его фасад был украшен изображениями античных богов, держащих плоды и цветы, медальонами с профилями королей и статуями.

Комната, куда Анжелику привел привратник, отвечала все тем же лишенным изысканности буржуазным вкусам. Но молодая женщина лишь мельком взглянула на широкую кровать с балдахином, который поддерживали витые колонны, и на рабочий стол, уставленный безделушками из позолоченной бронзы.

Она даже не спрашивала себя, при каких обстоятельствах адвокат смог обзавестись таким достатком. Дегре был для нее одновременно и настоящим, и прошлым. Похоже, он знает о ней все, и это ее успокаивало. Молодой человек казался суровым и безразличным, но он был надежным, как опора моста. Вручив ему свое последнее послание, Анжелика может уйти со спокойной душой: ее дети не останутся брошенными на произвол судьбы.

Открытое окно выходило на Сену. Слышался плеск весел. Лодок было столько, что казалось, будто под пролетами моста струится водопад.

На улице стояла прекрасная погода. День выдался теплым. Мягкое весеннее солнце отражалось на черно-белом тщательно отполированном плиточном полу.

Наконец Анжелика услышала в коридоре звон шпор и уверенные шаги. Она узнала походку Дегре.

Молодой человек вошел в комнату, не выразив никакого удивления.

— Рад приветствовать вас, мадам. Сорбонна, у тебя грязные лапы, сюда нельзя.

И на сей раз Дегре был одет если не с шиком, то весьма добротнo. Нашивки из черного бархата подчеркивали воротник широкого плаща, который он бросил на стул. Но когда молодой человек небрежным жестом снял шляпу и парик, Анжелика узнала прежнего Дегре. Затем он отстегнул шпагу. Казалось, у полицейского отличное настроение.

— Я только что от господина д'Обре. Все складывается наилучшим образом. Дорогая, вы встретитесь с самыми видными деятелями торговли и финансов. Скорее всего, на встрече будет присутствовать сам господин Кольбер.

Анжелика вежливо улыбнулась. Все эти фразы казались ей совершенно пустыми, они не могли вывести ее из оцепенения. Ей не доведется познакомиться с господином Кольбером. В тот самый час, когда все эти могущественные особы соберутся в некоем удаленном квартале, тело Анжелики де Сансе, графини де Пейрак, Маркизы Ангелов, уже будет плыть по течению вдоль берегов Сены. Тогда она станет свободной: никто не сможет до нее добраться. И может быть, соединится с Жоффреем...

Молодая женщина вздрогнула, потому что Дегре продолжал говорить, но она его не понимала.

— Что вы сказали?

— Я говорю, мадам, что вы пришли слишком рано, до встречи еще много времени.

— Да, но я пришла к вам совсем по другому поводу. На самом деле я здесь мимоходом. Меня ждет один довольно привлекательный щеголь, с которым мы пройдемся по торговым галереям Дворца правосудия, я хочу посмотреть последние новинки. Может быть, потом прогуляюсь по Тюильри. За таким развлечением я без лишних волнений дождусь назначенного часа. Но тут один конверт, который мне несколько мешает. Не могли бы вы оставить его у себя? Я заберу на обратном пути.

— Всегда к вашим услугам, мадам.

Дегре взял запечатанное письмо, подошел к полке, открыл стоявшую на ней небольшую шкатулку и убрал туда конверт.

Анжелика наклонилась, чтобы взять веер и перчатки. Все оказалось очень просто, обошлось без лишних осложнений. Вот так же спокойно, неспешно она отправится вдоль Сены. Надо лишь в определенный момент свернуть к воде... И солнце будет блестеть на водной глади точно так же, как оно блестит на черно-белых плитках пола...

Странный скрежет заставил Анжелику поднять голову. Она увидела, как Дегре поворачивает ключ в замке. Затем, с совершенно естественным видом, мужчина убрал ключ в карман и, улыбаясь, вернулся к молодой женщине.

— Присядьте ненадолго, — сказал он. — Уже давно собираюсь задать вам два-три вопроса, и ваш визит представляется мне весьма подходящим поводом для этого.

— Но... меня ждут!

— Подождут, — ответил Дегре, по-прежнему улыбаясь. — Впрочем, я не отниму у вас много времени. Сядьте, прошу вас.

И он указал ей на стул перед столом, а сам сел напротив.

Анжелика слишком устала, чтобы возражать. Вот уже несколько дней она двигалась и действовала, как сомнамбула.

Что-то в происходящем несколько смутило ее. Но что?.. Ах да! Почему Дегре запер дверь на ключ?

— Необходимые мне сведения касаются довольно серьезного дела, которым я занимаюсь в настоящее время. От них зависит жизнь нескольких человек. Мне потребовалось бы слишком много времени, чтобы объяснить вам подоплеку расследования. Впрочем, этого и не нужно. Достаточно, чтобы вы ответили на мои вопросы. Итак...

Полицейский говорил очень медленно, не глядя на Анжелику. Он прикрыл глаза и провел ладонью по лицу. Казалось, он погрузился в далекие видения.

— Около трех лет тому назад, ночью, после ограбления аптекаря из предместья Сен-Жермен месье Глазера, были схвачены два мелких воришки. Насколько я помню, в воровской среде у них были клички Сорви-Замок и Осторожный. Их повесили. Но перед смертью, во время дознания, бандит Осторожный произнес несколько фраз, о которых я узнал несколько позже, работая с протоколами допросов в Шатле. Эти фразы проливают свет на расследование, что я веду сейчас. В данном признании Осторожный сообщил, что он увидел в ту ночь, во время своего короткого визита к месье Глазеру. К несчастью, его показания весьма неточны. Этот бессвязный лепет дает почву для множества подозрений, но ничего не доказывает. Итак, я хотел бы, чтобы вы рассказали, что же случилось у старика Глазера?

Мир становился все более и более нереальным. Очертания окружающих предметов поплыли перед глазами. Анжелика видела только всполохи какого-то странного огня в широко раскрытых темно-карих глазах Дегре.

— Вы спрашиваете об этом у меня? — поразилась Анжелика.

— Да. Что вы видели в ту ночь у старика Глазера?

— Как я могу вам это сказать? Полагаю, вы потеряли рассудок.

Дегре вздохнул и опустил ресницы — странный свет угас. Молодой человек взял со стола гусиное перо и начал машинально вертеть его между пальцами.

— В ту ночь в доме старика Глазера была женщина, сопровождавшая налетчиков. И я уверен — не просто женщина! Дама носила особый титул среди воров: Маркиза Ангелов. Вы никогда о ней не слышали? Нет? Женщина была любовницей известного парижского бандита Весельчака. Этот самый Весельчак был схвачен в 1661 году на ярмарке Сен-Жермен и повешен...

— Повешен! — вскричала Анжелика.

— Нет, нет, — очень тихо произнес Дегре, — не беспокойтесь, мадам... Его не повесили. На самом деле он сбежал: прыгнул в Сену и... утонул. Его тело обнаружили с двумя фунтами песка во рту, раздутое, как бурдюк. Жаль, красивый был мужчина! Я понимаю, почему вы так побледнели! Однако вернусь к Маркизе Ангелов, достойной подруге этого бедолаги, который, как вам известно, был знаменитым вором и убийцей. Итак, ее правление оказалось кратким, но весьма впечатляющим: маркиза принимала участие в многочисленных ограблениях, в вооруженных нападениях на кареты, например на экипаж дочери гражданского лейтенанта Парижа. За ней числится несколько убийств, в том числе убийство стражника из Шатле, которому, поверьте мне на слово, она очень умело вспорола живот...

После глубокой апатии последних дней к ней вдруг вернулась способность мыслить здраво. Она почувствовала, что оказалась в западне.

Ее взгляд обратился к распахнутому окну, откуда доносился шум воды. Сена совсем рядом!.. Дорога к бегству! «Я сразу пойду на дно! И покончу с миром людей, с этим гнусным миром!»

— Маркиза Ангелов была вместе с Осторожным в доме Глазера, — продолжил Дегре. — Она видела то же самое, что и этот человек. Она...

Анжелика метнулась к окну. Но Дегре оказался проворнее. Полицейский схватил молодую женщину за запястья и грубо оттолкнул ее назад, к стулу. Выражение его лица изменилось.

— Ха! Вот еще, — прогремел он. — Со мной эти трюки не пройдут!

Совсем близко Анжелика увидела его жестокое лицо.

— Давай, говори, да побыстрее, если не хочешь, чтобы я тебя как следует встряхнул. Что ты видела у старого Глазера?

Анжелика внимательно смотрела на своего мучителя. В ее сердце столкнулись два противоречивых чувства: страх и гнев.

— Я запрещаю вам говорить мне «ты».

— Я всегда говорю «ты» девицам, которых допрашиваю.

— Полагаю, вы окончательно обезумели.

— Отвечай! Что ты видела у Глазера?

— Я позову на помощь.

— Можешь орать сколько захочешь. В доме только стражники. Им запрещено входить ко мне даже в том случае, если они услышат, как здесь кто-то кричит, что его убивают.

У Анжелики на висках выступили капельки пота.

«Нельзя, — промелькнуло у нее в голове, — ни в коем случае нельзя потеть. Николая говорил, что это дурной признак. Это значит, что арестованный «клюнул на удочку» и сейчас выдаст товарищей...»

Ей на щеку обрушилась звонкая пощечина.

— Ты будешь говорить? Что ты видела у Глазера?

— Мне нечего вам сказать. Животное! Дайте мне уйти.

Дегре склонился к Анжелике и, схватив ее за локти, заставил встать. Движения его при этом были плавными, словно он обращался с тяжелобольной.

— Так ты не хочешь говорить, моя прелесть? — произнес он с неожиданной мягкостью. — Знаешь, это весьма нелюбезно с твоей стороны. Ты хочешь, чтобы я рассердился?..

Мужчина по-прежнему держал Анжелику под локти. Очень медленно его руки скользнули к ее ладоням и резко отвели ей локти назад. Тело пронзила острая боль, и она громко закричала. Казалось, что ее руки разрывают железными щипцами. Хватка полицейского была столь сильной, что Анжелика не могла даже пошевелиться, не испытав при этом чудовищной боли, как будто бы меж ребер ей вонзают кинжал. Но больнее всего было пальцам, которые Дегре выворачивал из суставов, растягивая в разные стороны, так что любая попытка шевельнуть ими превращалась в изощренную пытку.

— Давай, говори! Что там произошло у Глазера?

Пот струился по лицу Анжелики. Невыносимая боль разрывала затылок, спускалась к лопаткам и разливалась по пояснице.

— Я не требую от тебя каких-то ужасных признаний. Всего лишь незначительные сведения по делу, которое тебя в сущности не касается — ни тебя, ни твоих друзей-бандитов... Говори, красавица, я тебя слушаю. Ты по-прежнему не желаешь говорить?

Дегре сделал чуть заметное движение, и тонкие пальцы Анжелики хрустнули. Женщина взвыла от боли. Без тени сострадания полицейский продолжил:

— Итак, твой приятель Осторожный на допросе в Шатле говорил про муку, белую муку... ты ее тоже видела?

— Да.

— Что это было?

— Яд... мышьяк.

— Ого! Ты даже знаешь, что это был мышьяк? — бывший адвокат рассмеялся.

Он отпустил Анжелику и о чем-то задумался. Истерзанная болью, молодая женщина попыталась восстановить дыхание.

Вскоре Дегре прервал свои раздумья и, снова толкнув Анжелику на стул, придвинул к ней свой табурет и уселся напротив.

— Теперь, когда ты стала послушной, я больше не причину тебе боли.

Он устроился совсем близко и сжимал своими коленями дрожащие колени Анжелики. Она взглянула на свои ладони, которые показались ей мертвенно-бледными и как будто мертвыми.

— Теперь расскажи мне свою маленькую историю.

Полицейский склонил голову и больше не смотрел на собеседницу. Он вновь превратился в строгого исповедника, готового выслушать самые страшные тайны. Монотонным голосом Анжелика начала рассказ.

— У Глазера была комната с ретортами... лаборатория.

— Ничего особенного... Всем известно, что он — аптекарь.

— На столе на бронзовом блюде лежал белый порошок. По характерному запаху чеснока я сразу же поняла, что это такое. Осторожный хотел попробовать. Я ему помешала и сказала, что это яд.

— Что еще ты заметила?

— Рядом с блюдом мышьяка лежал пакет из грубой бумаги, запечатанный красным сургучом.

— Там была какая-нибудь надпись?

— Да: «Для господина Сен-Круа».

— Отлично! Затем?

— Осторожный опрокинул реторту, она разбилась. Должно быть, шум разбудил хозяина дома. Мы бросились бежать, но, пересекая вестибюль, услышали, как по лестнице спускается аптекарь. Он крикнул: «Нанетт! (или какое-то похожее имя). Вы опять забыли запереть кошек». А еще он сказал: «Это вы, Сен-Круа? Ищете порошок?»

— Превосходно! Превосходно!

— Потом...

Полицейский пренебрежительно махнул рукой.

— Что было потом, уже не важно! Я узнал все, что мне необходимо...

Потом... Анжелика снова увидела темную улицу, приближающийся силуэт собаки Сорбонны. Она увидела себя, бегущую со всех ног. Прошлое не хотело умирать. Оно возрождалось, возвращалось вновь — черное, гнусное, отвратительное. Оно стирало годы кропотливого и честного труда. У нее перехватило дыхание, во рту все горело. Наконец она сумела выдать из себя:

— Дегре... как давно вы знаете?..

Полицейский бросил на собеседницу насмешливый взгляд.

— Что ты — Маркиза Ангелов? С той самой ночи. Уж не думаешь ли ты, что я стану отпускать девку после того, как сцапал ее, а главное — возвращать ей нож?..

Так, значит, он ее узнал! Узнал, как низко она пала. Анжелика торопливо заговорила:

— Мне следует все вам объяснить. Когда-то Весельчак был маленьким пастухом, он жил в том же краю, что и я... друг детства. Мы говорили на одном и том же диалекте, он и я.

— Я не прошу пересказывать мне историю твоей жизни... — жестко оборвал ее Дегре.

Но Анжелика вцепилась ему в рукав и жалобно воскликнула:

— Нет... мне необходимо вам сказать... Нужно, чтобы вы меня поняли. Это мой товарищ по детским играм. Он был слугой в замке. Потом исчез. Он разыскал меня, когда я приехала в Париж... Вы должны понять, он всегда хотел обладать мной... А когда все меня бросили... И вы тоже, вы бросили меня... там, в снегу. А он подобрал меня, и я оказалась в его власти... Да, это правда, я была с ним, но я никогда не совершала тех преступлений, о которых вы говорили. Дегре, это не я убила стражника Мартена, клянусь вам... Мне пришлось убить всего один раз. Да, я убила Великого Кесаря. Но я это сделала, чтобы спасти свою жизнь и спасти моего ребенка.

Дегре изумленно поднял брови.

— Так это ты убила Великого Кесаря, Корытышку-Ролена, которого боялся весь воровской мир?

— Да.

Бывший адвокат тихонько рассмеялся.

— Ну и дела! Вот так номер, эта Маркиза Ангелов! Убила, сама? Своим огромным ножом? Чик!

Анжелика стала бледной как полотно. Она видела в двух шагах от себя слабеющее чудовище с перерезанным горлом, из которого сильными толчками выплескивалась алая кровь. Молодой женщине показалось, что сейчас ее вырвет. Дегре, смеясь, похлопал ее по щеке.

— Ну-ну, что за мрачный вид! Похоже, ты совсем заоченела. Иди ко мне, я тебя согрею.

Полицейский притянул Анжелику к себе на колени, крепко сжал ее и с неожиданной жестокостью куснул ее губу.

Анжелика вскрикнула от боли и вырвалась из его объятий.

Вдруг она вновь обрела былое спокойствие.

— Месье Дегре, — сказала она, пытаюсь собрать остатки достоинства, — я была бы вам обязана, если бы в отношении меня вы приняли какое-то решение. Я арестована или вы позволите мне уйти?

— В данный момент — ни то, ни другое, — беззаботно заявил молодой человек. — После столь доверительной беседы, как наша, мы не можем просто так расстаться. Ты еще подумаешь, что полицейский — жестокосердное животное. А ведь я могу быть очень нежным.

Дегре встал рядом с Анжеликой. Он продолжал улыбаться, но в его глазах вновь заплясали красные искры. И не дав ей опомниться и защититься, молодой человек поднял ее на руки. Склонив к ней свое лицо, он прошептал:

— Иди сюда, моя красивая кошечка.

— Я не желаю, чтобы вы разговаривали со мной подобным образом! — закричала Анжелика.

И разрыдалась.

Внезапно на нее налетел ураган слез. Неистовые рыдания разрывали сердце, душили ее.

Дегре поднял молодую женщину на руки и перенес на кровать. Некоторое время он спокойно и очень внимательно смотрел на нее, а когда ее отчаяние стало постепенно затухать, начал раздевать Анжелику. Она почувствовала его пальцы у себя на шее, когда с ловкостью горничной он вынимал булавки из ее корсажа. У нее не осталось сил сопротивляться, она захлебывалась в слезах.

— Дегре, какой вы злой! — рыдала Анжелика.

— Нет, душечка, я не злой.

— Я думала, вы мой друг... Я думала... О боже, как я несчастна.

— Ну! Ну! Что за мысли, — произнес Дегре снисходительно-ворчливым тоном.

Ловким движением он задрал ее широкие юбки, развязал подвязки, снял шелковые чулки и туфли.

Когда Анжелика осталась в одной рубашке, бывший адвокат отошел от кровати, и она услышала, как он, посвистывая, раздевается сам, швыряет по углам комнаты сапоги, жюстокор, портупею. Потом он прыгнул на кровать и задернул полог.

В теплом полумраке алькова большое тело Дегре казалось красным, покрытым черным бархатным пушком. Он ничуть не утратил своей напористости.

— Эгей, девочка! Что ты трепещешь, как лань? Кончай плакать! Сейчас мы с тобой повеселимся. Давай, подвигайся ко мне!

Он сорвал с Анжелики рубашку и одновременно так звонко хлопнул ее пониже спины, что она подскочила, взбешенная подобным унижением, и вонзила ему в плечо маленькие острые зубы.

— Ах ты стерва! — воскликнул Дегре. — Кто-то заслужил наказание!

Анжелика стала отбиваться. Завязалась яростная борьба. Молодая женщина выкрикивала самые непристойные оскорбления, какие только приходили ей на ум. Она пустила в ход весь лексикон Польки, а Дегре хохотал, как сумасшедший. Эти раскаты смеха, блеск белых зубов, острый запах табака, мешающийся с терпким запахом мужского пота, довели Анжелику до белого каления. Она не сомневалась, что ненавидит Дегре, желает ему смерти. Она грозила ему, кричала, что зарежет его. А он все сильнее смеялся. Наконец он навалился на нее всем телом и нашел ее губы.

— Поцелуй меня, — потребовал он. — Поцелуй полицейского... Надо слушаться, или я задам тебе такую трепку, что ты три дня сесть не сможешь...

Поцелуй меня... Нет, целуй получше. Я уверен, что ты умеешь очень хорошо целоваться...

Анжелика больше не могла сопротивляться этим настойчивым губам, этому безжалостному рту, который кусал ее каждый раз, когда она отказывалась его поцеловать. Она уступила.

Она уступила, и уже через несколько мгновений слепое желание заставило ее прижиматься к телу, которое одержало над ней верх. Их борьба обрела совершенно иной смысл, она превратилась в извечную борьбу богов и нимф в рощах Олимпа. Любовный азарт Дегре казался поразительным, неистощимым. Он передался Анжелике, как лихорадка. Молодая женщина говорила себе, что Дегре относится к ней безо всякого уважения, что никто никогда не обращался с ней подобным образом, даже Николая, даже капитан стражи. Но, откинув голову на край постели, она слышала свой смех, смех бесстыжей девицы. Теперь ей было очень жарко. Ее дрожащее тело пылало.

Молодой человек настойчиво привлек ее к себе вновь. На долю секунды ей открылось иное видение: закрытые веки, всепоглощающая страсть, лицо, на котором под напором сильного чувства не осталось и следа цинизма, исчезла вся ирония. В следующее мгновение она почувствовала, что принадлежит ему. Он опять засмеялся, как насытившийся дикий зверь. Но такой Дегре ей не нравился. В тот момент она нуждалась в нежности. Новый любовник при первой близости всегда пробуждал в Анжелике удивление, страх и даже отвращение.

Ее возбуждение спало, ему на смену навалилась свинцовая усталость.

Безучастная ко всему, Анжелика позволила мужчине вновь и вновь овладевать ею, но ее безразличие несколько его не смущало. Ей показалось, что Дегре использует ее, как простую уличную девку.

Тогда она жалобно закричала, мотая головой из стороны в сторону.

— Оставь меня... Отпусти!

Но он не отпускал, словно хотел совершенно измучить ее.

Все вокруг почернело. Нервное напряжение, которое за последние дни не отпускало Анжелику, уступило место непосильной усталости. У нее больше не осталось сил. Ни для слез, ни для страсти...

Проснувшись, Анжелика поняла, что она лежит на скомканных простынях, раскинувшись, как морская звезда, — руки и ноги в разные стороны. Именно в таком положении ее настиг сон. Полог постели был поднят. На плиточном полу танцевали розовые блики заката. Она слышала, как поют воды Сены, проносясь между пролетами моста Нотр-Дам. К этому шуму примешивался какой-то другой, более близкий звук: приглушенное, энергичное царпанье.

Молодая женщина повернула голову и заметила Дегре, который что-то писал, сидя за столом.

В парике и в белом накрахмаленном жабо он казался очень спокойным и полностью поглощенным работой. Ничего не понимая, Анжелика смотрела на хозяина дома. Ее воспоминания были нечеткими. У нее было такое чувство, как будто тело отлито из свинца, а голова при этом удивительно легка. Наконец до нее дошло, в сколь бесстыдной позе она лежит, и она сдвинула ноги.

В этот момент Дегре поднял голову. Увидев, что его гостя проснулась, он положил перо в чернильницу и подошел к кровати.

— Как вы себя чувствуете? Вам хорошо спалось? — спросил полицейский весьма любезным и будничным тоном.

Анжелика посмотрела на него с недоумением. Она не была уверена в себе. Где она могла видеть Дегре

пугающим, грубым, распутным? Разве только во сне.

— Спала? — пробормотала она. — Вы говорите, я спала? Сколько же времени?

— Право же, вот уже три часа, как я являюсь свидетелем этого прелестного зрелища.

— Три часа! — повторила Анжелика, натягивая простыню, чтобы укрыться. — Но это ужасно! А встреча с господином Кольбером?

— В вашем распоряжении еще час, чтобы к ней подготовиться.

Дегре направился к соседней комнате.

— Здесь у меня удобная ванная комната и все необходимое для дамского туалета: румяна, мушки, духи и многое другое.

Он вернулся, чтобы бросить Анжелике шелковый халат.

— Наденьте, дорогая, и поторопитесь.

Несколько оглушенная, но вместе с тем пребывающая в удивительно расслабленном состоянии, Анжелика приняла ванну и стала одеваться. Она обнаружила свои вещи тщательно сложенными на сундуке. Перед зеркалом в изобилии стояли различные мелочи, которые никак не ожидаешь встретить в уборной холостяка: баночки со свинцовыми белилами и киноварью, черная краска для век, бесчисленные флаконы духов.

Понемногу к Анжелике начала возвращаться память. Хотя для этого ей пришлось приложить немалые усилия: казалось, что голова просто отказывается работать. Она вспомнила о хлесткой пощечине, которой Дегре ее почти оглушил. О, это было ужасно! Он обращался с ней как с уличной девкой, без малейшего уважения. И знал, что именно она была Маркизой Ангелов. Как же он поступит с ней теперь?..

Она слышала, как скрипит гусиное перо. Неожиданно Дегре поднялся с места и сделал

несколько шагов в сторону ванной:

— Как вы там справляетесь? Могу ли я заменить вам горничную?

Не дожидаясь ответа, он вошел в комнату и принялся ловко шнуровать ее юбки.

Анжелика не знала, что и подумать.

Воспоминания о ласках, навязанных ей полицейским, почти парализовали смущенную женщину. Но казалось, что Дегре думает совершенно о другом. Она могла бы решить, что ей все приснилось, если бы не видела в зеркале собственное лицо — лицо чувственной и удовлетворенной женщины, утомленной любовными утехами, чьи глаза обведены черными тенями страсти, а губы распухли от поцелуев. Какой стыд! Даже самый неискушенный человек заметит на ее лице следы той бурной схватки, в которую ее вовлек Дегре.

Машинально она положила пальцы на свои распухшие губы, которые продолжали гореть, почти причиняя боль.

В зеркале ее взгляд встретился со взглядом Дегре. Тот ответил ей легкой улыбкой.

— Ну да! Заметно, — сказал он. — Но это не имеет никакого значения. Важные господа, с которыми вы будете встречаться, станут всего лишь более уступчивыми... и возможно, почувствуют укол зависти.

Не ответив, Анжелика пригладила локоны и наклеила мушку на уголок скулы.

Полицейский закрепил портупею и взял шляпу. Бесспорно, он выглядел элегантно, несмотря на строгий темный костюм.

— Вы продвигаетесь по служебной лестнице, господин Дегре, — сказала Анжелика, стараясь подражать беспечности собеседника. — Теперь вы носите шпагу и ваши апартаменты, право, очень солидны.

— Я немало зарабатываю. Видите ли, общество странным образом меняется. Разве моя вина в том, что следы, которые я вынюхиваю, ведут все выше и выше? Сорбонна стареет. Но когда она умрет, я не стану искать ей замену, потому что в наше время самых страшных убийц следует искать не в грязных трущобах, а совершенно в иных местах.

Казалось, он задумался, а затем добавил, покачивая головой:

— Например, в роскошных салонах... Вы готовы, мадам?

Анжелика взяла веер и кивнула.

— Должен ли я вернуть вам конверт?

— Какой конверт?

— Тот самый, что вы отдали мне, когда пришли сюда.

Молодая женщина нахмурила брови. Вспомнив про конверт, она почувствовала, что краснеет. Она всучила Дегре завещание, намереваясь затем покончить с собой.

Покончить с собой? Что за нелепая мысль! Почему она хотела покончить с собой? Вот уж неподходящий момент! Ведь именно сейчас, впервые за долгие годы, она наконец-то близка к достижению своих целей и сам король Франции почти целиком в ее власти!..

— Да, конечно, — торопливо проговорила Анжелика. — Отдайте.

Полицейский открыл ящик и протянул запечатанный конверт. Но в последний момент, когда Анжелика уже собиралась выхватить письмо, молодой человек отдернул руку. С изумлением взглянув на Дегре, она заметила, что в его глазах вновь вспыхнули красноватые огоньки, которые, казалось, проникали в ее душу.

— Вы хотели умереть, не так ли?

Анжелика взглянула на него, как ребенок, пойманный с поличным. И, кивнув, опустила голову.

— А теперь?

— Теперь?.. Я уже не знаю. В любом случае, и речи не может идти о том, чтобы не воспользоваться слабостью этих людей и не довести партию до конца. Такая возможность выпадает раз в жизни, и я убеждена, что если сумею наладить производство шоколада, то смогу вернуть свое состояние.

— Вот и отлично.

Дегре подошел к камину и бросил конверт в огонь. Когда он полностью исчез в пламени, полицейский, как обычно спокойный и улыбающийся, повернулся к Анжелике.

— Дегре, — прошептала она, — как вы догадались?..

— Ах! Дорогая, — воскликнул он, смеясь, — вы и вправду полагаете, что я настолько глуп, чтобы поверить женщине, которая пришла ко мне домой с безумным видом, без пудры и помады на лице, будто у нее назначено свидание и будто бы она собирается на прогулку по галерее Дворца правосудия?.. Впрочем...

Казалось, Дегре колеблется.

— Я слишком хорошо вас знаю, — продолжил он. — Я сразу понял: что-то стряслось, дело принимает серьезный оборот, и потому следует действовать быстро и решительно. Принимая во внимание мои дружеские намерения, вы простите меня, мадам, за то, что я обошелся с вами несколько грубо?

— Еще не знаю, — в голосе Анжелики проскользнула обида. — Я подумаю.

Но Дегре расхохотался, смерив ее пылким взором. Она почувствовала себя оскорбленной, но в то же время поняла, что лучшего друга ей во всем мире не найти. Полицейский добавил:

— Что касается тех сведений, что вы мне сообщили... столь любезно, то вам не следует

волноваться о последствиях. Эти сведения действительно ценны, но они были всего лишь предлогом. Конечно, я их учту, но вообще-то я уже забыл, кто мне их предоставил. И еще один совет, мадам, если, конечно, вы позволите скромному полицейскому: всегда смотрите только вперед. Никогда не обращайтесь свой взгляд к прошлому. Старайтесь не ворошить пепел... Особенно пепел, развеянный по ветру. Потому что каждый раз, когда вы будете вспоминать о нем, вам захочется умереть. А меня может не оказаться рядом, чтобы вовремя избавить вас от этих мыслей...

Были приняты все мыслимые меры предосторожности. Карета с опущенными шторами доставила Анжелику, в маске и с завязанными глазами, в небольшой домик в пригороде Вожирар. Повязку с нее сняли только после того, как ввели в комнату, освещенную несколькими факелами. Здесь находились четверо или пятеро чопорных мужчин в париках, которые всем своим видом показывали, что крайне раздосадованы этой встречей.

Если бы не присутствие Дегре, Анжелика испугалась бы, что позволила заманить себя в ловушку, из которой ей не выбраться живой.

Но намерения месье Кольбера, мещанина с холодным и суровым лицом, были кристально честны. Именно этот человек неблагородного происхождения, осуждавший разгул и непомерные траты придворных, признал вполне обоснованными и справедливыми требования, которые Анжелика высказала королю. Государь и сам понял это — правда, не без помощи скандальных памфлетов Грязного Поэта.

Вскоре Анжелика догадалась: если присутствующие с чем-то и спорят, то скорее для проформы. Ее позиции были неуязвимы.

Через два часа, покидая высокое собрание, она уносила с собой обязательство, согласно которому из королевской казны ей должны были вручить 50 000 ливров на восстановление трактира «Красная маска». Был подтвержден и патент на производство шоколада, пожалованный когда-то отцу молодого Шайю. На сей раз в него было внесено также имя Анжелики, а кроме того отдельно оговаривалась ее независимость от цеховых организаций.

Анжелике предоставлялись всевозможные льготы на приобретение сырья для производства шоколадного напитка. И наконец, в счет возмещения убытков лично для себя она попросила одну акцию недавно основанной Ост-Индской компании.

Последнее условие договора удивило ее собеседников. Но эти господа, ведающие финансами, поняли, что молодая женщина отлично разбирается в делах. Анжелика напомнила, что ее коммерция неразрывно связана с экзотическими продуктами, и Ост-Индская компания только выиграет, если обзаведется клиенткой, которая будет заинтересована в ее процветании и в получении поддержки от самых крупных состояний королевства.

Месье Кольбер, ворча, согласился, что требования молодой особы хотя и значительны, но уместны и обоснованны. Собрание пришло к обоюдному соглашению. Подчиненные лейтенанта полиции, господина д'Обре, отправятся в лачугу, стоящую где-то в чистом поле, и обнаружат там сундук, доставленный неизвестными лицами. В сундуке будут лежать отпечатанные памфлеты с разоблачениями имен маркиза де Лавальера, шевалье де Лоррена и Месье, брата короля.

Возвращаясь в Париж в той же карете с зашторенными окнами, Анжелика тщетно пыталась унять охватившую ее радость. Ей казалось, что просто

неприлично чувствовать себя счастливой, учитывая, сколь трагические обстоятельства привели ее к триумфу. Но если все пойдет как задумано, то будет странно, если однажды она не станет одной из самых богатых женщин Парижа. Разве с деньгами она не сможет подняться на самый верх? Она будет в Версале, ее представят королю, она вернет себе положение, а ее сыновья будут воспитываться, как положено молодым дворянам.

На обратном пути ей не стали завязывать глаза, так как стояла темная ночь. Анжелика ехала в карете одна, но в мечтах и расчетах путь пролетел незаметно. Она слышала, как рядом с каретой цокают копыта лошадей ее небольшого эскорта.

Внезапно экипаж остановился и кто-то приподнял занавеску снаружи. При свете фонаря Анжелика разглядела лицо Дегре, склоняющегося к двери. Полицейский был верхом.

— Здесь я оставляю вас, мадам. Карета отвезет вас домой. Полагаю, что через два дня я снова встречу с вами, чтобы передать вам обещанное. Все в порядке?

— Я как раз об этом думаю. Ах, Дегре, это чудесно. Если мне удастся наладить производство шоколада, я уверена: мое будущее обеспечено.

— У вас все получится. Да здравствует шоколад! — воскликнул Дегре.

Он снял шляпу, поклонился и поцеловал Анжелике руку, возможно удержав ее чуть дольше, чем позволял этикет.

— Прощайте, Маркиза Ангелов!

Она едва заметно улыбнулась.

— Прощайте, сич!

Часть вторая
Дамы из квартала Маре

Глава 6

1666 г.

Колбасник с Гревской площади вышел подышать свежим воздухом на порог своей лавочки. Стояли первые дни весны. Небо сияло чистотой. На виселице не болтались повешенные, на площади не шли приготовления к казни, и ничто не мешало ему любоваться тем, как на другом берегу Сены возносились к голубовато-сиреневатым небесам квадратные башни собора Парижской Богоматери, вокруг которых кружились стаи голубей и ворон.

В прозрачном воздухе стояла такая тишина, что можно было различить, как ниже по течению поют крылья мельницы мастера Юга́.

В то утро на площади было мало прохожих. Чувствовалось, что не за горами великий пост. Горожане стали медлительными, с их лиц пропала обычная жизнерадостность, словно ежегодное воздержание во славу Господа — вселенская катастрофа. Как и все представители своей гильдии, мастер Люка был обязан на это время закрывать свою колбасную лавку. Предстоят большие убытки, да и жена разворчится. Но, в конце концов, на то и покаяние! Какие же мы христиане, если хотим покаяться, не страдая? Мастер Люка от всего сердца возблагодарил Святую Церковь за установление этого поста: пусть воздержание в еде послужит доброму христианину напоминанием о муках распятого Спасителя.

Погруженный в свои размышления, мастер Люка все-таки заметил, что какая-то роскошная карета въехала на площадь и остановилась рядом с колбасной лавкой. Из кареты вышла необыкновенно красивая

женщина, причесанная по последней моде, принятой среди дам квартала Маре: короткие волосы завиты тугими локонами, а две более длинные пряди спускаются вдоль шеи на грудь, притягивая взор к заманчивой глубине корсажа. Мастер Люка видел в этой моде очередной признак безумия нынешних времен: женщины стригли волосы — бесплатное украшение, дарованное им Господом. Негоже, если женушка или — подавно — дочка Жанин, подражая знатным дамам, задумают отстричь себе волосы!

Даже во время страшного голода 1658 года, когда в доме не осталось ни гроша, мастер Люка не допустил, чтобы жена продала свои великолепные косы проклятым цирюльникам, которые всегда норовят угодить богатым господам. И куда только катится мир: у женщин отрезают волосы, чтобы украшать ими мужчин!

Дама разглядывала вывески: она определенно что-то искала.

Когда она подошла к колбасной лавке «Святой Антоний», мэтр Люка узнал ее. Однажды он видел эту даму около Центрального рынка, где она владеет двумя товарными складами. Она не принадлежала к высшему обществу, как можно было бы подумать по ее манере держаться и по роскоши ее нарядов. Это была некая госпожа Моренс, из торгового сословия, одна из самых богатых женщин Парижа. Именно она ввела моду на шоколад, на чем и сколотила немалое состояние. Эта дама была к тому же хозяйкой кондитерской «У испанской карлицы» в предместье Сент-Оноре, нескольких известных в Париже трактиров и таверн, а еще полностью контролировала некоторые предприятия поскромнее, которые, впрочем, тоже не бедствовали, например, «кареты за пять су» и множество лавочек на ярмарке Сен-Жермен. Да еще у нее был патент на монопольную торговлю заморскими

птицами, которых продавали в лавочке на набережной Межисри^[11]. Четыре торговца, обслуживавшие королевский двор, платили ей за право использовать этот патент.

Поговаривали, что когда-то вдова была очень бедной, но благодаря своей ловкости так преуспела в делах, что теперь самые прославленные финансисты королевства, даже сам господин Кольбер, любили с ней беседовать.

Когда дама взглянула в его сторону, мэтр Люка, памятуя обо всем этом, стянул с головы свой колпак и поклонился настолько низко, насколько ему позволял округлившийся животик.

— Не здесь ли живет мэтр Люка, который торгует колбасами под вывеской «Святой Антоний»? — спросила молодая женщина.

— Это я, госпожа, к вашим услугам. Соблаговолите зайти в мою скромную лавку!

И мэтр Люка поспешил вперед, в надежде получить выгодный заказ.

— Вот у меня сардельки, тут — колбасы... Взгляните, радуют глаз, как агаты! А запах! Пахнут лучше, чем нектар! Здесь все копчености, какие только пожелаете. Они придадут аромат супу и любому яству, даже если положить кусочек размером с наперсток. У меня есть еще отменная красная ветчина, которая...

— Я знаю... знаю, что у вас превосходные товары, мэтр Лука, — ласково прервала хозяйина посетительница. — И непременно вскоре пришлю слугу с заказом. Но сейчас я пришла сюда совсем не за этим... Дело в том, что я — ваша должница, мэтр Люка, и прошло уже много лет, а я не вернула долг.

— Долг? — растерянно переспросил колбасник.

Он внимательно посмотрел в восхитительные глаза собеседницы, покачал головой, совершенно уверенный

в том, что никогда и словом не обмолвился с обворожительной незнакомкой.

Она улыбнулась.

— Да. Я должна вам за визит лекаря, которого вы привели, чтобы он помог одной бедной девушке, внезапно упавшей в обморок у двери вашей лавочки. Это случилось примерно пять лет тому назад.

— Ну, это мне ни о чем не говорит, — добродушно протянул мэтр Люка. — Мне не раз доводилось оказывать помощь людям, которым становилось плохо прямо у моей двери. На Гревской площади порой случается такое, что впору становиться монахом-госпитальером, а не продавать колбасу. Здесь не место тем, кому по нраву тихая жизнь. Как раз наоборот, у нас тут скучать не дадут. Расскажите, что тогда произошло, а я постараюсь вспомнить.

— Это случилось зимним утром, — начала Анжелика, и ее голос вдруг предательски задрожал. — На костре сжигали колдуна. Я пришла посмотреть на казнь, хотя мне не следовало этого делать, потому что я была на сносях. Я испугалась, упала в обморок и очнулась уже у вас. Вы позвали лекаря.

— Да-да! Припоминаю, — пробормотал толстяк.

Жизнерадостная улыбка слетела с его лица. Он растерянно взглянул на Анжелику, в его глазах промелькнули жалость и даже страх.

— Так это были вы, — прошептал мэтр Люка. — Бедняжка!

Анжелика почувствовала, как кровь приливает к ее щекам, хотя и была готова к тому, что эта встреча пробудит мучительные воспоминания. Анжелика уже давно пообещала себе никогда не оглядываться назад, ведь она — госпожа Моренс, обладательница внушительного состояния и незапятнанной репутации.

Но восклицание славного колбасника разбередило в ее душе старые раны, и она вновь увидела себя такой,

какой была в тот день: жалкая, измученная беременная женщина с обезумевшим взглядом, которую беспощадно сдавила людская толпа.

Она выпрямилась, разгладила юбку из голубого фая, поправила кружева, пенящиеся вокруг украшенных браслетами запястий, и заставила себя улыбнуться:

— Вы правы, мэтр Люка. В то время я была бедной, и вы проявили ко мне милосердие. Но, как видите, судьба стала ко мне благосклоннее, так что сегодня я могу щедро отблагодарить вас.

С этими словами Анжелика достала из поясной сумочки заранее подготовленный тяжелый кожаный кошель и положила его на прилавок. Но казалось, колбасник не заметил ее жеста. Он продолжал пристально и несколько недоверчиво рассматривать посетительницу.

— Элиза, подойди-ка сюда на минутку! — бросил он куда-то в сторону.

Шурша юбками из подбитого бархатом феррандина, появилась хозяйка колбасной лавки. Она слышала весь разговор.

— Конечно, вы переменялись! — воскликнула она. — Но я все равно узнала бы вас по глазам. Мы с мужем часто сокрушались, что позволили вам уйти в таком состоянии. Мы все думали о том, чтобы вас разыскать.

— Тем более...

— Наверное, нужно рассказать вам...

— ...насчет того, что произошло...

— ...раз уж вы из семьи...

Они говорили, запинаясь, вопросительно погладывали друг на друга и повторяли одни и те же слова.

— Из какой семьи? — спросила удивленная Анжелика.

— Из семьи колдуна, разумеется.

Она отрицательно покачала головой, стараясь выглядеть равнодушной.

— Нет-нет, я не из его семьи.

— А! Что ж, и так бывает. Иной раз женщины из любопытства приходят посмотреть на казнь и падают в обморок у моей двери! Но... если вы не из его семьи... тогда...

— А о чем бы вы мне рассказали, если бы я была из его семьи?

— Святая Богородица! О том, что произошло в кабачке «Голубой виноградник», у нашего соседа. О том, как телега остановилась, как с нее сняли колдуна, чтобы он мог выпить рюмочку, прежде чем подняться на костер.

— И что же?

Муж с женой переглянулись.

— Ох! Знаете, — ответил мэтр Люка, — такие вещи не рассказывают всем подряд... ну, то есть, я хочу сказать — ни к чему это посторонним. Только членам семьи, для них такое правда интересно... но раз уж вы его не знали...

Глаза Анжелики лихорадочно перебегали от одного краснощекого лица к другому, но на обоих лицах отражались лишь доброта, простодушие и доброжелательность.

— Да, я знала его, — прошептала она чуть слышно.
— Это был мой муж...

Колбасник кивнул.

— Мы так и думали. Тогда слушайте.

— Подожди... — шепнула его жена.

Она подошла к двери и плотно закрыла ее, потом захлопнула деревянные ставни, обрамлявшие «витрину», где выставлялась на обозрение прохожим разнообразная снедь.

Стоя в полумраке лавки, пропитанной аппетитными ароматами сосисок, соленого свиного сала и ветчины,

Анжелика слышала, как колотится ее сердце, и терялась в догадках. Какое откровение ждет ее сейчас? Она ехала к колбаснику без всякой задней мысли. Она часто упрекала себя в том, что не отблагодарила добрых людей, которые помогли ей, но все время откладывала поездку. Что они могли рассказать ей? Чего она не знала? Палач не поджег костер? Тело Жоффрея де Пейрака не было уничтожено огнем, его прах не развеяли по ветру?

— Нам рассказал эту историю мэтр Гийом, хозяин соседнего кабачка, — объяснил колбасник. — Однажды вечером он здорово выпил и проболтался о тайне, которая тяжелым грузом лежала у него на душе. Мы поклялись никому его не выдавать, ведь тому, кто знает такие истории, могут однажды и горло перерезать. Он говорил, что накануне казни к нему пришли люди в масках и предложили кошелек, набитый экю. Что же они попросили взамен? А чтобы Гийом все следующее утро никого, кроме них, не пускал в свой кабачок. Каждому ясно, как идут дела в кабачке на Гревской площади в день казни — лучше не придумаешь! Но в кошельке была куча денег — раза в три больше, чем он мог бы заработать.

Гийом сказал: «По рукам, черт возьми! Чувствуйте себя как дома!» На другой день они и пришли, снова в масках. Гийом закрыл ставни, а сам вместе с семьей и служанками ушел к себе в комнату. Время от времени они из чистого любопытства через дырку в стене подглядывали, что делают парни в масках. А те ничего не делали. Просто уселись вокруг столов и будто бы чего-то ждали. Некоторые из них сняли маски, но сосед никого не узнал. Надо сказать, он подозревал, зачем им понадобился его кабачок. Под домом идут огромные подвалы, которые остались еще с римских времен. Там есть один наполовину обрушившийся туннель, что выходит прямо к берегу Сены. Между нами, Гийом

частенько пользуется им, чтобы доставить к себе в лавку бочку-другую вина, не заплатив пошлину господам из Ратуши. Поэтому он совсем не удивился, когда увидел, что кто-то из парней встал и откинул крышку его погреба. Это произошло как раз в то мгновение, когда толпа завопила, потому что с улицы Ножовщиков показалась телега с осужденным. Все прильнули к окнам, кроме моего Гийома, который все тарасился в дырку. Страсть как ему было любопытно, что происходит в его кабачке. Он увидел, как из погреба вылезли еще какие-то мужчины и втащили в зал что-то длинное, завернутое в мешок. Кабатчик не смог разглядеть, что там у них завернуто, но он подумал: «Что за чертовщина, здорово смахивает на покойника». На площади орал все громче и громче. Телега докатилась до вывески «Голубой виноградник», когда людской водоворот остановил ее. Мэтр Обен орал во всю глотку, его помощники разгоняли толпу ударами хлыста. Но телега — ни с места. Дожидаясь, пока расчистится проезд, мэтр Обен решил зайти в «Голубой виноградник», чтобы угостить своего клиента водочкой. Он часто так делает. Палач и сам пропускает стаканчик, и его помощники тоже. Что и говорить, у него нелегкое ремесло, требуется что-то подкрепляющее, разве не так? Когда дверь открылась, Гийом смог как следует рассмотреть осужденного, которого внесли на руках. На нем была белая рубашка, вся в крови, а длинные черные волосы свисали почти до земли... Простите, госпожа, вам больно меня слушать. Элиза, принеси-ка флакончик с травами.

— Не стоит, прошу вас, продолжайте, — едва слышно попросила Анжелика.

— По правде говоря, мне нечего больше рассказать. Гийом клялся, что ничего толком не разглядел. В лавке было темно. Он слышал только, как ругался мэтр Обен, потому что никто не поднес ему водки. Еще слышал, как

на улице стражники отгоняли толпу от двери. Осужденного положили на стол.

— А что делали люди в масках?

— Стояли или сидели, кто его знает? Было темно. Гийом так и сказал: «Я ничего не видел». Но он все-таки думает, что в том самом свертке, который затем вынесли и положили в телегу, был кто-то другой и что... в тот день на Гревской площади сожгли вместо колдуна тело покойника, которого вытащили из погребца!

Анжелика провела рукой по лбу. Услышанная история казалась ей невероятной, она недоумевала, зачем ей все это рассказали. Только через несколько минут, очнувшись от потрясения, она поняла: **ЕСТЬ НАДЕЖДА, ЧТО ЖОФФРЕЙ НЕ ПОГИБ** на костре!

Неужели такое возможно? Она же видела, как он горел: огромная черная фигура, привязанная к столбу. Она осталась совсем одна, всеми гонимая... За пять лет ни единого проблеска во тьме, ни слова послания, ни одного дружеского знака... Жоффрей жив?! Какой-то колбасник вдруг намекает на чудо, колбасник, который сам ничего не видел и, по его собственному признанию, пересказывает речи какого-то пьянчуги... Безумие!

Жоффрей жив!.. Она бы могла снова увидеть его, обнять. Снова увидеть его удивительное лицо, завораживающее, неповторимое, одновременно пугающее и прекрасное! Где же он? Почему до сих пор не вернулся? Нет, если он до сих пор не вернулся, значит, он умер! Умер! Надежды нет...

— Успокойтесь, — сказала хозяйка колбасной лавки.

— Вы вся дрожите. Это всего лишь догадка. Вот, выпейте немного вина.

Крепкое вино пошло Анжелике на пользу. Она все еще чувствовала себя разбитой, как после короткой жестокой болезни, но, сделав два-три глубоких вдоха, нашла в себе силы, печально покачав головой, ответить хозяйке:

— Все, что вы мне сейчас поведали, настолько невероятно, что в это с трудом можно поверить. Что сказать? Допустим, осужденного подменили, но тогда мэтр Обен обязательно обнаружил бы подмену, ведь он надевал на него капюшон, прежде чем поднять на костер! Тогда выходит, что мэтру Обену заплатили за соучастие... и что...

Анжелика вздрогнула.

— Если бы вы хоть раз в жизни разговаривали с палачом так, как довелось мне, вы бы поняли, что подкуп невозможен.

Супруги только развели руками.

— Честное слово, мы больше ничего не знаем, бедная госпожа! Мы надеялись, что наш рассказ сможет вас утешить. Мы часто говорили друг другу: «И почему несчастная малышка больше не пришла к нам? Наверное, эта история подарила бы ей капельку надежды!»

— Пять лет! — прошептала Анжелика. — И никаких известий! Если нашлись преданные друзья, — хотя кто бы это мог быть? — которые смогли вырвать моего мужа из рук палача, друзья, достаточно богатые, чтобы заплатить мэтру Обену целое состояние, то почему никто не подал мне даже весточки? Нет, это какое-то безумие!

Госпожа Моренс поднялась. Ее ноги дрожали. Она не сдержалась и, с беспокойством посмотрев на своих собеседников, спросила:

— Почему вы мне все это рассказывали? Может, хотите выдать меня?

— Конечно, нет! За кого вы нас принимаете, милочка?

— Тогда почему? Хотите еще денег?

— Да вы совсем потеряли голову! — возмутился простой лавочник, в голосе которого вдруг явственно слышались нотки оскорбленного достоинства. — Мне

нравится помогать ближним, и все тут. А чем больше я думал обо всей этой истории, тем больше убеждался — здесь что-то нечисто, и вам стоит об этом знать.

Толстяк набожно поднял глаза к маленькой статуе Девы Марии.

— Я часто прошу у Пресвятой Девы, чтобы она помогла мне совершить настоящее доброе дело, по-настоящему нужное людям. Не как то милосердие, которым мы обычно кичимся, унижая тех, кому его оказываем.

— Если вы — действительно добрый христианин, то должны были радоваться смерти колдуна.

— Я не могу радоваться смерти, — прошептал колбасник, и на полном лице его вдруг блеснули чистым огнем синие глубоко посаженные глаза. — Любой человек перед лицом смерти — всего лишь душа, которой грозит страшная опасность. Не было ни одного осужденного на этой площади, о помиловании которого я не молил бы Деву Марию. Пусть ему будет отпущено время искупить свои грехи или начать новую, праведную жизнь, потому что, стоя на краю бездны, каждый осознает свою ничтожность. И порой чудо случается: бывало, королевский гонец доставлял приказ о помиловании, а как-то недавно вспыхнул мятеж, и трое осужденных смогли убежать. Да, вот чему я радуюсь...

Госпожа Люка встала, чтобы открыть дверь и ставни. Солнце, хлынувшее в комнату, осветило простодушное, открытое лицо колбасника. Анжелика, которую минувшие годы научили разбираться в людях, не увидела на нем и следа лицемерия.

— Отчего вы так добры? — удивленно спросила она. — Обычно люди вашего цеха такие черствые. Они и пальцем не шевельнут без выгоды для себя.

— А почему бы мне не быть добрым? — ответил колбасник с искренней радостью настоящего

праведника. — Жизнь коротка, а мне не хочется потерять местечко в раю из-за жульничества или жестокости, которые сделали бы меня чуть богаче и влиятельнее на земле.

Выйдя из лавки, Анжелика решила дойти пешком до Королевской площади^[12], где она теперь жила, и отослала свой экипаж. Она чувствовала себя совсем разбитой, и ей было необходимо пройтись, чтобы вернуть душевное равновесие.

Она шла по только что построенной набережной Сены, тянувшейся вдоль монастыря целестинцев. На шпалерах прекрасного монастырского сада нежно зеленели молодые виноградные листья и побеги. Сад был открыт для всех желающих. Монахи закрывали ворота лишь осенью, когда спелый виноград мог соблазнить горожан, но после сбора урожая ворота вновь открывались.

Анжелика вошла в сад и укрылась в беседке. Она часто приходила сюда с подругами или кавалерами, читавшими ей стихи, а по воскресеньям, как чинная мать семейства, с Флоримоном и Кантором.

В то утро монастырский сад был еще пуст. Лишь несколько братьев в коричневых рясах, подпоясанные фартуками из грубой ткани, вскапывали грядки и подрезали виноград. От монастыря к небу поднимались гул молитв, пение псалмов и нежный перезвон колоколов.

Но из гармонии песнопений, горящих свечей и благовонного ладана, в чередобрядов, в окружении обетов и догм распускалась порой подобно волшебному цветку истинная безграничная святость. Такая, как у преподобного Венсана и у колбасника с Гревской площади.

Святость, которой пронизан каждый день жизни, святость, исполненная доброжелательной мудрости,

святость, пришедшая на смену векам мерзости, мелочности и религиозной нетерпимости.

И Анжелика подумала:

— Только из-за этих удивительных людей можно все простить.

***

Сидя в беседке, Анжелика вспоминала свою встречу с хозяином колбасной лавки. В надежде обрести хоть капельку уверенности, рассеять сомнения, она в мыслях беспрестанно возвращалась к добрейшему мэтру Люка.

По мере того как менялось ее мнение о колбаснике, Анжелика по-иному начинала воспринимать рассказанную им историю. Сначала ей показалось, что все это плод расстроенного воображения; потом она пришла к мысли, что колбасник хочет вытянуть из нее побольше денег, и, наконец, она решила, что это всего лишь байка, рассказанная болтуном, который хвастается, что обо всем знает лучше других.

Можно ли спустя столько лет судить о поступках и намерениях каких-то шутников, нацепивших маски в день казни? Даже если предположить, что дырявая память такого пьянчуги, как хозяин «Голубого виноградника», не подвела его и он не перепутал разные события: кто бы мог решиться освободить Жоффрея?

Анжелика слишком хорошо помнила, в каких изгоев превратила тогда графа и графиню де Пейрак королевская немилость.

Даже Андижос бросил ее и сбежал. Правда, позже стало известно, что он поднял Лангедок против короля. Скрытое недовольство переросло в мятеж и в отказ платить налоги, начались стычки с королевскими войсками. Дошло до того, что в прошлом году Людовику XIV пришлось лично отправиться в Лангедок, чтобы

положить конец этому опасному конфликту. Анджоса схватили. Все это Анжелика узнала из болтовни придворных, приходивших пить шоколад в кондитерскую «У испанской карлицы».

Может быть, все это и было мстью за Жоффрея де Пейрака, но никак не попыткой его спасти.

А мэтр Обен? Можно ли допустить, что он был соучастником подмены осужденного на казнь? Всем известно, что этот верный служака сотни раз отказывался от самых щедрых предложений.

Вдруг Анжелика вскочила и поспешила к выходу из тихого сада целестинцев. Она решила встретиться с палачом. После разговора с мэтром Обеном наверняка станет ясно, лгал ли он, передавая ей последние слова человека, который только что сгорел заживо.

Она нисколько не сомневалась, что их сказал именно Жоффрей. Даже сегодня те слова были для Анжелики неопровержимым доказательством того, что на костре погиб не кто иной, как ее муж. Уже окруженный дымом и пламенем, он сказал палачу, который пытался задушить осужденного, но не мог этого сделать, потому что монах Беше завязал на веревке узел: «Уходи, палач! Время пришло».

Только он мог сказать это, знатный вельможа, который всегда был так внимателен к зависящим от него людям. «Жоффрей... Любовь моя».

Анжелика стремительно шагала вперед.

Она должна узнать.

Но вдруг столь же внезапно, как она вскочила, чтобы броситься со всех ног из сада целестинцев к площади Пилори, Анжелика остановилась, повернулась и пошла назад. Она ясно вспомнила очертания черной фигуры, привязанной к столбу. На нем был капюшон. Толпа кричала: «Почему на него надели капюшон? Мы хотим видеть, как он корчится!»

Был ли это Жоффрей?

«Ты что, рехнулась? — произнес в голове у Анжелики чей-то голос. — Надеешься услышать правду от палача?!» Она поняла, что это голос Польки, одной из бывших обитательниц Нельской башни. Что с ней случилось? Анжелика и думать о ней забыла. В какой момент подруга исчезла из ее жизни? «Палач непостижим!» — говаривала Полька. А еще она говорила, что не монарх в Лувре, а именно палач — настоящий король бедняков. Жизнь бедных управляют страх, жестокие непреложные законы и подозрительность. Анжелика с удивлением осознала, что в своей новой безмятежной жизни почти забыла об опасности, которая исходит от палача. И сейчас она ругала себя за легкомыслие. Попытка проникнуть в тайны палача или высказать подозрение, что он что-то скрывает, таит в себе угрозу для жизни мэтра Люка, его приятеля — владельца «Голубого виноградника» и их близких. Не стоит лишний раз привлекать внимание сильных мира сего, и в особенности тех, кто причастен к тайнам вынесения приговоров на королевских процессах.

Недаром тетушка Пюльшери и наставницы-урсулилки упрекали Анжелику в легкомыслии.

Шагая по улице, молодая женщина вспоминала события, которые произошли после того памятного вечера, когда она тайно встретила с господином Кольбером.

Сначала она наладила производство шоколада, и вскоре ее кондитерская стала одним из самых модных мест Парижа. На вывеске красовалось название «У испанской карлицы». Кондитерскую посетила сама королева, которая была необычайно рада, что отныне не она одна в этой стране пьет шоколад. Ее Величество явилась в сопровождении карлицы и карлика, достопочтенного Баркароля.

С тех пор кондитерская-шоколадница процветала. Анжелика не могла отрицать, что во многом тому способствовала помощь опытного и по-прежнему влюбленного в нее Одиже. Молодой человек был слишком слабохарактерным, чтобы перечить Анжелике, и к тому же не сомневался, что однажды она станет его женой, а потому позволял госпоже Моренс делать все, что ей заблагорассудится. Стремясь не упустить своей выгоды, Анжелика самым скрупулезным образом проследила за составлением контракта, по которому она получила право наладить производство шоколада и открыть кондитерские в нескольких городках под Парижем. Талант Анжелики проявился в том, что она сумела безошибочно выбрать людей, которых поставила во главе своих новых заведений. Она платила им немалые деньги, но требовала честного ведения дел и особо оговаривала в контракте, что управляющий будет уволен, если за первые полгода заведение не начнет приносить устойчивой прибыли. Под угрозой увольнения такой управляющий развивал бурную деятельность, убеждая жителей своего города, что они просто обязаны пить шоколад.

В отличие от многих других крупных коммерсантов и банкиров своей эпохи, Анжелика не копила деньги: ее капиталы постоянно были в движении.

Часть средств она вложила в мелкие предприятия, как, например, общественные кареты Парижа. Экипажи отправлялись от особняка Сен-Фиакр и колесили по городу, перевозя простых горожан: слуг и пажей, торговцев и гризеток, солдат-инвалидов и торопливых клерков. Проезд стоил всего пять су.

Помимо этого, Анжелика получала доход от участия в делах Франсуа Бине, бывшего цирюльника из Тулузы.

О Бине Анжелика вспомнила, в очередной раз сокрушаясь перед зеркалом о своих дивных длинных волосах, срезанных «злодеями» из Шатле.

Отросшие волосы нельзя было назвать некрасивыми. Они стали сильнее виться и приобрели более яркий золотистый оттенок, хотя еще не скоро достигнут былой длины. Теперь, когда Анжелика вновь стала дамой, она больше не могла скрывать короткие локоны под чепцом, и это ее немного смущало. Ничего не поделать, нужны накладные букли. Но где взять волосы такого редкого оттенка, волосы, отливающие темным золотом? И тут у нее в памяти всплыли слова стражника из Шатле, срезавшего ее пряди: «Я продам их господину Бине с улицы Сент-Оноре». А вдруг это наш Бине из Тулузы?.. Шансы, что у цирюльника сохранились волосы Анжелики, были малы, но ее мучило любопытство. И еще ей хотелось увидеть знакомое лицо, тем более из далекого счастливого прошлого.

Она отправилась к парикмахеру.

Это и в самом деле оказался Франсуа Бине — скромный, предупредительный, болтливый. С ним было так спокойно и легко! Он говорил обо всем и ни о чем, но никогда даже намеком не касался ее прошлого.

Цирюльник женился на достойной женщине, которая умело и с неподражаемым вкусом сооружала дамские прически. Она называла себя Ламартен. Вдвоем супруги сумели так поставить дело, что к их услугам прибегали самые знатные и богатые клиенты. Анжелика, с недавних пор занявшая достаточно уважаемое положение в обществе, теперь могла без ложного стыда приходить к бывшему цирюльнику своего мужа.

Госпожа Моренс, владелица шоколадного производства, была в Париже весьма известной особой. Но порой Бине тихонько обращался к своей клиентке «госпожа графиня», и Анжелика не знала, доставляет ли ей это обращение удовольствие или же заставляет слезы наворачиваться на глаза.

Бине и его жена придумали для Анжелики очень смелую прическу. Они ровно подрезали ее и без того короткие волосы, приоткрыв очаровательные ушки, а из состриженных локонов сделали две или три накладные букли, которые спускались вдоль шеи и плеч, создавая иллюзию длинных волос.

На следующий день после визита к парикмахеру, когда Анжелика прогуливалась с Одиже по аллее Мей, к ней подошли две знакомые дамы и полюбопытствовали, какой же кудесник сделал ей эту восхитительную прическу.

Анжелика назвала Бине, и у нее тут же родилась идея о сотрудничестве с цирюльником и его женой. Она стала направлять к мастеру знакомых знатных дам, получая от Бине процент с прибыли. Кроме того, ссудила семейство Бине деньгами, чтобы цирюльник отправил своих подмастерьев покупать волосы у деревенских красавиц. Парижу уже не хватало волос для изготовления париков.

Но самой крупной сделкой госпожи Моренс стала покупка «корабельной доли» у Жана Кастеваса, торговца из Онфлёра, снабжавшего ее зернами какао.

Кастевас занимался самыми разными делами: фрахтованием судов для рыбной ловли на Ньюфаундлендской банке у берегов Америки, продажей в Париже трески, закупкой соли на берегах Пуату и Бретани, оснащением легких быстроходных судов и кораблей, доставлявших экзотические товары из Америки.

Дела торговца шли блестяще. Он ссужал деньги под проценты, выдавая краткосрочные ссуды даже матросам собственных кораблей; и при этом брал по долговым обязательствам всего лишь четыре процента. Иностранцы полагали такую ставку слишком низкой, но Кастевас считал, что поступает разумно.

Наконец, при посредничестве тринитариев^[13], монастырь которых находился в Лизьё, Кастевас выкупал или обменивал рабов-христиан на мавров, захваченных его кораблями. Благодаря этой деятельности купец снискал себе славу благодетеля, несмотря на то что он не стеснялся брать с семей пленных «авансовые платежи» за меры по спасению и принимать щедрые дары от благодарных спасенных.

Кастевас процветал, но из-за склонности к рискованным предприятиям однажды чуть не оказался на грани банкротства. Один из его кораблей был захвачен на Варварийском берегу^[14], другой пропал после мятежа экипажа, а увеличение налога на соль привело к тому, что купец лишился огромной партии трески. Анжелика воспользовалась случаем и сделала вид, что спешит на помощь к хитрому торговцу, чью отвагу и ловкость она давно оценила.

Сначала она ссудила его деньгами. Затем, используя свои связи, добилась того, что Кастеваса избрали королевским прокурором в городском магистрате Онфлёра. Вдобавок она сумела выхлопотать должность королевского прокурора Адмиралтейства в том же городе еще и для его брата. Статус королевского служащего защищал Жана Кастеваса от алчности сборщиков налогов.

К тому же, на правах владелицы акций Вест-Индской и Ост-Индской компаний Анжелика добилась от Кольбера разрешения на беспошлинный проход кораблей Кастеваса к берегам Мартиники. Купец был обязан выплачивать королевским служащим острова лишь небольшие отчисления.

Освобождение от уплаты налога было первым настоящим достижением Анжелики, которое ее несказанно обрадовало. Стремление получить эту привилегию походило на неосознанное стремление

одержать реванш над сборщиком налогов, который, по ее детским воспоминаниям, омрачал жизнь семейства в Монтелу. А может быть, она вспомнила те первые наставления в коммерции, которые ей когда-то преподавал Молин. В обмен на оказанные услуги Анжелика получила от Кастеваса долю в прибылях от его кораблей. Так мадам Моренс стала единственной в Париже поставщицей экзотических товаров: какао, черепашого панциря, слоновой кости, диковинных птиц, драгоценных сортов древесины. Именно она снабжала деревом новую Королевскую мебельную мануфактуру, которую только что открыл господин Кольбер. Обезьян и экзотических птиц Анжелика продавала парижанкам...

Вся эта разнообразная деятельность позволила ей заработать целое состояние.

Однажды до Анжелики дошли слухи, что известная светская сочинительница будто бы сказала: «Шоколад некоторое время услаждает вкус, но вскоре вас непременно поражает смертельная лихорадка».

Анжелика решила, что обязательно должна встретиться с этой дамой. Маркиза де Севинье оказалась прелестной женщиной, которая рассуждала о жизни с таким юмором и умом, что ей прощали любые самые неосторожные высказывания. Ее красавец муж был одним из главных фаворитов знаменитой куртизанки Нинон де Ланкло. В обществе его за глаза называли распутником на содержании самой умной и очаровательной женщины и не могли простить ему любовных походов. Маркиз погиб на дуэли, что не прибавило ему доброй репутации. А мадам де Севинье посвятила себя воспитанию дочери и сына, борьбе с врагами и управлению имением.

Анжелика приходила к ней, когда хотела послушать рассказы о Версале, где маркиза бывала по приглашению короля, ценившего ее общество. Мадам

де Севинье живо описывала дворцовые развлечения: игру в обруч, балет, комедии, фейерверки, прогулки. Порой, видя искреннее сожаление в глазах Анжелики, она восклицала:

— Не огорчайтесь, милочка. Версаль — это царство хаоса! На праздниках там страшная давка, а придворные то и дело приходят в бешенство из-за того, что король совсем не заботится о них. Как-то раз господа де Гиз и д'Эльбёф вовсе не нашли места для ночлега и отправились спать на конюшню.

Но Анжелика была убеждена, что господа де Гиз и д'Эльбёф предпочли бы и впредь спать на конюшне, лишь бы не лишиться празднеств Версаля, и она не ошибалась.

Этот королевский дворец, о котором говорил весь мир, и где Анжелика дала себе слово появиться во всем своем блеске, превратился для нее в сияющий, манящий мираж. Он стал единственной, хотя и недостижимой целью, к которой она стремилась со всем пылом своей души. Оказаться в Версале! Но как шоколадница, даже будь она самой богатой женщиной в Париже, может оказаться среди придворных «короля-солнце»?

Людовик XIV расходовал безумные суммы на строительство и отделку дворца.

— Он печется о красоте Версаля, словно кокетка о красоте своего лица, — любила повторять мадам де Севинье.

Глава 7

На Королевскую площадь Анжелика переехала через несколько месяцев после открытия кондитерской. К этому времени деньги от продажи шоколада уже потекли рекой. Переезд с улицы Фран-Буржуа в самый центр аристократического квартала стал еще одной ступенью подъема по социальной лестнице.

На Королевской площади дворяне дрались на дуэли, а прекрасные дамы обсуждали вопросы философии, астрономии и играли в буриме. Анжелика с удивлением и любопытством изучала парижское светское общество, доступ куда был открыт лишь для избранных. Площадь, окруженная темно-розовыми домами с высокими черепичными крышами и длинными аркадами, в тени которых на первом этаже укрывались лавочки, торгующие кружевами и носовыми платками, как нельзя лучше располагала к отдыху после долгой утомительной работы. В этом уголке Парижа царили скромность и жеманство. А если и случались скандалы, то они скорее напоминали театральные постановки.

Когда-то Анжелика любила вести светские беседы, которые за полвека изменили французское общество и стали неотъемлемой частью культуры. Но теперь она все время боялась допустить какую-нибудь оплошность, ведь темы, на которые сочинялись эпиграммы, мадригалы или сонеты, многие годы были безмерно далеки от нее!

К тому же из-за того, что ей по-прежнему приходилось скрывать свое знатное происхождение, лучшие салоны города для госпожи Моренс оставались закрытыми. В надежде завоевать их Анжелике пришлось запастись терпением. Она роскошно

одевалась, но всякий раз сомневалась, что ей удастся следовать аристократической моде.

Когда ее маленькие сыновья гуляли под сенью деревьев на площади, прохожие оборачивались, чтобы еще раз взглянуть на мальчиков — так они были красивы и нарядны. Флоримон и Кантор носили уже настоящие мужские костюмы из шелка, парчи и бархата с огромными кружевными воротниками, расшитые чулки, туфли на каблуках с пряжками. На их кудрявых головках красовались широкополые шляпы с перьями, а у Флоримона была даже маленькая шпага, что приводило его в восторг. Это был хрупкий и ранимый ребенок. Он страстно мечтал о сражениях, поэтому то и дело вызывал на дуэль Пикколо. После переезда обезьянка снова повеселела и смешила домашних, как заправский комедиант. Что касается Кантора, то в свои пять лет этот невозмутимый малыш все еще плохо говорил, но по внимательному взгляду его загадочных зеленых глаз без лишних слов было ясно, что он очень смысленный мальчик. Молчун по натуре, он не видел смысла в пустых разговорах: Флоримон его понимал, а прислуга предугадывала малейшие желания.

В доме на Королевской площади Анжелика наняла кухарку и еще одного слугу. В сопровождении Флипо, исполнявшего обязанности пажа, и кучера госпожа Моренс выглядела в обществе своих соседок более чем достойно. Барба и Жавотта носили индийские шали и кружевные чепцы, у обеих были золотые нательные крестики.

Но Анжелика прекрасно понимала: для высшего общества она по-прежнему оставалась разбогатевшей выскочкой, тогда как ей хотелось, чтобы знатные вельможи приняли ее в свой круг. Достичь намеченной цели можно было только в салонах квартала Маре, где правил разум, а не дворянский титул, и где

честолюбивые мещанки на равных общались с аристократками.

Для начала Анжелика завела знакомство со своей соседкой, старой девицей, занимавшей апартаменты этажом ниже. Эта дама помнила времена расцвета прециозной культуры и женских диспутов. Она встречалась с маркизой де Рамбуи^[15], посещала салон мадемуазель де Скюдери^[16] и изъяснялась изысканно, хотя и немного старомодно.

Филонида де Паражонк говорила о семи видах любви и подразделяла вздохи на пять категорий. Она презирала мужчин, ненавидела Мольера, а плотскую любовь считала «узами дьявола».

Впрочем, ходили слухи, что в молодые годы Филонида не была мужененавистницей. Напротив, тогда она не только удостаивала посещениями привычную ей страну Нежности, но и заглядывала в королевство Кокетства, к тому же частенько наносила визиты в его столицу Наслаждение. Закатывая выцветшие глаза, она признавалась: «Мое бедное сердце истерзано любовью!»

— Если бы только сердце! — ворчал Одиже, не одобрявший приятельские отношения Анжелики и престарелой жеманницы. — Но к чему вам еще и ученость? Знаете, в наших краях есть добрая поговорка: «Женщина знает достаточно, если она может отличить рубашку мужа от его камзола».

В ответ Анжелика шаловливо смеялась, и этого было достаточно, чтобы Одиже смирился.

Вместе с мадемуазель де Паражонк мадам Моренс начала посещать Драгоценный дворец, за три пистоля записавшись в число его постоянных гостей.

Во Дворце собирался «весь цвет Парижа»: дамы среднего достатка, духовные лица, молодые ученые, провинциалы. Афиша сулила заманчивые перспективы:

«Мы обещаем всего за три пистоля целых три месяца, с первого дня января до середины Великого поста, забавлять вас всяческими развлечениями, которые только может вообразить здравомыслящий человек.

По понедельникам и субботам: бал и комедия; подаются бесплатные лимонад и апельсины из Португалии.

По вторникам: концерт. Лютня, вокал, музыкальные инструменты.

По средам: лекция по философии.

По четвергам: чтение газет и новых пьес. Обсуждение.

По пятницам: любопытные теории. Обсуждение».

Чтобы дамы не тревожились по поводу позднего возвращения домой, организаторы предусмотрительно сообщали:

«Особам, которые заботятся о сохранности своих денег, драгоценностей и гемуэзских кружев, мы предоставим надежный эскорт. Мы обсудим эту проблему с парижскими мошенниками, которые выдадут нашим гостям надежные пропуска, позволяющие гулять по городу в любое время суток в полной безопасности. Ведь эти господа давно показали, что если снабдить их деньгами, у них хватит богобоязненности, чтобы сдержать свое слово».

Драгоценный дворец приглашал для своих посетителей именитых докладчиков. Например, о комете, которая в 1665 году очень взволновала парижан, здесь рассказывал профессор математики Королевского коллежа Роберваль ^[17].

Здесь обсуждали разливы Нила, сердечные привязанности, а также природу света^[18] и вопрос о том, окружает ли нас пустота или же воздух имеет вес.

Анжелика заметила, что во время научных дискуссий она страдает, как грешница в аду. Услышав то или иное ученое слово, она вздрагивала, потому что ей казалось, что она снова слышит увлеченный голос Жоффрея де Пейрака и видит, как вспыхивает огонь в его глазах.

— Я слишком глупа, — пожаловалась она однажды мадемуазель де Паражонк. — Все эти серьезные вопросы пугают меня, я бы предпочла ходить в Драгоценный дворец только на балы и концерты.

— Ваша душа слишком глубоко увязла в материи, — огорчилась престарелая мадемуазель. — Как же вы сможете блистать в салонах, если не поймете, о чем там беседуют? Вы не желаете разбираться ни в философии, ни в механике, ни в астрономии, вы не умеете даже слагать стихи! Что же тогда остается?.. Пожалуй, только благочестие. Вы читали хотя бы святого Павла и святого Августина? Вот настоящие труженики во славу воли Божьей. Я дам вам их книги.

Но Анжелика отказалась от трудов святых Павла и Августина, и даже от книги мадемуазель де Гурне «О равенстве мужчин и женщин»^[19], где она могла бы почерпнуть множество доводов в пику безапелляционным заявлениям Одиже.

Вместо этого она увлеченно, хоть и украдкой, изучала «Трактат о жеманстве и об умении хорошо выглядеть» мадемуазель де Кентен и «Искусство нравиться при дворе» мадемуазель де Круасси. Анжелика пыталась понять, что за публика посещает салоны, этот незнакомый мир, который станет следующим шагом на пути к намеченной цели. Она еще сама не до конца сознавала, чего именно добивается, но

надеялась обрести саму себя и дать своим мальчикам имя, достойное их происхождения. Пользуясь покровительством мадемуазель Паражонк, которую высоко ценили почитатели изысканной словесности и французского языка, Анжелика старалась держаться скромно и неприметно. И была права, ведь ее яркая красота вызывала опасения у избранного общества завсегдатаев салонов. Все знали, что отчеты об этих ученых заседаниях удостоены чести печататься на страницах «La Gazette»^[20], которую любил читать сам король.

— Вы вдова? — спросила Филонида Анжелику в одну из первых встреч.

Занеся гусиное перо над записной книжкой, жеманница собиралась внести имя своей новой подопечной в список приглашенных на «дамский ужин».

Анжелика поспешно возразила:

— Нет! Нет, я не вдова!

Ей казалось, что утвердительный ответ на этот неожиданный вопрос оборвет последнюю ниточку, связывающую ее с любимым, который продолжал жить в ее памяти.

— Будете! — решила несколько обескураженная, но ничуть не удивленная мадемуазель де Паражонк. — Скажем так: вы не находитесь под опекой мужа, ни живого, ни мертвого. Но не следует забывать, что у вас двое детей в добром здравии, которых вы без стеснения показываете окружающим.

— А почему я должна стесняться?

Анжелике было нелегко вновь занять достойное место в обществе с его строгими традициями и правилами поведения. Она уже столкнулась с трудностями, когда обосновалась в квартале Маре, где возводили величественные особняки самые знатные семьи королевства и где положение женщины —

возможно, вдовы, — занимающейся коммерцией, не позволяло ей засиять среди других звезд на небосклоне салонов, в которые ее ввела мадемуазель де Паражонк. Жеманница полагала, что положение Анжелики среди всех этих особ благородного происхождения еще более шаткое, чем у куртизанки Нинон.

— То обстоятельство, что вы, как и она, независимая женщина, вовсе не означает, что вы — женщина свободных нравов, — заявила Филонида.

Анжелика промолчала, а ее собеседница внезапно заявила:

— Вам следовало бы завести любовника. Ну, или хотя бы сделать вид, будто у вас есть любовник, — продолжила Филонида, заметив, что Анжелика собирается возразить. — К примеру, кто тот благовоспитанный и элегантный господин, с которым вы ведете торговые дела и который изыскивает сотни способов, лишь бы заслужить вашу благосклонность?

— Одиже?

Анжелика отрицательно покачала головой. Она не желала видеть Одиже в своей личной жизни и вообще не желала иметь любовника. У нее и без того хватало проблем. Мадемуазель Паражонк считала, что подобное воздержание не соответствует тому положению в обществе, которое занимала новая знакомая, но в глубине души одобряла ее поведение.

Вот так Анжелика начала долгий путь вверх, еще не до конца сознавая, какие трудности и разочарования ожидают ее впереди. Она хотела оказаться в Версале, и однажды она обязательно окажется там! Но приходилось признать, что, сколько бы она ни посещала салоны, где собирались лучшие умы столицы, тесно связанные с ближайшим окружением короля, и какой бы степени учености она ни достигла, это вовсе не означало, что ей открыт путь в Версаль. Многие женщины, вращающиеся в этих кругах и не

представляющие себе жизни вне Парижа, осваивающие уроки любви и философии у Нинон, без сомнения, никогда не смогут попасть в Версаль.

Версаль стремительно превращался в место, о котором грезили все, потому что этот дворец стал предметом страсти короля. Версаль засверкал подобно новой звезде, которую только что открыл знаменитый ученый^[21], и все мечтали хоть когда-нибудь получить туда приглашение. Именно поэтому вздыхала порой мадемуазель де Паражонк, размахивая зажатым в пальцах пером.

— Никогда ни мадемуазель де Ланкло, ни я не получим приглашение туда. А вы получите! — заверила она Анжелику. — И пусть у вас нет ни положения, ни покровителя, который смог бы объяснить вам, как этого добиться, вы непременно туда попадете!

И она горько вздохнула.

— Но что дает право отправиться в Версаль мне, а не вам? — спросила Анжелика.

— БЛАГОРОДНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ! — заявила престарелая мадемуазель тоном, не терпящим возражений.

И Анжелика не осмелилась перечить бывшей жеманнице. Каким образом старая дама догадалась о ее происхождении? По каким признакам поняла, что под личиной госпожи Моренс, под маской шоколадницы скрывается блеск древнего и знатного рода?

Мадемуазель Паражонк не раз удивляла Анжелику своим умением подмечать, казалось, совершенно неуловимые детали.

Благородное происхождение! Оно открывало двери знатнейших домов, а случалось, что перед ним склонялся и сам король. Да, она действительно принадлежала к древнему роду и могла посещать Версаль по праву рождения. Но сказать — это еще не

значит сделать. Анжелика не обольщалась. Ей потребуется преодолеть множество препятствий. Но в одном она не сомневалась: она рождена для того, чтобы войти в королевский дворец через распахнутые перед ней золотые ворота.

Глава 8

Однажды в одном из литературных салонов, где любили рассуждать о чувствах, разгорелась оживленная дискуссия. Обсуждали «Астрею»^[22].

Кто не читал «Астреи»? Ее читали все. Кто украдкой, а кто открыто, средь бела дня с головой погружаясь в перипетии романа, на страницах которого любовь пастуха Селадона и его возлюбленной Астреи расцветала на фоне невероятных приключений, а взаимное волшебное чувство открывало героям новые горизонты мира, доселе казавшегося жестоким и скучным.

Мадемуазель Паражонк заявляла, что «Астрея» — роман, которому недостает глубины, с чем охотно соглашались все ценители изящной словесности. Для того чтобы любить по-настоящему, одного влечения мало, необходимы знания и умение сдерживать свои порывы, чем влюбленные зачастую пренебрегают. «Астрея» же легкомысленно обещает читателям, что каждый из них в один прекрасный день непременно познает все оттенки такого необыкновенного чувства, как великая любовь, но, увы, это лишь самообман.

Эти слова поразили Анжелику в самое сердце. Она покинула компанию и выскользнула на улицу, чтобы вдохнуть глоток свежего воздуха. Одинокая прогулка по Парижу — верное средство прогнать безутешную тоску.

Какая-то женщина последовала за ней. Должно быть, она, как и Анжелика, во времена трудной молодости приобрела привычку бродить по Парижу в полном одиночестве.

Гибкая и нежная рука обняла ее за плечи, и Анжелика узнала свою соседку, самую знаменитую даму

в квартале Маре — куртизанку Нинон де Ланкло.

— Вы познали великую любовь, — произнес чарующий голос, — и вы ее потеряли. Как это случилось?

— Он умер! Он умер, Нинон!

И Анжелика разрыдалась.

— Тогда, по крайней мере, ваш возлюбленный не познал горьких разочарований, которые приходят, когда умирает любовь.

Анжелика рыдала, в первый раз по-настоящему оплакивая Жоффрея. Прохожие равнодушно смотрели на двух женщин, обнимавших друг друга посередине улицы.

Мадемуазель де Паражонк утверждала, поднимая глаза к небесам: в нашем благовоспитанном и литературном квартале уже повидали ВСЕ! Возможно, она назвала его «литературным», потому что здесь разгуливали актеры и поэты, декламируя свои творения.

Салон знаменитой куртизанки никогда не считали пристанищем порока, скорее наоборот, его называли школой, и прежде всего школой хорошего вкуса.

«У нее, — писал шевалье де Мере, — никогда не говорят о религии или о правительстве. Здесь ведут изысканные ученые беседы, звучат откровения былых эпох и последние новости, а также рассказы о любовных приключениях, которые никогда не выходят за рамки приличий. Жизнерадостность, задор, остроумие хозяйки дома позволяют всем гостям получать удовольствие от общения».

Дружба, связавшая мадемуазель де Ланкло и Анжелику де Сансе, оставалась для всех тайной. Сохранилось мало писем, свидетельствующих о ней, а подруги никогда не выставляли напоказ искренние и глубокие чувства, соединившие их с первой встречи. Они обе принадлежали к породе женщин,

привлекавших мужчин особым шармом, в них в равной степени сочетались необыкновенная красота, душевная щедрость и глубокий ум. Иногда такие женщины становятся злейшими врагами, но порой они находят в среде себе подобных лучших подруг, которые так нужны каждой женщине.

Чтобы Анжелика не сомневалась в искренности ее чувств, Нинон сказала ей однажды:

— Дружба — лучшее, на что я способна, Анжелика. Самоотверженность, деликатность и долготерпение, которых недостает любви, дарит дружба. От всего сердца предлагаю вам такую дружбу. Мое сердце будет принадлежать вам всю жизнь.

Зная лучше, чем кто-либо, вкус жизни, напоенной сладострастием, Нинон любила вовлекать в нее по-настоящему чувственных людей. Именно поэтому она не раз уговаривала Анжелику найти себе любовника из числа знатных аристократов. Но Анжелика решительно отказывалась. Материальный достаток она обеспечивала себе сама, за счет успешной коммерческой деятельности, а как средство попасть в высшее общество галантный путь представлялся ей ненадежным. Могущественное тайное общество Святого Причастия^[23] простирало свое влияние даже на ближайшее окружение монарха. «Святоши» заправляли везде. Начав игру, Анжелика рассчитывала, с одной стороны, благодаря безупречной репутации заслужить их поддержку, а с другой — добиться расположения «распутников» веселым нравом и умением оживить любой праздник.

— Так заведите любовника просто ради удовольствия, — советовала Нинон. — И даже не пытайтесь уверять меня, будто не нуждаетесь в любви!

Анжелика отвечала на это, что у нее нет времени даже думать о любви. Она и сама порой удивлялась

безразличию собственного тела. Казалось, что голова, в которой постоянно роились все новые и новые проекты, не способна была вместить более простые желания. Когда вечерами, наигравшись с детьми в прятки, Анжелика, умирая от усталости, падала в постель, у нее оставалось только одно желание: крепко выспаться, чтобы восстановить силы, а на следующий день снова приступить к работе.

Как говорила Анжелика, любовь — это блажь и чаще всего — удел праздных женщин, а ей некогда скучать. Пламенные признания кавалеров, их несмелые ласки или «супружеские сцены» Одиже, иногда заканчивавшиеся поцелуями, от которых тот отрывался с большим трудом, — все это Анжелика воспринимала как игру, полезную или бесполезную — в зависимости от получаемой выгоды.

Выслушав признание подруги, Нинон заявила, что Анжелика больна. Нужно на какое-то время забросить работу и с головой окунуться в удовольствия, которые дарит бездельникам свободная жизнь: прогулки, маскарады, театр, ужины, фривольные игры — и так час за часом.

Как это часто случается с женщинами, которые понимают друг друга с полуслова, но не любят говорить о себе, Нинон и Анжелика нередко беседовали об общих друзьях, в особенности от той, к кому обе были привязаны — о вдове поэта Скаррона, которую они предпочитали называть между собой Франсуазой д'Обинье. Анжелика подружилась с ней, когда жила в Тампле.

— Мы с ней похожи: обе бедные и красивые, — говорила Нинон. — Казалось бы, у нее тоже не было другого выхода, как обратиться к любовным приключениям. Но из-за тяжелых испытаний, выпавших на долю Франсуазы в детстве, она стала пуглива и оттого слишком неумела в любви. И все-таки многие

достойные мужчины не только желают ее, но и готовы бросить к ее ногам целое состояние за одну лишь возможность беседовать с нею в надежде пробудить к себе интерес. Иногда я уступаю им с Вилларсо свою «желтую комнату». Но могу поручиться чем угодно, что между ними никогда не было ничего, кроме долгих непринужденных разговоров, от которых они оба в полном восторге и которые устраивают их больше, чем любовные шалости.

— Нинон, я вас не понимаю, — заметила Анжелика.
— Не вы ли говорили мне, что Вилларсо — ваша великая любовь?

— Да! Это правда! Для меня существует только он. Я готова ради него на все, даже отрезать мои прекрасные волосы.

— Но тогда зачем вы это делаете? Откуда такая смелость, хотя я бы назвала это скорее безрассудством — поощрять одну из ваших подруг завоевывать сердце любимого вами мужчины? Или позволять ему завоевать ее? Вы больше не верите в великую любовь?

— Мой опыт и моя философия в этом случае бессильны. Такие жертвы порой необъяснимы даже для тех, кому их приносят. Но любимого нельзя удерживать силой.

После минутного размышления она прибавила:

— Хотя это зависит от мужчины.

Анжелика расспрашивала Нинон о «страдальцах», которые обивали порог ее дома, не будучи уверенными в том, что однажды наступит вожделенный день и куртизанка снизойдет до них, вознаградив за долготерпение.

— Им это нравится! — утверждала прелестная Нинон.

Ее овейный музыкой дом на улице Турнель, хотя и был скромнее многих роскошных особняков квартала, манил к себе, как маяк.

Наверху хозяйка радушно принимала многочисленных гостей, обожавших рассуждать о любви и об удачных делах. На цокольном этаже располагались кухня и кладовые, куда часто заглядывал старый управляющий Нинон — как говорили, лучше всех в Париже знавший толк в мясе. Он бдительно следил за тем, чтобы в доме не было недостатка в провизии для праздников, проходивших здесь едва ли не каждый день. На втором этаже было несколько гостиных со столами, сервированными для дневных приемов. Здесь же находилась и спальня хозяйки. В глубине дома, в самом укромном уголке, у выхода в сад была спрятана знаменитая «желтая комната», которую Нинон предоставляла в распоряжение друзей, чтобы те могли без лишних забот переночевать или отдохнуть в компании возлюбленного.

Она предложила эту комнату Анжелике, сказав, что делает это «от всей души и с самыми честными намерениями».

— Я знаю, насколько вы добродетельны. Приходите сюда, когда вам захочется позабыть о своих делах и заботах. Или о тех, кто мечтает, чтобы вы принадлежали им телом и душой... А таких много!

Порой Анжелика пользовалась гостеприимством «желтой комнаты», не думая о сплетнях, которые могло бы вызвать ее ночное отсутствие. Вечер, наполненный музыкой, завораживающими мелодиями лютни, на которой прекрасно играла сама Нинон, вечер беззаботной болтовни и ночь отдыха — без сновидений, под кровом Дружбы.

Анжелика знала, что Нинон, тонкая ценительница Красоты, заходит полюбоваться, как она спит.

У Нинон Анжелика встречала весь Париж и многих придворных, включая принца Конде. Но никто не узнавал ее.

День ото дня положение разбогатевшей торговки все сильнее тяготило Анжелику. Однажды, услышав из уст Нинон фамилию «Сансе», госпожа Моренс живо откликнулась:

— Подумать только, вы знаете кого-то из моей семьи?

— Из вашей семьи? — удивилась куртизанка.

Анжелика с грехом пополам вывернулась:

— Мне послышалось «Рансе». Это мои дальние родственники... А о ком вы говорили?

— Об одной подруге, которая должна вот-вот подойти. Это довольно язвительная особа, поэтому многие ее недолюбливают, но мне иногда нравится послушать мадам Фалло де Сансе.

— Фалло де Сансе? — эхом повторила Анжелика, отшатнувшись.

Ее глаза расширились.

— И она сейчас придет... сюда?

— Да. Я согласна, что ее остроумие злое, но оно настоящее. Нам нужны такие языки, источающие уксус, чтобы привносить в разговор остроту. От постоянного добродушия и мягкости беседа становится пресной.

— Признаюсь, я готова довольствоваться пресными блюдами.

— Кажется, вы ненавидите мадам Фалло де Сансе?

— Это мягко говоря.

— Она будет здесь через минуту.

— Пусть только появится, и я шкуру с нее живьем спущу!

— Нет, моя милая... только не в моем доме.

— Нинон, вы не знаете... вы не можете понять...

— Дорогая, если бы все мои гости решили сводить здесь счеты друг с другом, я была бы свидетельницей трех-четырёх насильственных смертей в день... Будьте же благоразумны! Неужели эта встреча настолько вам неприятна?

— Еще как, — бледнея, призналась Анжелика. — Я лучше уйду.

— Но почему бы вам не остаться? Можно подчинить своему разуму любую страсть, моя дорогая, даже если это праведный гнев. Оправдать нельзя только глупость, а злость как раз одно из ее проявлений. Хотите совет? Держитесь подальше от своего гнева, как от раскаленной печи. Если вы обожжетесь, это принесет вам больше вреда, чем пользы. Присядьте, успокойтесь, соберитесь с мужеством и постарайтесь поменьше смотреть на предмет вашей ненависти.

— Это трудно, ведь я буду говорить с родной сестрой.

— Так она ваша сестра?

— Ах, Нинон, я уже не понимаю, что говорю, — прошептала Анжелика. — Это испытание выше моих сил.

— Анжелика, нет испытания, которое бы вы не сумели выдержать с честью, — смеясь, возразила Нинон. — Чем больше я вас узнаю, тем больше убеждаюсь, что вы способны вынести все... даже это. Смотрите, вот и мадам Фалло. Укройтесь здесь, в углу, пока вновь не обретете присущее вам хладнокровие.

Она поспешила навстречу вошедшим гостям.

Анжелика присела на обитый бархатом диванчик. Словно во сне, она узнавала резкий голос сестры, которая обменивалась приветствиями с присутствующими. Именно этот голос кричал ей когда-то: «Убирайся вон! Убирайся вон!»

Анжелика постаралась успокоиться, как ее учила Нинон, и заставить себя забыть этот крик.

Через мгновение она уже нашла в себе силы поднять голову и оглядеть гостиную. Посреди комнаты стояла Ортанс, в великолепном пурпурном платье из тафты. С момента их последней встречи сестра еще больше похудела, если только такое вообще было

возможно. Зато теперь Ортанс была умело покрашена и красиво причесана. В ответ на ее резкий голос, должно быть отпускаявший остроты, то и дело слышались взрывы смеха. Она выглядела женщиной, живущей в достатке.

Нинон взяла свою гостью за руку и подвела к тому месту, где укрылась Анжелика.

— Дорогая Ортанс, вы давно мечтали познакомиться с госпожой Моренс. Я приготовила вам сюрприз. Вот она.

Анжелика уже не могла сбежать. Она увидела прямо перед собой лицо Ортанс, на котором застыла гримаса приторной доброжелательности. И в этот момент Анжелика ощутила небывалое спокойствие.

— Здравствуй, Ортанс, — сказала она.

Нинон несколько секунд наблюдала за обеими, а потом исчезла.

Мадам Фалло де Сансе подскочила на месте. Ее глаза расширились от неожиданности, а лицо под слоем пудры пожелтело.

— Анжелика! — пробормотала она.

— Да, это я. Присядь же, дорогая Ортанс... Что ты так удивилась? Рассчитывала, что я умерла?

— Да! — со злобой выкрикнула пришедшая в себя Ортанс.

Она, как оружие, сжала в кулаке свой веер. Ее брови сошлись на переносице, рот искривился. Теперь Ортанс выглядела такой, какой ее помнила Анжелика.

«Какая же она некрасивая! Просто уродина!» — подумала Анжелика и почувствовала забытую детскую радость.

— И позволь заверить тебя, — едко продолжала Ортанс, — по мнению всей семьи, умереть — это лучшее, что ты могла сделать.

— Я не разделяю мнения нашей семьи по этому поводу.

— Очень жаль. Но что теперь о нас подумают в обществе? Только-только улеглись страсти после того ужасного процесса. Мы наконец-то сумели заставить всех забыть, что ты из нашей семьи, а ты опять появляешься, чтобы нам вредить!

— Этого ты можешь не бояться, Ортанс, — грустно промолвила Анжелика. — Графиня де Пейрак больше никогда не появится. Теперь меня знают под именем госпожи Моренс.

Но это не успокоило жену прокурора.

— Стало быть, ты и есть госпожа Моренс? Эксцентричная особа, ведущая скандальный образ жизни, женщина, занимающаяся торговлей, словно мужчина или вдова булочника. Всю жизнь ты только и делаешь, что стараешься выделиться — к нашему бесконечному стыду! Подумать только, в Париже есть всего одна женщина, торгующая шоколадом, и надо же такому случиться, чтобы ею оказалась моя родная сестра!..

Анжелика пожала плечами. Сетования Ортанс ее нисколько не тронули.

— Ортанс, — резко спросила Анжелика, — расскажи, как поживают мои дети?

Мадам Фалло неожиданно запнулась и растерянно посмотрела на сестру.

— Да, мои дети, — повторила Анжелика, — два моих сына, которых я оставила на твое попечение, когда меня отовсюду гнали.

Она увидела, как Ортанс вновь собралась с духом и приготовилась к борьбе.

— Самое время поинтересоваться, как там дети! Тебе нужно было повстречать меня, чтобы вспомнить о них, — усмехнулась мадам Фалло. — Ничего не скажешь, вот оно — сердце любящей матери...

— У меня была тяжелая жизнь...

— Прежде чем закупать себе наряды вроде тех, что ты сейчас на себя напялила, могла бы, как мне кажется, поинтересоваться судьбой детей.

— Я знала, что у тебя они в безопасности. Расскажи мне о них. Как они поживают?

— Я... я уже давно их не видела, — с усилием выдавила из себя Ортанс.

— Они не у тебя? Ты отдала их кормилице?

— А что мне еще оставалось делать? — в новом приступе гнева воскликнула Фалло. — Как я могла оставить их дома, если у меня не было денег на приходящую кормилицу даже для собственных детей?

— А сейчас? Они ведь уже подросли. Что с ними?

Ортанс затравленно огляделась по сторонам. Внезапно черты ее лица исказились, уголки рта жалобно поползли вниз. Анжелика увидела, что сестра вот-вот разрыдается, — и очень удивилась, потому что никогда прежде не замечала за ней такой чувствительности.

— Анжелика, — начала Ортанс срывающимся голосом, — я не знаю, как тебе сказать... Твои дети... Это ужасно... Твоих детей похитила... цыганка!

Губы ее задрожали, она отвернулась. Последовало долгое молчание.

— Как ты узнала об этом? — наконец спросила Анжелика.

— От кормилицы... когда я отправилась в Нёйи. Было уже поздно звать стражу... Прошло шесть месяцев с тех пор, как детей украли.

— Получается, ты больше полугода не навещала кормилицу, а может, и не платила ей?

— Платить?.. А чем? Самим еле хватало на жизнь. После скандального процесса над твоим мужем Гастон растерял почти всю клиентуру; нам пришлось переехать. В довершение всех бед накануне переезда в дом влезли грабители — увы, такое слишком часто

случается в этом чертовом Париже. Я потеряла все фамильные ценности, украли даже портрет нашей матери; грабители аккуратно сложили все, что им приглянулось, в тюки и утащили, пока я на целый день ушла к кормилице. И все это случилось в тот год, когда муж должен был выкупить королевскую должность. Я пошла в Нёйи при первой же возможности. Кормилица рассказала ужасную историю... По ее словам, однажды какая-то оборванная цыганка вошла к ней во двор и потребовала отдать обоих детей, говорила, что она — их мать. А когда кормилица попыталась позвать на помощь соседей, нищенка огромным ножом ударила ее... Мне пришлось еще и оплатить счета аптекаря, лечившего кормилицу...

Ортанс всхлипнула и стала шарить в своей поясной сумочке в поисках носового платка. Анжелика замерла от изумления. Слезы, от которых у Ортанс покраснели глаза, удивили ее даже больше, чем известие о том, что сестра приходила к кормилице.

Наконец жена прокурора обратила внимание на необычное поведение Анжелики:

— Мой рассказ не произвел на тебя никакого впечатления? — прошипела она. — Я говорю, что твои дети пропали, а ты сидишь безразличная, как бревно? Ах! Как мы с Гастоном были глупы, когда столько лет сокрушались, вспоминая о бедном маленьком Флоримоне, который бродит по дорогам... с цыганами!

Тут ее голос сорвался.

— Ортанс, успокойся, — растерянная Анжелика попыталась успокоить сестру. — С моими мальчиками не случилось ничего дурного. Та... та женщина, которая пришла за ними... это была я.

— Ты?!

Анжелика увидела, как в испуганных глазах Ортанс отражается женщина в отрепьях, вооруженная острым ножом.

— Кормилица преувеличила: вовсе я не была в отрепьях, и ножом я ей только угрожала. Конечно, увидев, в каком ужасном состоянии дети, я возмутилась, наверное, дажехватила через край. Но если бы я их там оставила, ты бы все равно их не нашла, потому что они бы, скорее всего, умерли. В другой раз постарайся получше выбирать кормилицу...

— Еще бы! Когда имеешь дело с тобой, всегда надо иметь в виду, что неизбежен ДРУГОЙ РАЗ, — съязвила Ортанс. — Твои наглость и беззаботность поразительны, ты просто... Прощай.

И мадам Фалло бросилась к выходу. Она была настолько вне себя от ярости, что, вскакивая с места, даже опрокинула свой табурет.

Оставшись одна, Анжелика еще долго сидела неподвижно, прижав руки к груди, и думала. Она думала о том, что люди не всегда так плохи, как кажутся.

Ортанс, в страхе за себя и свою семью беспощадно выбросившая на улицу родную сестру, все-таки испытывала угрызения совести, думая о маленьком Флоримоне, который растет как цыган.

Беспечный южанин Андижос, казалось, годный только на то, чтобы проигрывать в карты да элегантно поправлять свои манжеты, смог поднять восстание против короля и целых четыре года вести за собой мятежную провинцию.

Анжелика решила завтра же отправить Флоримона и Кантора к Фалло де Сансе с подарками для кузенов и для тетки.

— Вы здесь? — спросила Нинон, приподнимая полог.
— Я видела, как ушла мадам Фалло — в добром здравии, хотя и в мрачном расположении духа. Стало быть, вы передумали сдирать с нее кожу?

— После некоторого размышления, — ележно протянула Анжелика, — я решила, что худшее, что с ней можно сделать, это оставить ее такой, какая она есть.

Анжелика по-прежнему оставалась задумчивой.

— Мне пришлось обмануть ее, Нинон. Потому как, чем более несчастной и жалкой я бы выглядела, тем сильнее она бы меня возненавидела.

— Умение искренне сострадать — редкое качество, — ответила Нинон. — Несчастья других нам докучают, мы боимся, как бы они не передались нам, как болезнь.

— Но ведь вы не такая?

— Я просто не умею быть такой, и счастлива этим. Доброта приносит больше радости, чем злоба.

Анжелике показалось, что в откровениях Ортанс присутствовало нечто совершенно новое.

По тому, как она выглядела, складывалось впечатление, что, несмотря на жалобы на пережитые несчастья, Ортанс преуспела в жизни. Может быть, снятие семейного проклятия повлияло и на нее, теперь она стала более удачливой?

Анжелика припомнила и сетования Ортанс на пропажу портрета матери во время ограбления дома прокурора. Теперь многое представало в ином свете.

Анжелика не могла усидеть на месте и отправилась побродить вдоль набережной Великих Августинцев и мимо моста Святого Михаила, один вид которых воскрешал в памяти образ колдуна из Дворца правосудия, мэтра Людовика.

Теперь она поняла, каким образом в руки мэтра Людовика с такой головокружительной скоростью попал портрет матери, который колдун использовал для своих предсказаний.

Лавочка «королевского книготорговца» находилась в галерее заключенных за Консьержери, в самом сердце Дворца правосудия — этого острова, куда стекался нескончаемый поток сведений о преступлениях,

совершенных в столице. В святилище мэтра Людовика, где рог единорога соседствовал с останками какого-то древнего чудовища, не стеснялись заходить за советом сам канцлер Сегье и другие важные судейские. Видимо, мэтр Людовик знал обо всех парижских тайниках с краденым и был на короткой ноге с ворами-домушниками. Тогда, разумеется, ему не составило большого труда отыскать ту или иную ворованную вещь.

Анжелика не любила вспоминать о своей встрече с колдуном, так как все еще была на него сердита. Разве не он, задумчиво листая страницы потрепанного требника, заставил ее поверить, что отныне ее жизнь пойдет на лад? Но стоило ей забыться в объятиях Грязного Поэта, который своей любовью, легкой и ничего не требующей взамен, дарил молодой женщине целительный покой, как произошла страшная трагедия. Трактир «Красная маска» сгорел дотла, Лино и мэтр Буржую были убиты с невероятной жестокостью. Она потеряла все, что было нажито за годы тяжелого труда, она потеряла даже само желание жить.

На противоположной стороне моста Святого Михаила гордо высились башни Дворца правосудия и летела в небо стрела Сен-Шапель; казалось, они властвуют над особым миром, отделенным невидимой границей даже внутри острова Сите.

Как обычно, на мосту между высокими домами с островерхими крышами были выставлены картины и самые разные диковины, но Анжелика вдруг поняла, что даже если бы сильно захотела, то не смогла бы перейти этот мост. Станный мир на острове Сите больше не привлекал ее. Она знала, что ей уготован иной путь.

И пока Анжелика, замерев, глядела на людскую сутолоку, кто-то прикоснулся к ее плечу и неожиданно протянул ей сверток, по форме которого угадывалось, что в него завернута пара туфель.

— Вот то чудо, что вы заказали в лавке «Золотой каблук», — услышала она.

Перед ней стоял молоденький подмастерье с хитрым взглядом.

Он немного развернул сверток, и перед глазами Анжелики, как на витрине ювелирной лавки, сверкнула пряжка. Такие роскошные туфли не мог прислать мастер, к которому Анжелика обычно обращалась.

— Я ничего у вас не заказывала, — возразила Анжелика, отстраняя сверток.

Назойливость лавочников с галереи галантерейщиц была притчей во языцех. С завидной изворотливостью они шли на любые уловки, лишь бы заполучить нового клиента.

— Помните, я снял у вас мерки, пока вы дремали на ступенях лестницы Дворца правосудия? — не отступал подмастерье. — Мой хозяин сказал, что не может противиться желанию создать шедевр, достойный таких прелестных ножек. Взгляните! Тут не побрякушки с площади Тампля! Берите же! Когда-нибудь, протанцевав в них на балу в королевском дворце, вы вернетесь к нам, чтобы заказать еще одну пару туфелек, тогда заплатите и за эту.

— Да, вот еще кое-что для вас, — добавил юноша, протягивая Анжелике клочок бумаги. Молодая женщина сразу догадалась, что перед ней письмо от мэтра Людовика — только у него был этот особенный почерк с завитушками вокруг прописных букв.

Послание оказалось лаконичным. Она прочла:

«Иди своей дорогой. Ни о чем не жалея».

Когда она подняла глаза, подмастерье уже исчез в суетливой толпе на мосту Святого Михаила.

*На ступенях Дворца
Сидит прекрасная дева
Лон-ла,*

Сидит прекрасная дева!..

Песенка, которую певец из Дворца правосудия сочинил в тот далекий день, стала популярной на Новом мосту. Ее охотно пели, несмотря на грустный мотив, который заставлял утирать слезы мамашу Тру-ля-ля. Где-то сейчас папаша и мамаша Тру-ля-ля?

*А рядом малыш-сапожник,
Ему улыбнулась удача,
Лон-ла,
Ему улыбнулась удача...*

*Красавица, если хочешь,
Мы будем спать вместе,
Лон-ла...
Мы будем спать вместе!*

Анжелика возвращалась домой, в Маре. Ее сердце успокоилось, и теперь, больше, чем когда-либо, она была полна решимости и не сомневалась в своих еще не совсем ясных, но дерзких планах.

Послание нашло ее вовремя, именно в такой поддержке Анжелика сейчас нуждалась.

К черту колебания и необоснованные страхи! Как там написано? «Иди своей дорогой и ни о чем не жале!»

Молодая женщина поразились, до какой степени изящные туфельки из пластин перламутра, украшенные крошечными алмазами и сапфирами, пришлись ей впору, как они удобны. Должно быть, хозяин «Золотого каблука» навел справки о состоянии госпожи Моренс, прежде чем вручить ей свой шедевр. Такие люди очень расчетливы. Но он прав: эти туфельки как нельзя лучше подходят для того, чтобы танцевать в королевском дворце.

Глава 9

Анжелика регулярно посещала салоны, где бывали придворные и завсегда таи Лувра, но так ни разу и не встретила того странного человека, который испугал ее когда-то в Сен-Жан-де-Люзе, а потом — в «Красной маске».

Она по-прежнему считала его воплощением Зла или, скорее, Несчастья и не раз вспоминала короткий приказ, который отдала Флипо: «Видишь мужчину — вон там?.. Иди за ним... убей его!»

Думая об этом, она подсознательно жалела, что Флипо не удалось исполнить приказ. Только тогда Анжелика смогла бы забыть, что, когда она купалась в лучах счастья, ей нанес удар некто злобный, как сам Сатана. Именно он коварно и жестоко открыл в ее жизнь, в их жизнь, дорогу ветрам несчастий и разрушений, ветрам, развеявшим, как дым, их счастье и любовь. Если верить тому, что ей довелось услышать, этот странный человек был обласкан сильными мира сего и занимался оккультными науками в самом Лувре в компании отца племянниц кардинала. Оккультизм был для него вовсе не шуткой или забавой, призванной развлечь высокородных особ, как это случалось при дворах Европы. Нет, с помощью тайных знаний он стремился обрести власть, используя науку, вкус к которой привили королевскому двору Франции итальянские королевы Екатерина и Мария Медичи.

Примеры такого влияния хорошо известны. Около пятидесяти лет тому назад много судачили о некоей Леоноре Галигаи^[24], молочной сестре королевы Марии Медичи. В ту эпоху королева стала регентшей при девятилетнем сыне Людовике XIII и осыпала благодеяниями своих фаворитов Кончини, которые

умело ею манипулировали, по слухам, не без помощи оккультизма.

Юный Людовик XIII, как только обрел власть, немедленно приказал арестовать Кончини, которого люто ненавидел.

Арест происходил в извилистом узеньком проулке и потому быстро перерос в драку, во время которой защищавшийся Кончини встретил свою смерть. Лишенная поддержки супруга, Леонора Галигаи впала в немилость. Мария Медичи ничего не смогла для нее сделать. Леонору обвинили в колдовстве и приговорили к сожжению на костре, невзирая на то, что она была женой маршала и носила титул маркизы д'Анкр.

Колдунов сжигают.

Но Анжелика вовсе не стремилась попасть в мир дворцовых интриг.

Она грезилась о королевском дворе, с которым познакомилась во время свадьбы государя. Она вспоминала о хмельной атмосфере дней, прожитых в Сен-Жан-де-Люзе. В особенности о вечерах, когда она принимала участие в карточных играх королевы-матери.

Анжелике всегда везло в игре. Порой она даже намеренно проигрывала, чтобы ее не обвинили в плутовстве. Графиня де Пейрак отлично понимала, с каким изумлением и завистью смотрели на нее придворные. Как только она появилась среди приближенных монарха, совершенно не зная королевского двора, этого сложного мира избранных, они сразу же поняли, что Анжелику сама природа наделила всем необходимым, чтобы воцариться среди них: красотой, отвагой, дерзостью, умением искренне веселиться. Она любила игру и комедию, будь то театральная постановка или сама жизнь, обожала танцы, которые делали ее легкой, невесомой, наполняли радостью, и именно поэтому она без труда

смогла бы играть первые роли в балетах короля. А следует заметить, что король слыл знатоком балетов. Она также доказала, что отлично разбирается в придворных ритуалах, по своей сложности напоминающих религиозные обряды. Здесь тоже имелись свои мастера. В те дни долго обсуждали ее изящный реверанс перед королем, ее золотое платье и то, с каким искусством она поднялась, будто бы следуя одному лишь зову его взгляда.

Она попадет в Версаль и вновь засияет яркой звездой на придворном небосклоне, а ее униженные сыновья обретут то место, что было уготовано им по праву рождения.

1666

Первые дни года принесли новые слезы.

Простой народ разделял горе принцев.

Королева-мать умирала.

Все французы, вплоть до простых горожан, почитали Анну Австрийскую.

Она обладала поразительным умением тактично, но вместе с тем уверенно управлять самым блистательным двором Европы, прославившим Францию. Она отличалась врожденным даром понимать людей, умела подобрать для каждого нужные слова, найти единственно правильный жест. Даже во времена Фронды королева-мать всегда держалась очень мужественно и дипломатично.

И вот она умирала от опухоли в груди.

С тех давних времен, когда арабской медицине удалось точно описать некоторые симптомы такого рода болезней, хирурги называли подобные злокачественные опухоли, разъедающие тело, cancer. В переводе с латыни — рак.

Анжелика тоже жалела несчастную королеву, изящную женщину, которая славилась красотой кожи, рук и груди. Сейчас королева терпела адские мучения от рук бездарных врачей, чьи неловкие скальпели вонзались в опухоль. Их вмешательство привело лишь к тому, что началось нагноение, «жизненные соки» разлились под мышкой и на боку.

Анжелика вдруг вспомнила Мелюзину, которая владела тайной наукой врачевания и, по ее словам, могла заставить отступить смерть. Вспомнила она и то, как совсем малышкой помогала старухе, удивлялась ее таинственной силе. Размышляя о тех далеких днях, Анжелика сожалела не только об ушедшем детстве, но и о том, что тайны, хранительницей которых была Мелюзина, безвозвратно утеряны. Она никому не смогла передать свои сокровенные знания.

Если колдунов не сжигают, то их вешают.

Мелюзину повесили.

Перед мысленным взором промелькнуло еще одно воспоминание: беспокойство в глазах Жоффрея, обнаружившего у своей юной жены талант знахарки.

В тот день он поцеловал ее ладонь и сказал: «Я не позволю вас сжечь, маленькая колдунья».

Сожгли его.

Заканчивалось строительство храма, первый камень которого еще ребенком заложил Людовик XIV. Его купол вызывал неизменное восхищение.

Королева-мать приобрела привычку посещать эту церковь два раза в неделю. Особенно она любила бывать там по пятницам и разделять трапезу с монахинями-бенедиктинками, которым давно покровительствовала.

Анна Австрийская хотела встретить смерть именно в этой обители, в скромной келье, окруженная благодатью королевского аббатства. Но этикет требовал, чтобы она умирала в Лувре.

В первые дни января королеву Анну, изнемогающую от страданий, перевезли во дворец. Ее раны покрывал компресс с болиголовом в известковой воде.

Двадцатого числа того же месяца Анна Австрийская закончила свой бранный путь.

Накануне она позвала к себе старшего сына и долго беседовала с ним с глазу на глаз. Всем было известно об этом разговоре; люди всегда знают главное.

Это был торжественный момент высшей откровенности, раскрытия семейных тайн, разоблачение которых дамокловым мечом нависло отныне над новым их хранителем. Но он сумеет их сохранить.

Тайны минувших эпох и недавние преступления: скрытые от всех внебрачные дети, постыдные поступки... Если завеса над этими тайнами приоткроется, грядет неминуемая катастрофа. Это угрожает не только внести разлад в королевскую семью, но и поставить под сомнение авторитет короля и даже представления о божественном происхождении монаршей власти, пошатнув тем самым устойчивость трона. Поговаривали, что семейные тайны династии Капетингов были ужасны.

Народ чувствовал сострадание к государю, который должен был хранить в своем сердце до самой смерти эти страшные разоблачения. Он сострадал человеку, уже столкнувшемуся с изменой, предательством, непреодолимыми трудностями. С какими еще мерзостями, услышанными от матери в последнем сокровенном разговоре, придется смириться молодому королю?

Из комнаты умирающей Людовик XIV вышел, шатаясь. Что лишило его сил — страх или печаль? Чтобы прийти в себя, король смочил прохладной водой виски и затылок.

И вот второй сын слабеющей королевы, которому не пришлось взваливать на свои плечи бремя предсмертных признаний, занял место у изголовья любимой матери. Стоя на коленях, он оставался рядом с ней до последнего вздоха; разговаривали они по-испански.

После кончины матери король на три дня скрылся в Версаль. Он бродил по липовым аллеям, вдоль баскетов из вечнозеленых самшитовых кустов, подстриженных в форме шаров, среди мраморных скульптур богинь и богов. Версаль пролил целительный бальзам на душевные раны короля. Здесь Людовик XIV мог не скрывать слез и с нежностью вспоминать о величии той, которая воспитала из него государя. Ему казалось, что он чувствует ее присутствие, видит ее черные наряды, оттененные ослепительной белизной кружев, видит длинные жемчужные бусы, спускающиеся почти до колен, прекрасный алмазный крест и восхитительные маленькие руки. А потом он еще долго сидел в апартаментах матушки, которые были украшены по ее вкусу огромными, как кусты, букетами жасмина и филигранными китайскими безделушками из золота и серебра.

Глава 10

Погруженная в свои мысли, Анжелика свернула с набережной и оказалась на улице Ботрейи^[25]. Царившая здесь суэта вернула ее к действительности. Она уже успела пожалеть, что отпустила карету. Пешая прогулка среди разносчиков воды и служанок, спешащих за покупками, не соответствовала ее нынешнему положению. Анжелика давно отказалась от короткой юбки простолюдинки и теперь с сожалением взглянула на оборки своих тяжелых юбок, испачканные дорожной грязью.

Внезапно толпа прижала ее к стене какого-то дома. Анжелика громко возмутилась, но тот самый толстяк, который едва не раздавил хрупкую даму, обернулся к ней и попросил:

— Спокойно, красotka! Это сам принц выезжает.

Действительно, ворота распахнулись, и показалась карета, запряженная шестеркой лошадей. У Анжелики было достаточно времени, чтобы разглядеть в окошке суровый профиль принца Конде. Несколько человек закричали:

— Да здравствует принц!

Без тени улыбки вельможа взмахнул кружевной манжетой. Для простого люда он навсегда остался победителем при Рокруа. К несчастью, Пиренейский мир вынудил принца уйти в отставку, что было ему совсем не по нраву.

Когда Конде проехал, движение возобновилось. Анжелика подошла к особняку, только что покинутому принцем. Она заглянула внутрь двора. С некоторых пор чудесные апартаменты на Королевской площади ей разонравились. Она мечтала стать обладательницей подобного особняка с роскошными воротами,

подъездом для карет, конюшнями, кухнями и помещениями для прислуги. Ей хотелось, чтобы позади дома был сад, украшенный апельсиновыми деревьями и цветником.

Дом, который Анжелика увидела за воротами, казалось, был построен не так давно. Строгий фасад с очень высокими окнами, неокрашенные светлые стены, балконы кованого железа, четкий рисунок черепичной крыши с закругленными чердачными окнами — все это отвечало моде последних лет.

Ворота медленно закрывались. Сама не понимая почему, Анжелика не торопилась уходить. Ей бросилось в глаза, что лепной гербовый щит над воротами разбит. При этом не ветхость или непогода разрушили родовой знак владельца: герб был уничтожен намеренно, зубилом каменотеса.

— Чей это особняк? — спросила Анжелика у стоявшей рядом цветочницы.

— Ну... монсеньора принца, — с важным видом сообщила торговка.

— А почему монсеньор принц велел сбить гербовый щит над воротами? Это портит вид, ведь остальные скульптуры очень красивые!

— Ох! Это целая история, — словоохотливая женщина помрачнела. — Герб принадлежал тому, кто построил этот особняк. Проклятому дворянину. Он занимался колдовством и вызывал дьявола. Его сожгли на костре.

Анжелика застыла на месте. Она почувствовала, как кровь медленно отливает от ее лица. Так вот почему ей показалось, что она уже видела эти ворота из светлого дуба, освещенные солнцем...

Именно сюда она приехала сразу после прибытия в Париж, именно на этих воротах она видела печати, наложенные королевским правосудием...

— Говорят, что тот человек был очень богат, — продолжала женщина. — Король раздал его имущество. Монсеньор принц получил большую часть, в том числе и этот особняк. Но прежде чем войти в проклятый дом, он приказал сколоть герб колдуна и окропить все святой водой. Еще бы... он хотел спать спокойно!

Анжелика поблагодарила цветочницу и побрела прочь.

Идя по улицам предместья Сент-Антуан, она уже придумывала, какой бы изобрести предлог, чтобы быть представленной принцу Конде.

Часть третья
Партия в хоку

Глава 11

На следующий день после посещения Гревской площади Анжелика упростила мадемуазель де Паражонк отправиться вместе с ней в сады дворца Тюильри, ставшие в Париже излюбленным местом прогулок знати.

Мадемуазель де Паражонк знала всех и каждого. Она то и дело называла имена встречных своей приятельнице, которая старалась запоминать новые, незнакомые ей лица придворных. Старая дева не только расширяла кругозор, но и самым выгодным образом оттеняла красоту Анжелики, хотя та пользовалась этим преимуществом неосознанно. Бедная Филонида, с толстым слоем свинцовых белил на лице и глазами, обведенными черной сурьмой, была похожа на старую сову, но простодушно считала себя столь же неотразимой, как и в ту пору, когда по ней вздыхали бесчисленные кавалеры. Во время прогулки пожилая мадемуазель неустанно наставляла Анжелику, как следует себя держать на променаде в Тюильри, и при этом жестикулировала столь бурно, что вызывала смех у наиболее дерзких из числа фланирующих молодых господ. Впрочем, она видела в этом смехе не более чем дань уважения, рожденную ее шармом.

— В Тюильри, — поучала она, — надлежит беззаботно прогуливаться по главной аллее. Прерывать беседу не годится, но стоит иногда недоговаривать, чтобы казаться немного мечтательной... Смеяться позволительно без причины, просто чтобы выглядеть жизнерадостной. Следите за осанкой, расправьте плечи — пусть будет видна грудь. Старайтесь широко распахивать глаза — так они кажутся больше, можно покусывать губы, чтобы они алели...

Многозначительный кивок одному господину, взмах веером в сторону другого... И вообще, дорогая, будьте чуть помягче! Шутите, жестикулируйте, кокетничайте, а главное — все с самым томным видом...

Ее уроки были очень полезны, и Анжелика применяла их, хотя не слишком рьяно, зато с большим успехом, чем ее спутница.

По выражению мадемуазель де Паражонк, Тюильри был «ристалищем высшего света», а Кур-ля-Рен — «царством кокетливых взглядов». В Тюильри приходили, ожидая часа утреннего катания по Кур-ля-Рен, и сюда же возвращались под вечер, чередуя прогулку в карете с прогулкой пешком. Рожи Тюильри были излюбленным местом поэтов и влюбленных. Аббаты готовили здесь свои проповеди, адвокаты — речи для судебных заседаний. В Тюильри назначали встречи все знатные особы. Иногда здесь можно было увидеть короля или королеву, а нередко — монсеньора дофина с гувернанткой.

В тот день Анжелика привела мадемуазель де Паражонк к Большому цветнику, у которого обычно прогуливались самые знатные вельможи. Почти каждый вечер тут бывал и принц Конде.

Не застав принца в его излюбленном месте, Анжелика была настолько разочарована, что в досаде топнула ногой.

— Позвольте полюбопытствовать, почему вы так стремитесь увидеть Его Высочество? — поразилась Филонида.

— Мне совершенно необходимо с ним встретиться.

— Вы хотите передать ему какое-то прошение?.. Не плачьте, дорогая, вот он, собственной персоной.

Действительно, только что появившийся принц Конде шел вдоль главной аллеи в окружении дворян своего дома.

Только сейчас Анжелика поняла, что не представляет себе, как завязать разговор с принцем.

Ведь не могла же она ни с того ни с сего заявить: «Монсеньор, верните-ка мне особняк на улице Ботрейи. Он мой, вы несправедливым путем получили его из рук короля».

Или сказать: «Монсеньор, я — жена графа де Пейрака, особняк которого передали вам, а вы уничтожили там герб владельца и приказали вытравить память о нем».

Приведший ее в Тюильри порыв увидеть принца Конде показался Анжелике глупым ребячеством. Она была всего лишь разбогатевшей шоколадницей. Никто из знакомых не мог представить ее столь знатному вельможе, но даже случись такое, что говорить принцу? Разозлившись, Анжелика мысленно ругала себя на чем свет стоит: «Дура! Если ты будешь по-прежнему вести себя так импульсивно и необдуманно, все твои планы пойдут прахом. Ты хоть подумала о судьбе сыновей?»

— Пойдемте, — обратилась она к старой деде.

Анжелика резко повернулась и устремилась прочь от проходивших мимо блистательных придворных, увлеченных беззаботной светской беседой.

Несмотря на ясную безветренную погоду, настроение у Анжелики за всю прогулку так и не улучшилось. Филонида предложила было отправиться на вечерний выезд, но Анжелика отказалась, потому что ее карета была слишком уродливой.

И тут к приятельницам подошел какой-то франт.

— Мадам, — обратился он к Анжелике, — увидев вас, мы со спутником поспорили. Один из нас считает, что вы супруга какого-то судебного чиновника, другой — что вы не замужем и являетесь знаменитой жеманницей. Рассудите наш спор.

В любое другое время подобный вопрос развеселил бы молодую женщину. Но в ту минуту она была зла на

весь мир и люто ненавидела всех этих расфранченных, как куклы, кавалеров, выставяющих напоказ свой длинный узкий ноготь на мизинце.

— Почему бы вам не побиться об заклад, что вы — набитый дурак, — съязвила она. — Наверняка не проиграете.

И отвернулась от весьма сконфуженного молодого человека.

Филонида де Паражонк была шокирована.

— Ваша реплика не лишена остроумия, но от нее разит базарной торговкой. Вы никогда не будете иметь успеха в салонах, если...

— Ах! Филонида! — воскликнула Анжелика, внезапно остановившись. — Взгляните... кто это?

— О ком вы?

— Там, — прошептала Анжелика.

В нескольких шагах от них, в изумрудном обрамлении рощи, стоял, небрежно облокотившись на цоколь мраморной статуи, высокий молодой человек. Он отличался удивительной красотой, которую выгодно оттенял изысканный костюм из светло-зеленого бархата, отделанный затейливым золотым шитьем, изображающим птиц и цветы. Костюм молодого вельможи смотрелся несколько экстравагантно, но великолепно, как облачение самой весны. Широкополая белая шляпа с зеленым плюмажем была надета поверх роскошного светлого парика. На слегка припудренном бледно-розовом лице, обрамленном длинными локонами, тонкая полоска светлых усов выглядела нарисованной. Его огромные глаза удивительно прозрачного голубого цвета отливали зеленью в тени молодой листвы.

Это лицо было совершенно бесстрастным. Молодой человек, не мигая, смотрел куда-то вдаль. Грезил ли он о чем-то? Просто размышлял?.. Огромные голубые глаза

казались пустыми, как глаза слепца. Взгляд холодный и застывший, словно у змеи.

Казалось, незнакомец не замечает вызванного им интереса.

— Кто бы мог подумать! Анжелика, — ехидно заметила мадемуазель де Паражонк, — право слово, вы потеряли рассудок! Разглядывать мужчину подобным образом возмутительно, такое могут себе позволить лишь простолюдинки.

— Как... как его зовут?

— Да что с вами?! Это маркиз дю Плесси-Бельер. Чем он вас так поразил? Скорее всего, он ждет здесь своего приятеля, такого же разряженного жеманника, как и он сам. Я никак не возьму в толк, почему вы, столь презирающая светских франтов, неожиданно застыли здесь, как дерево, пустившее корни в землю.

— Извините меня, — пробормотала Анжелика, вдруг оказавшись в плену воспоминаний.

На долю секунды она вновь превратилась в испуганную маленькую девочку, охваченную неподдельным восхищением. Филипп! Ее заносчивый взрослый кузен... Ах! Монтелу, запахи обеденного зала, миски с горячим супом, под которыми исходит паром влажная скатерть. Смесь горечи, страдания и затаенного восторга!..

Приятельницы прошли мимо молодого человека. Он наконец заметил их, пошевелинулся и, сняв шляпу, поприветствовал дам с выражением величайшей скуки на лице.

— Ведь этот дворянин принадлежит к ближайшему окружению короля, не правда ли? — спросила Анжелика, когда они отошли в сторону.

— Безусловно.

— Как же получилось, что мы его раньше не встречали?

— Он сражался против турок в императорском войске. Он был среди тех шести тысяч солдат, которых Его Христианнейшее Величество король Франции отправил в битву против неверных, вторгавшихся в самое сердце христианских земель. Говорят, в решающем сражении при Сен-Готарде^[26] мессир дю Плесси-Бельер отличился особой отвагой и проявил себя умелым стратегом. Янычары отступили и бежали до самой Венгрии.

— Филонида! Вы знали столько удивительных вещей об этом великолепном мужчине и ничего не рассказывали о нем?!

— Извольте, я расскажу! Он отомстил за поражение под Никополем^[27], — вещала мадемуазель де Паражонк, в очередной раз демонстрируя свою ученость. — Но я не вижу смысла в том, чтобы занимать вас беседой о минувших битвах. По возвращении в Париж господин дю Плесси был назначен главным распорядителем волчьей охоты. Он так красив и так любит войну, что король называет его Марсом. Но о нем рассказывают ужасные вещи.

— Ужасные?.. Мне хотелось бы знать...

На губах мадемуазель де Паражонк заиграла снисходительная улыбка.

— Вам как будто неприятно слышать о неблагоприятном поведении этого красавчика. Впрочем, так ведут себя все женщины. Бегают за ним и падают в обморок, едва завидев его светлые локоны. Сходят с ума от его элегантности, от его красоты и не успокаиваются, пока не попадут к нему в постель. Вот тогда красавицы поют совсем по-другому. Да-да, я слышала сокровенные признания Арманды де Сирсе и мадемуазель Жакари... Прекрасный Филипп только на первый взгляд кажется приятным и учтивым мужчиной. Ах, он рассеянный, как старый ученый! При дворе все

расточают ему улыбки. Но оказывается, что в любви он знает только грубость: самый последний конюх более галантен со своей женой, чем мессир дю Плесси со своими любовницами. Все дамы, кто был с ним близок, ненавидят его...

Анжелика рассеянно слушала свою собеседницу. Она по-прежнему видела только Филиппа, облокотившегося на мраморную статую, неподвижного и почти столь же нереального, как привидение. Когда-то давно он взял ее за руку, приглашая к танцу. Это было в Плесси — в белом замке, окруженном громадой таинственного Ньельского леса.

— Говорят, чтобы терзать любовниц, мессир дю Плесси использует все свое извращенное воображение, — продолжила Филонида. — По пустяку, из-за сущей безделицы он так сильно избил мадам де Сирсе, что бедняжка больше недели не могла пошевелиться, да еще от мужа ей досталось. Если во время военных кампаний он оказывается победителем, то его приказы вызывают настоящий скандал. Его солдат опасаются больше, чем солдат пресловутого Иоганна фон Верта ^[28]. Они преследуют женщин даже в церквях и насиуют их всех без разбора. В Норжене он приказал привести к нему дочерей самых именитых граждан. За то, что девицы сопротивлялись, их избили до полусмерти, а после ночной оргии с офицерами он отдал их на потеху солдатам. После этого многие девицы скончались, а некоторые сошли с ума. Если бы не заступничество монсеньора принца, Филипп дю Плесси был бы сейчас в ссылке.

— Филонида, вы просто старая завистница! — воскликнула Анжелика в приступе внезапного раздражения. — Этот молодой человек вовсе не такой, он никак не может быть тем бесноватым чудовищем,

которое вы мне описали. Вы собрали о нем разные сплетни и перекраиваете их на свой лад.

Мадемуазель Паражонк остановилась, задохнувшись от возмущения.

— Я?! Сплетни?! Вы же знаете, какое отвращение внушают мне такого рода истории и как я недолюбливаю всех этих кумушек-сплетниц. Сплетни!.. Я никогда не снизошла бы до столь вульгарного занятия! Я пересказываю вам известные мне сведения лишь потому, что все это ПРАВДА!

— Даже если это правда, тут не только его вина, — возразила Анжелика. — Он стал таким, потому что из-за его красоты женщины тоже причиняли ему боль.

— Откуда вам это известно? Вы с ним знакомы?

— Нет...

— Тогда вы — сумасшедшая! — воскликнула мадемуазель де Паражонк, которая стала пунцовой от гнева. — Я никогда бы не подумала, что вам может вскружить голову этакий хлыщ. Прощайте...

Пожилая дама оставила спутницу и стремительно направилась к решетке ворот. Анжелике ничего не оставалось, как последовать за ней, ведь она не хотела поссориться с мадемуазель де Паражонк, которую искренне любила.

Если бы Анжелика и престарелая жеманница не поссорились в тот день в Тюильри из-за Филиппа дю Плесси-Бельера, они не ушли бы из парка так рано. А если бы они не покинули Тюильри в столь ранний час, то не стали бы жертвами непристойного пари, которое заключили между собой лакеи, сгрудившиеся перед оградой сада. Мессеры де Лозен и де Монтеспан никогда бы не скрестили шпаги из-за прекрасных изумрудных глаз госпожи Моренс. И Анжелике, без сомнения, пришлось бы еще очень долго ждать, когда ей представится возможность вновь очутиться в обществе сильных мира сего. Это доказывает, что порой

бывает чрезвычайно полезно выказывать себя вспыльчивой и несдержанной на язык.

У ворот парка висела табличка, строго запрещающая вход лакеям и черни, так что перед оградой всегда собиралась шумная толпа слуг, лакеев и кучеров, которые коротали часы в ожидании своих господ за игрой в карты или кегли, в потасовках или в кабачке на углу. В тот вечер лакеи графа де Лозена предложили пари. Они «поставят стаканчик» тому, кто наберется дерзости и задерет подол юбки первой из дам, которая выйдет из Тюильри.

Так уж случилось, что этой дамой оказалась Анжелика, как раз догнавшая Филониду в попытке ее успокоить.

Прежде чем Анжелика сообразила, что собирается сделать наглец, изо рта которого разило вином, этот дюжий верзила схватил ее и самым непристойным образом залез ей под юбку. Ее кулак сразу же обрушился на физиономию нахала, а мадемуазель де Паражонк заверещала, как разгневанный попугайчик.

Свидетелем этой сцены стал некий дворянин, собиравшийся сесть в карету. Он сделал знак своим людям, и те, воспользовавшись случаем, кинулись на челядь господина де Лозена.

Тут же, прямо в лошадином навозе, завязалась яростная драка, собравшая целую толпу зевак. Победа осталась за людьми неизвестного дворянина, который бурно заплодировал своей челяди.

Он подошел к Анжелике и отвесил ей поклон.

— Месье, благодарю вас за своевременную помощь,
— выдавила из себя госпожа Моренс.

Она была в бешенстве от нанесенного ей оскорбления, но главное — она была испугана: еще чуть-чуть — и она сама дала бы отпор пьянчуге, как в старые добрые времена в трактире «Красная маска», приправив «урок» несколькими забористыми

словечками из лексикона Польки. Этим Анжелика мгновенно перечеркнула бы все свои старания вернуться в круг знати. Уже на следующий день дамы квартала Маре судачили бы по поводу случившегося.

Взволнованная, побелевшая от одной этой мысли, молодая женщина сделала вид, что лишается чувств, как того предписывали хорошие манеры.

— Ах! Месье... я потрясена! Это ужасно! Подвергнуться оскорблению таких негодяев!

— Успокойтесь, мадам, — сказал господин, уверенной и сильной рукой поддерживая Анжелику за талию.

Это был красивый молодой человек с живыми глазами и тем певучим акцентом, который узнавался безошибочно. Вне всякого сомнения, еще один гасконец! Он назвал свое имя:

— Луи Анри де Пардайан де Гондрен, шевалье Пардаяна и других земель, маркиз де Монтеспан^[29].

Анжелика слышала это имя ранее. Ее неожиданный защитник принадлежал к одному из самых знатных и старинных родов Гиени. Молодая женщина улыбнулась одной из своих самых обольстительных улыбок, и покоренный ею маркиз стал настойчиво расспрашивать, где и когда он сможет справиться о самочувствии прекрасной незнакомки. Анжелика не захотела представиться, но ответила:

— Приходите завтра в этот же час в Тюильри. Я надеюсь, что обстоятельства будут более благосклонны и позволят нам приятно побеседовать.

— Где же мне ожидать вас?

— Около «Эха».

Эта фраза была весьма многообещающей. «Эхо» считалось местом, где назначали свидания возлюбленные. Счастливый маркиз поцеловал протянутую Анжеликой руку.

— Вы в портшезе? Позвольте проводить вас?

— Моя карета находится неподалеку, — заверила кавалера Анжелика, постеснявшись выставлять напоказ свой слишком скромный экипаж.

— Тогда до завтра, таинственная красавица.

На сей раз маркиз быстро поцеловал Анжелику в щеку, развернулся и, подпрыгивая от радости, направился к своему экипажу.

— Вам недостает стыдливости... — начала мадемуазель де Паражонк.

Но тут у ворот появился Пегилен де Лозен. Его слуги имели жалкий вид: один выплевывал выбитые зубы, другой вытирал кровоточащий нос, у многих ливреи были разорваны и перепачканы в пыли. Увидев эту картину, Пегилен разбушевался, голос его взвинулся до фальцета. Когда же ему объяснили, что неприятности произошли по вине челяди одного знатного вельможи, господин де Лозен воскликнул:

— Надо побить палками и этих плутов, и их хозяина. Мерзавец даже не достоин того, чтобы его коснулась моя шпага!

Маркиз де Монтеспан еще не успел сесть в карету. Услышав оскорбительные речи, он спрыгнул с подножки, подбежал к мессиру де Лозену и, схватив его за руку, заставил повернуться к себе, а потом надвинул ему на глаза его же шляпу, в довершение всего заявив, что считает Пегилена грубияном и наглецом.

Секунду спустя в воздухе словно молнии сверкнули две шпаги, и вот уже оба гасконца дрались на дуэли на глазах у все более и более распаляющихся зевак.

— Господа, помилосердствуйте! — вскричала мадемуазель де Паражонк. — Дуэли запрещены... Нынче же вам придется ночевать в Бастилии!

Но оба дворянина не вняли разумным призывам старой девы и с жаром продолжали фехтовать, в то время как плотная толпа зрителей мешала группе

швейцарских гвардейцев расколоть ее ряды и добраться до дуэлянтов.

К счастью, маркиз де Монтеспан быстро ранил де Лозена в бедро. Пегилен споткнулся и выронил шпагу.

— Идемте скорее, дорогой друг! — воскликнул маркиз, поддерживая своего противника. — Бастилия нам ни к чему! Милые дамы, помогите мне.

Карета тронулась в тот самый момент, когда швейцарские гвардейцы со сбившимися набок брыжами, раздавая тумачи и удары алебардами, наконец добрались до нее.

Пока экипаж со страшным грохотом мчался по улице Сент-Оноре, Анжелика перевязала своим шарфом рану Пегилена, и лишь тогда заметила, что все они, и маркиз де Монтеспан, и мадемуазель де Паражонк, и даже избитый до полусмерти, а сейчас валявшийся на полу лакей, по вине которого и заварилась досадная история, втиснулись в одну карету.

— Тебя закуют в кандалы и отправят на галеры, — бранил слугу Пегилен, пнув его каблуком в живот. — И уж поверь, я не заплачу ни ливра, чтобы выкупить тебя!.. Дьявол вас разрази, мой дорогой Пардаян, благодаря вам моему хирургу не придется пускать мне кровь в этом сезоне.

— Вас нужно перевязать, — сказал маркиз. — Поедемте ко мне. Я полагаю, что сегодня моя жена вместе со своими подругами дома.

В супруге господина де Монтеспана Анжелика узнала красавицу Атенаис де Мортемар, бывшую подругу Ортанс по пансиону, вместе с которой она некогда любовалась триумфальным въездом короля в Париж.

Мадемуазель де Мортемар, которая в юности звалась мадемуазель де Тонне-Шарант, вышла замуж в 1665 году. Теперь она стала еще прекраснее. Нежно-розовая кожа, голубые глаза, золотистые локоны, а

также глубокий ум, которым славился весь ее род, сделали Атенаис одной из самых примечательных дам королевского двора. К несчастью, и Монтеспаны, и Мортемары хоть и принадлежали к древним аристократическим фамилиям королевства, были одинаково сильно стеснены в средствах. Измученная долгами и кредиторами, Атенаис не могла обеспечить достойное обрамление своей красоте и частенько пропускала дворцовые праздники из-за отсутствия нового туалета.

Апартаменты, куда в сопровождении Анжелики и Филониды де Паражонк вошли дуэлянты из Тюильри, несли на себе печать крайней бедности, соседствовавшей с роскошью элегантных нарядов.

Великолепные туалеты лежали прямо на пыльной мебели. Хотя на улице было еще довольно холодно, огонь в очаге не горел. Атенаис, в домашнем платье из тафты, как гарпия сражалась с учеником золотых дел мастера, пришедшим требовать задаток за драгоценное золотое ожерелье, в котором молодая женщина намеревалась на следующей неделе блистать в Версале.

Господин де Монтеспан тотчас перехватил инициативу и пинком выставил подмастерье ювелира из дома. Атенаис шумно возмутилась поступком мужа, так как мечтала заполучить ожерелье, и затеяла с мужем перебранку, в то время как кровь несчастного Лозена обильно орошала плиточный пол.

Наконец мадам де Монтеспан обратила внимание на раненого и подозвала свою подругу Франсуазу д'Обинье, которая в тот день пришла помочь навести порядок в апартаментах, потому что служанки еще накануне были отпущены.

Вдова поэта Скаррона появилась тут же, и Анжелике показалось, что прошло не более суток с тех пор, как они расстались в Тампле: такое же невзрачное

платье, ничуть не изменившиеся огромные черные глаза и строго сомкнутые губы.

«Того и гляди войдет Ортанс», — подумала госпожа Моренс.

Она помогла Франсуазе уложить на диван графа де Лозена, который к этому времени потерял сознание.

— Я схожу за водой на кухню, — сказала вдова Скаррона. — Будьте так любезны, придержите пока повязку на ране... мадам...

По едва уловимой заминке Анжелика поняла, что вдова Скаррон тоже узнала ее. Но это не имело значения. Мадам Скаррон, как и мадам Моренс, относилась к числу тех людей, которые вынуждены скрывать некоторые эпизоды своей жизни. В любом случае, не сегодня завтра Анжелике предстояло встретиться со своими давнишними знакомыми.

В соседней комнате продолжалась ссора четы Монтеспан.

— Как могло случиться, что вы не узнали ее?.. Это же мадам Моренс! Теперь вы деретесь на дуэли из-за шоколадницы?

— Но она обворожительна... и не забывайте, что она слывет одной из самых богатых женщин Парижа. Если это действительно госпожа Моренс, то я ничуть не сожалею о своем поступке.

— Вы мне отвратительны!

— Дорогая, вы хотите получить свое бриллиантовое кольцо? Да или нет?

«Отлично, — подумала Анжелика, — теперь я понимаю, каким образом мне следует выразить свою признательность этим вельможам. Роскошный подарок, возможно, даже массивный кошель, но все должно быть обставлено с особым тактом и деликатностью».

Пегилен де Лозен приоткрыл глаза. Его блуждающий взгляд остановился на Анжелике.

— Это не сон? — пробормотал раненый. — Неужели это действительно вы, моя милая?

— Да, я, — улыбаясь, ответила молодая женщина.

— Черт меня подери, а я и не надеялся увидеть вас снова, Анжелика! Я часто спрашивал себя, что с вами случилось.

— Может, себя вы и спрашивали, но признайтесь, что узнать даже и не пытались.

— Это правда, дорогая. Я ведь придворный. А придворные сразу становятся страшными трусами, когда речь заходит о персоне, впавшей в немилость.

Пегилен внимательно оглядел платье и драгоценности молодой женщины.

— Кажется, ваши дела выправились, — заметил он.

— Да, в самом деле. Теперь меня зовут госпожа Моренс.

— Клянусь святым Севереном, я много слышал о вас! Вы торгуете шоколадом, не так ли?

— Я развлекаюсь. Кто-то увлекается астрономией или философией, а я — продажей шоколада. А вы, Пегилен? Ваша жизнь по-прежнему усеяна розами? Король все так же расположен к вам?

Лицо Пегилена помрачнело. Казалось, он уже забыл о своем любопытстве.

— Ах, дорогая, мое положение весьма неустойчиво. Представляете, король решил, будто я, как и Вард, замешан в истории с испанским письмом — вам известно о письме, которое подбросили королеве, чтобы предупредить ее об изменах августейшего супруга с Лавальер?.. Я не могу рассеять его подозрения, и Его Величество порой бывает так суров со мной!.. К счастью, Великая Мадемуазель в меня влюблена.

— Мадемуазель де Монпансье?

— Да, — прошептал Пегилен, закатывая глаза. — Я даже думаю, что она предложит мне жениться на ней.

— Ой! Пегилен! — воскликнула Анжелика, хохоча. — Вы забавны и неисправимы. Вы ни капельки не изменились!

— И вы тоже нисколько не изменились. Воскресли из мертвых, а все так же прекрасны.

— Что вы знаете о красоте воскресших, Пегилен?

— Только то, что об этом говорит Церковь, черт возьми!.. Сонм блаженных!.. Идите ко мне, сердце мое, я вас поцелую.

Молодой человек обеими руками взял лицо Анжелики и привлек ее к себе.

— Дьявол! — воскликнул с порога господин де Монтеспан. — Разве недостаточно продырявить твое бедро, чтобы помешать тебе бегать за юбками?! Чертов Пегилен, тебе мало! Ты появляешься в моем доме и даже здесь пытаешься обскакать меня! Как жестоко я ошибся, что помешал упечь тебя в Бастилию!

После этого случая Анжелика часто виделась с графом де Лозеном и маркизом де Монтеспаном в Тюильри и на Кур-ля-Рен. Они представили госпожу Моренс своим друзьям. Так, понемногу, в жизни молодой женщины снова появлялись лица из прошлого. Однажды, когда Анжелика в компании Пегилена ехала в карете по Кур-ля-Рен, ее экипаж встретился с экипажем Великой Мадемуазель, которая узнала бывшую графиню де Пейрак, хотя и не подала виду. Что это? Осторожность или равнодушие? У каждого свои заботы!

Поначалу избегавшая ее Атенаис де Монтеспан внезапно сменила гнев на милость и стала приглашать Анжелику к себе. Она заметила, что шоколадница хоть и говорила мало, но была при этом удивительно остроумной собеседницей.

Глава 12

Чтобы окончательно не попасть под чары Тюильри, Анжелика на несколько дней изменила маршрут своей прогулки.

Она необыкновенно гордилась тем, что внесена в список особ, которым мадемуазель де Монпансье позволяла посещать Люксембургский сад. Однажды, когда Анжелика пришла туда, ей открыла жена привратника. Самого привратника не было видно.

Анжелика углубилась в лабиринт прекрасных аллей, окаймленных ивами и купами магнолий. Спустя какое-то время она заметила, что парк, обычно весьма оживленный, почти пуст. Двое слуг в ливреях сломя голову пронеслись ей навстречу и скрылись в зарослях. А больше никого. Заинтригованная и даже несколько обеспокоенная, Анжелика продолжила свою одинокую прогулку.

Проходя мимо небольшого грота из ракушечника, она услышала какой-то неясный звук и, обернувшись, заметила, что в кустах кто-то прячется. «Скорее всего, какой-нибудь мошенник, — подумала Анжелика, — один из подданных господина Деревянного Зада, задумавший темное дельце. Вот было бы смешно подловить его и заговорить на воровском жаргоне, а потом полюбоваться его изумленной физиономией».

Анжелика улыбнулась. Разумеется, воришка, притаившийся в засаде, не каждый день оказывается лицом к лицу со знатной дамой, которая отлично изъясняется на языке Нельской башни и предместья Сен-Дени. «А потом я отдам ему свой кошель, чтобы бедняга поскорее оправился после такого сильного потрясения!» — решила бывшая Маркиза Ангелов, в

восторге от придуманной ею шалости, у которой, увы, не было свидетелей.

Но когда она, крадучись, подошла поближе, то увидела, что спрятавшийся одет очень богато, хотя его одежда и перепачкана в грязи. Он стоял на коленях в противоестественной позе, наклонившись вперед и опираясь на локти. Внезапно он нервным движением повернул голову, как будто прислушиваясь к чему-то, и Анжелика узнала герцога Энгиенского — сына принца Конде. Она уже встречала его в местах модных прогулок: в Тюильри и на Кур-ля-Рен. Это был красивый юноша, о котором, однако, говорили, что ему не хватает такта и что он не склонен строго придерживаться правил этикета.

Анжелике бросились в глаза необычайная бледность юноши и странное выражение смятения и страха, застывшее на его лице.

«Что он тут делает? Почему прячется? Чего боится?» — подумала молодая женщина, охваченная необъяснимой тревогой. После недолгого колебания она бесшумно удалилась и вернулась на одну из главных аллей парка. Здесь Анжелика столкнулась с привратником, который, завидев ее, в испуге вытаращил на нее глаза.

— Ой! Госпожа, что вы здесь делаете? Уходите скорее!

— Отчего же? Ты отлично знаешь, что мое имя занесено в список мадемуазель де Монпансье. Да и твоя жена сразу меня пропустила.

Сторож с расстроенным видом огляделся вокруг. Анжелика всегда была очень щедра к нему.

— Пусть госпожа простит меня, — зашептал он, подходя ближе. — Но моя жена не знает тайны, которую я вам открою: сегодня вход в парк запрещен, потому что с самого раннего утра мы ловим монсеньора герцога Энгиенского, вообразившего, что он — кролик.

И увидев, как изумленно округлились глаза молодой женщины, привратник pokrutil пальцем у виска.

— Да, бедный мальчик, время от времени с ним такое случается. Кажется, это болезнь. Когда он считает себя кроликом или куропаткой, то боится, что его убьют, и поэтому убегает и прячется. Мы ищем его уже несколько часов.

— Он там, в кустах, около малого грота. Я только что видела его.

— Великий Боже! Надо скорее предупредить монсеньора принца. Ах! Вот и он.

На аллее показался портшез, из окошка которого высунулась голова принца Конде.

— Что вы здесь делаете, мадам? — разгневанно спросил он.

Привратник поспешил вставить словечко:

— Монсеньор, госпожа только что видела господина герцога поблизости от малого грота.

— А! Великолепно. Откройте мне дверь, болваны. Да помогите спуститься, черт возьми! И не шумите так, вы его испугаете. Ты беги за первым камердинером моего сына, а ты собери всех людей, которых только сможешь найти, и расставь их вокруг...

Через несколько мгновений в кустах послышался шум. В поднявшейся суматохе можно было различить приближающийся топот. Из подлеска на бешеной скорости выскочил герцог Энгиенский. Но двум слугам, помчавшимся вслед за ним, удалось догнать юношу. Его тотчас окружили и крепко взяли под руки. Первый камердинер, воспитавший герцога Энгиенского, нежно заговорил со своим подопечным:

— Вас никто не убьет, монсеньор. Вас не запрут в клетку... мы совсем скоро отпустим вас, и вы снова сможете бегать по полям.

Герцог Энгиенский был бледен как мел. Он не произнес ни слова, но в его взгляде сквозило

трогательное и вопрошающее выражение загнанного зверя. Отец подошел к нему. Молодой человек принялся яростно отбиваться, по-прежнему в полном молчании.

— Уведите его, — приказал принц Конде. — Позовите лекаря и хирурга. Пускай ему пустят кровь, вымоют, но для начала — запрут. Я не намерен до вечера продолжать игру в прятки и прикажу выпороть любого, кто опять упустит его.

Все удалились. Принц вернулся к Анжелике, которая в величайшем душевном смятении наблюдала за этой печальной сценой и побледнела так же сильно, как и несчастный больной.

Конде остановился перед молодой женщиной и мрачно взглянул на нее.

— Итак, — заговорил он, — вы видели его? Не правда ли, хорош потомок Конде и Монморанси?.. Его прадед страдал припадками, его прабабка была сумасшедшей, а мне пришлось сочетаться браком с их внучкой. В ту пору она уже начала вырывать щипцами волосы у себя на голове. Я знал, что болезнь поразит моих наследников, и все-таки женился. Ведь так повелел король Людовик XIII. А теперь полюбуйте на моего сына! Иногда он считает себя собакой, и тогда изо всех сил сдерживается, чтобы не залаять на короля. Порой ему кажется, что он — летучая мышь, в такие дни мальчик боится наткнуться на лепные украшения в своих апартаментах. Совсем недавно он решил, что превратился в растение, и потребовал, чтобы слуги поливали его... Все это забавно, не так ли? Почему вы не смеетесь?

— Монсеньор... как вы могли подумать, что я стану смеяться?.. Ведь вы меня совсем не знаете...

Неожиданная улыбка, осветившая суровое лицо принца, заставила Анжелику умолкнуть:

— Как бы не так! Как бы не так! Я отлично знаю вас, мадам Моренс. Я видел вас у Нион и в других салонах.

Вы веселы, как юная девушка, красивы, как куртизанка, и в вашей груди бьется сердце нежной матери. Кроме того, я полагаю, что вы — одна из умнейших женщин королевства. Но вы никогда не выставляете свой ум напоказ, потому что в довершение всего вы еще и хитры и прекрасно знаете, что мужчины опасаются умных женщин.

Удивленная этой неожиданной тирадой, Анжелика улыбнулась в свой черед.

— Монсеньор, вы мне льстите... Мне крайне любопытно узнать, кто предоставил вам подобные сведения обо мне...

— Я не нуждаюсь в том, чтобы мне предоставляли сведения, — неожиданно резко, по-военному, заявил принц и снова помрачнел. — Я наблюдал за вами. Вы не обратили внимания, что я часто смотрю на вас? Мне показалось, что вы меня немного боитесь. Однако вы не из робкого десятка...

Анжелика подняла глаза на победителя в битвах при Лансе и Рокруа. Она уже не в первый раз так на него смотрела. Конечно, принц никоим образом не мог вспомнить невзрачного утенка, которому он сказал когда-то: «Клянусь честью, когда вы станете женщиной, мужчины будут готовы отдать жизнь за один ваш благосклонный взгляд!»

Она всегда полагала, что питает к принцу Конде глубокую неприязнь, но сейчас боролась с чувством симпатии, невольно зарождавшимся у нее в душе. Разве не Конде много лет шпионил за ней и за ее мужем через своего слугу Клемана Тоннеля? Разве не Конде унаследовал богатства Жоффрея де Пейрака? Уже давно Анжелика задавалась вопросом, каким образом она сможет доподлинно узнать, какую роль сыграл принц Конде в этой драме. И вот сейчас капризный случай улыбнулся ей.

— Вы молчите, — сказал принц. — Значит, я прав, я действительно вас пугаю?

— Нет! Но я чувствую себя недостойной беседовать с вами, монсеньор. Ваша слава...

— Эка невидаль! Моя слава... Вы слишком молоды, чтобы что-то знать о ней. Мое оружие покрылось ржавчиной, и если Его Величество так и не решится преподать урок этим наглецам голландцам или англичанам, то я рискую умереть в собственной постели. Что же касается бесед, Нинон не раз повторяла мне, что слова — не ядра, которые посылают в брюхо врага, и она утверждает, что я до сих пор так и не усвоил ее урока. Ха-ха!

Принц разразился бурным хохотом и без церемоний взял Анжелику за руку.

— Итак, идемте. Карета ждет меня снаружи, но чтобы передвигаться, я вынужден опираться на чью-то милосердную руку. Вот она — цена моей славы: долгие дни, проведенные в затопленных водой окопах, и теперь невыносимая боль сковывает мою ногу, я волочу ее как старик. Хотите составить мне компанию? Ваше присутствие — единственное, что я смогу перенести после тягостного дня, выпавшего на мою долю. Вы видели мой особняк на улице Ботрейи?

С замиранием сердца Анжелика ответила:

— Нет, монсеньор.

— Говорят, что это одно из прекраснейших творений, когда-либо построенных Мансаром^[30]. Мне там не нравится, но я знаю, что дамы восхищаются красотой этого дома. Поедем, вы посмотрите на него.

И хотя Анжелика не желала признаваться себе в этом, она была польщена возможностью ехать в карете принца крови, которого прохожие зеваки встречали бурными овациями.

Она была удивлена тем вниманием, которое ей выказывал спутник и которое казалось искренним. Ходили слухи, что с тех пор, как любовница принца Конде, Марта Ле Вижан, ушла в монастырь кармелиток в предместье Сен-Жак, старый вояка больше не удостоил благосклонностью ни одну женщину, хотя французские дворяне всегда славились своей любвеобильностью. Отныне принц искал в женщинах лишь плотские утехы, и вот уже долгие годы ему приписывали только непродолжительные интрижки, причем с дамами весьма низкого происхождения. В светских салонах его грубость по отношению к прекрасному полу обескураживала даже самых настойчивых. Но сейчас казалось, что принц делает все возможное, чтобы понравиться новой знакомой.

Карета свернула во двор отеля Ботрейи.

Анжелика поднялась по мраморным ступеням крыльца. Каждая деталь этого светлого дома, наполненного гармонией, напоминала ей о Жоффрее де Пейраке. Именно он настоял на плавных линиях кованых решеток балконов и перил, напоминающих изгиб виноградных лоз; именно он заказал резные золоченые деревянные фризы, обрамляющие массивы мрамора или зеркал; именно он приказал разместить повсюду статуи и бюсты, каменных животных и птиц, олицетворяющих добрых духов счастливого домашнего очага.

— Почему вы молчите? — удивился принц Конде, когда они уже обошли два этажа роскошного особняка. — Обычно мои гости верещат, как канарейки. Этот дом вам не нравится? Я слышал, что вы отлично разбираетесь в архитектуре...

Они вошли в маленькую гостиную, обитую голубым атласом, расшитым золотом. Решетка из кованого железа с причудливым рисунком отделяла комнату от шедшей в парк длинной галереи.

В глубине гостиной находился камин с двумя каменными львами по бокам, но на его фронтоне зияла свежая выбоина. Анжелика дотронулась до нее.

— Что здесь скололи? — спросила она. — Я уже не в первый раз замечаю подобные повреждения. Даже над окнами этой гостиной в некоторых местах стерли живописный рисунок.

Принц нахмурился.

— Здесь были вензеля бывшего владельца особняка, я приказал их уничтожить. Когда-нибудь я займусь реставрацией поврежденных участков. Но если на то пошло, не знаю, когда это произойдет! Я предпочитаю вкладывать средства в обустройство моего загородного дома в Шантийи.

Анжелика не убирала руки с изуродованного гербового щита.

— А почему бы не оставить все как было и не уродовать дом?

— Один вид герба этого дворянина внушал мне тревогу. Ведь он был проклят!

— Проклят? — эхом повторила Анжелика.

— Да. Он изготавливал золото с помощью секрета, открытого ему самим дьяволом. Его сожгли, и король передал мне часть его имущества. Но я до сих пор не уверен, что Его Величество не попытался таким образом накликать на меня беду.

Анжелика медленно подошла к окну и стала смотреть во двор.

— Вы знали его, монсеньор?

— Кого? Проклятого дворянина?.. Клянусь честью, нет, и тем лучше для меня!

— Мне кажется, я помню это дело, — сказала молодая женщина, испугавшись собственной смелости. Правда, говорила она совершенно спокойно. — Речь идет о некоем дворянине из Тулузы, мессире... де Пейраке?

— Да, так, — равнодушно согласился принц.

Анжелика провела языком по пересохшим губам.

— Ходили слухи, что на самом деле его осудили за то, что он был посвящен в какую-то страшную тайну, касавшуюся господина Фуке, который в то время был очень влиятелен.

— Возможно. Месье Фуке долго считал себя подлинным королем Франции. У него было достаточно денег для этого. Он заставлял совершать глупости многих людей. Например, меня. Ха-ха-ха!.. Да что уж там! Все это в прошлом.

Анжелика слегка повернула голову, чтобы наблюдать за собеседником. Он рухнул в кресло и теперь обводил тростью узоры на ковре. Если воспоминания о глупостях, которые его заставил совершить господин Фуке, вызвали у принца горькую усмешку, то на замечание, касающееся Жоффрея де Пейрака, он никак не отреагировал. Теперь молодая женщина была уверена, что Клемана Тоннеля на долгие годы приставил шпионить к ней не Конде. Как знать? Не исключено, что Клеман Тоннель с самого начала был шпионом господина Фуке, в том числе и при Конде. В ту эпоху плелись необычайно сложные интриги, а дворяне, замешанные в них, теперь предпочитали молчать о прошлом.

К чему монсеньору принцу вспоминать сейчас о том, что когда-то он хотел отравить Мазарини и продался Фуке? Ему и без того пришлось приложить немало усилий, чтобы вернуть расположение молодого и все еще не доверяющего ему короля, а теперь он стремится приручить эту красивую женщину, чья тайная грусть, скрывающаяся за жизнерадостным смехом, очаровала его сильнее, чем он мог ожидать.

— Во время процесса де Пейрака я был во Фландрии, — продолжил принц, — и не следил за событиями. Но, как бы то ни было, я получил этот

особняк, и должен вам признаться, что совсем не рад этому. Говорят, колдун здесь и не жил, но мне все равно мерещится в этих стенах нечто печальное и зловещее. Кажется, вокруг меня декорации, приготовленные для сцены, которая так и не была сыграна... Все эти прекрасные вещи ждут своего хозяина, но ждут они не меня. Я оставил в доме старого конюха, который принадлежал к челяди графа де Пейрака. Он говорит, что иногда, по ночам, видит призрак покойного хозяина... Это вполне возможно. Здесь чувствуется некая странная сила, которая отторгает меня и гонит прочь. Я стараюсь не оставаться в доме надолго. Вы испытываете столь же тягостное впечатление?

— Нет, напротив, — прошептала Анжелика.

Она окинула взглядом комнату. «Здесь я у себя дома, — подумала она. — Я и мои дети — вот те хозяева, которых ждут эти стены».

— Так, значит, особняк вам нравится?

— Я уже полюбила его. Он восхитителен. Ах! Как бы я хотела здесь жить! — воскликнула Анжелика, с неожиданной страстью прижав руки к груди.

— Вы могли бы здесь жить, если бы захотели этого, — сказал принц.

Анжелика резко повернулась. Конде остановил на ней свой выразительный, царственный взгляд, о котором позже столь красноречиво скажет Боссюэ^[31]: «Этот принц... нес победу в своих глазах...»

— Жить здесь? — повторила Анжелика. — В каком качестве, монсеньор?

Ее собеседник улыбнулся, резко встал и подошел к своей гостье.

— Взгляните на меня! Мне сорок четыре года, конечно, я не молод, но еще и не стар. Не стану лукавить, порой у меня случаются боли в коленях, но все остальное пребывает в добром здравии. Буду с вами

откровенен. Я полагаю, что могу стать для вас вполне достойным любовником. Я думаю, что не слишком шокировал вас своим предложением. Не знаю, откуда вы появились, но что-то подсказывает мне, что вам уже довелось много чего услышать в свой адрес, а я, по крайней мере, не морочу вам голову. Я никогда не умел пускать дамам пыль в глаза: нахожу это бесполезным. Столько усилий, чтобы напоследок задать все тот же вечный вопрос: «Согласны вы или нет?» Нет, подождите, не торопитесь с ответом. Я объясню, какие преимущества вы сможете извлечь из этой связи. У вас будет солидное содержание... Да, я знаю, что вы очень богаты. Но послушайте, Я ПОДАРУЮ ВАМ ОСОБНЯК БОТРЕЙИ, раз он вам так понравился. Позабочусь о ваших сыновьях, прослежу за их образованием. Я знаю, что вы вдова и чрезвычайно дорожите своей безупречной репутацией. Конечно, это весьма ценное качество, но... подумайте, ведь я не прошу вас расстаться с вашей репутацией ради какого-то прощелыги. А поскольку вы сами заговорили о моей славе, позвольте мне заметить, что...

Он колебался, и эта скромность не была притворной, а потому казалась особенно трогательной.

— ...вовсе не зазорно быть любовницей Великого Конде. Так уж устроен наш мир. Я представляю вас в обществе... К чему эта скептическая и даже несколько презрительная улыбка, мадам?

— Потому что, — ответила Анжелика, не переставая улыбаться, — я вспомнила песенку, которую пел на улице один старый балагур, папаша Тру-ля-ля:

*Странные люди — принцы.
Счастлив, кто их не знает.
Еще счастливей тот,
кто никогда не повстречает...*

— Нет, ну что за нахалка! — воскликнул Конде в притворной ярости.

Он обхватил Анжелику за талию и привлек к себе.

— Именно такой вы мне и нравитесь, милочка, — произнес он со страстью в голосе. — Потому что я сразу заметил: оставаясь прежде всего женщиной, вы обладаете отвагой воина. Вы атакуете в самый удачный момент, с хитростью Макиавелли пользуетесь слабостью противника и наносите ему сокрушительные удары. Но вы недостаточно быстро отступаете на свои позиции. И вот вы в моих руках!.. Вы по-девичьи свежи и неприступны, а ваша ладно скроенная маленькая фигурка чертовски привлекательна!.. Ах! Как бы я хотел, чтобы вы слушали меня не как принца, а как мужчину, причем мужчину довольно несчастного. Вы столь разительно отличаетесь от кокеток с каменным сердцем!

Конде коснулся щекой волос Анжелики.

— В ваших светлых локонах есть седая прядь, которая волнует меня. Кажется, что под маской радости и юности, которую вы носите, скрывается опыт, рожденный великими горестями. Или я ошибаюсь?

— Нет, монсеньор, — покорно ответила Анжелика.

Она подумала, что если бы нынче утром ей кто-то сказал, что к вечеру она окажется в объятиях принца Конде и что она по собственной воле прижмет свой лоб к его августейшему плечу, она бы воскликнула в ответ, что жизнь не настолько безумна. Но ее жизнь никогда не была заурядной, и молодая женщина уже начала привыкать к неожиданным поворотам судьбы.

— С ранней молодости, — продолжил принц, — я любил лишь одну женщину. Я не всегда был верен ей, но любил только ее. Она была очень красива и нежна — отрада моей души. Сколько же интриг и заговоров плелось, чтобы разлучить нас... И она устала. Что осталось на мою долю после того, как она приняла

постриг? В моей жизни было всего две страсти: она и война. Моя любимая удалилась в монастырь, а этот болван Мазарини подписал Пиренейский мир. И теперь я всего лишь разряженное пугало, которое выслуживается перед молодым королем в надежде бог знает когда получить какое-нибудь военное губернаторство и, возможно, пост командующего, если Его Величеству все же придет в голову счастливая идея потребовать у фламандцев приданое королевы. А об этом поговаривают... Но давайте оставим политику — я не хочу вам наскучить. Ваш вид пробудил во мне тот живой огонь, который, как казалось, давно угас. Самое страшное — когда умирает сердце... Мне хотелось бы удержать вас рядом со мной...

Пока принц говорил, Анжелика потихоньку высвободилась из его объятий и чуть отодвинулась.

— Монсеньор...

— Вы скажете «да», не правда ли? — взволнованно спросил мужчина. — О! Умоляю вас... Что вас удерживает? Вы любите другого? Уж не собираетесь ли вы сказать мне, что испытываете нежные чувства к этому низкородному слуге, Одиже, который сопровождает вас, как верный пес, в прогулках по городу?

— Одиже — мой деловой партнер.

— Однако, — с неожиданной ревнивостью проворчал Конде, — вчера вечером вас видели на спектакле в сопровождении дворецкого графа де Суассона. А это что-то да значит!

— Монсеньор, — ответила Анжелика, — это значит, что я не отрекусь от моих старых привязанностей, пока сама не сочту нужным. А я все еще нуждаюсь в дворцеком Одиже.

Принц кусал губы.

— Бог мой! Когда вы так говорите, вы кажетесь очень грозной.

— Вот видите, я произвожу не только успокаивающее впечатление, — сказала молодая женщина с легкой улыбкой.

— Какое это имеет значение! Я желаю вас такой, какая вы есть.

Конде и представить не мог, перед каким выбором он ставит Анжелику. Что бы она ответила принцу, если бы он сделал ей такое предложение в другом месте? Она не знала.

Но здесь, в этом особняке, куда она попала впервые, Анжелика оказалась окружена призраками. Рядом с принцем Конде, который словно явился из прошлого с его вышедшими из моды рингравами, вырисовывался мерцающий строгий силуэт Филиппа в бледном атласе, а за ними — облаченная в черный бархат и серебро тень в маске с кровавым рубином на пальце, тот проклятый дворянин, который был ее единственным господином и единственной любовью.

Среди всех, кого освободили жизнь или смерть, лишь она одна оставалась пленницей былой трагедии.

— Что с вами? — спросил принц. — Почему у вас на глазах слезы? Чем я огорчил вас? Живите в этом доме, который, кажется, вам так понравился. Позвольте мне любить вас. Я буду скромн...

Анжелика медленно покачала головой:

— Нет, это НЕВОЗМОЖНО, монсеньор.

Глава 13

Когда Анжелика вновь встретила с принцем Конде, он не проявил никаких признаков злопамятности. В делах любовных дворянин не выказывал того высокомерия, что было присуще ему при дворе и на полях битвы.

— Не бросайте меня хотя бы на партиях в хоку, — заявил принц госпоже Моренс. — Я рассчитываю на вас. Итак, каждый понедельник, у Нинон.

Анжелика охотно согласилась. Она была счастлива от того, что Конде предлагает ей дружбу. Покровительством монсеньора принца нужно дорожить. И все-таки каждый раз, вспоминая об отеле Ботрейи, Анжелика кусала себе локти. Нет, она несколько не жалела, что отказалась от предложения принца. Просто особняк Ботрейи принадлежал Ей по праву и Анжелику возмущало, что она не может жить там, не заплатив за это непомерно высокую цену.

Тот понедельник запомнился надолго.

Именно тогда госпожа Моренс и принц Конде сыграли знаменитую партию в хоку, которая стала предметом обсуждения в светской хронике, возмутила благочестивых господ, привела в восторг сплетников и позабавила весь Париж.

Партия началась, как обычно, вечером, после того как в зал внесли свечи. В зависимости от везения игроков она могла длиться три-четыре часа. Затем подавали легкий ужин, после которого все расходились по домам.

Игра в хоку начинается с неограниченным количеством участников.

В тот вечер их было пятнадцать. Играли по-крупному, рисковали. После первых же ходов число

игроков сократилось вдвое и партия замедлилась.

Только тогда Анжелика, которая вдруг почему-то задумалась об Ортанс и оттого играла немного рассеянно, с удивлением заметила, что она вступила в весьма рискованную и жесткую схватку с принцем Конде, маркизом де Тианжем и председателем Жомерсоном. И сейчас именно она «вела» игру. Юный герцог де Ришмон, боготворивший госпожу Моренс, отмечал ее ставки, и, взглянув в его записи, Анжелика поняла, что выиграла небольшое состояние.

— Сегодня вечером вам везет, мадам, — с кислой гримасой сказал Анжелике маркиз де Тианж. — Вот уже около часа вы держите ставку и, кажется, не собираетесь ее понижать.

— Я никогда не видел игрока, который держал бы ставку так долго! — взволнованно воскликнул юный герцог. — Помните, мадам, что если вы проиграете, вам придется выплатить каждому из этих господ ту сумму, которую вы сейчас выиграли. Еще есть время остановиться, вы имеете на это право.

Господин Жомерсон взревел, что зрители не должны вмешиваться в игру, и если так будет продолжаться, то он потребует очистить зал. Его угомонили резонным замечанием, что он находится не во дворце, а у мадемуазель де Ланкло. Все ждали решения Анжелики.

— Я продолжаю, — молодая женщина раздала карты.

Председатель глубоко вздохнул. Он много проиграл и надеялся, что удача вот-вот улыбнется ему, и тогда он приумножит то, что столь неосмотрительно спустил. Где это видано, чтобы один игрок держал ставку так долго, как эта дама. Если госпожа Моренс будет продолжать в том же духе, она неизбежно проиграет, что будет лишь на руку другим участникам партии. Как повезло, что ставку держит именно женщина! И какое

счастье, что у нее нет супруга, перед которым надо отчитываться, а иначе сейчас этот бедняга уже бы советовался с управляющим о количестве свободных средств, которыми он располагает.

Между тем, когда карты открыли, самая слабая комбинация оказалась именно у Жомерсона, и, сконфуженный, он вышел из игры.

Анжелика по-прежнему вела. Игроков окружили гости, и даже те, кто уже собирался уходить, медлили с отъездом. Они так и остановились у дверей, вытянув шею, чтобы лучше видеть происходящее.

Несколько кругов на руках у партнеров оказывались карты, равные по силе. Анжелика продолжала держать ставку, но никто не выбыл из игры. Затем проиграл господин де Тианж. Он поднялся из-за стола, вытирая пот со лба. Ну и вечер выдался! Что скажет жена, когда узнает, что супруг проиграл какой-то шоколаднице госпоже Моренс доход семьи за два года? Конечно, если выиграет именно она! А если она проиграет, то выплатит принцу Конде сумму вдвое больше той, что выиграла сейчас. Даже при одной мысли об этом голова шла кругом! Эта женщина — сумасшедшая! Она упрямо идет к разорению. Ни один игрок, даже самый отчаянный, не осмелился бы на ее месте продолжить игру.

— Остановитесь, любовь моя! — умоляюще шепнул герцог Анжелике на ухо. — Вы не сможете выигрывать и дальше.

Анжелика положила ладонь на колоду карт. Маленький гладкий и твердый прямоугольник жег ей руку.

Она внимательно посмотрела на принца Конде. Эта партия зависит не столько от него, сколько от самой СУДЬБЫ.

Перед ней сидела СУДЬБА. Она приняла облик принца Конде, одолжила на время его огненный взор,

орлиный профиль, белые хищные зубы, обнажившиеся в улыбке. И теперь в руках он держал вовсе не карты — нет, он сжимал маленький ларец, в котором сверкала зеленая склянка с ядом.

Вокруг него сгустились мрак и тишина.

Но тишина разбилась, как стекло, когда прозвучал звонкий голос Анжелики:

— Я продолжаю.

Силы вновь оказались равны. Равенство. Вилларсо высунулся в окно, зазывая прохожих. Он кричал, что такой сенсационной партии в хоку не бывало с тех пор, как его предок играл в Лувре на свою жену и свой полк с королем Генрихом IV.

В гостиной столпились все. Даже слуги влезли на стулья, чтобы издали следить за сражением. Свечи чадили, но всем было не до того.

В комнате стояла удушающая жара.

— Продолжаю, — повторила Анжелика.

— Равенство.

— Если еще три круга подряд выпадет равенство, то на кону будет выбор ставки.

— Последний, наивысший тур хоки... Такое можно увидеть раз в десять лет!

— Берите выше, дорогой мой, в двадцать лет.

— Еще реже, только раз в жизни!

— Помните финансиста Тортеме, который потребовал у Монморанси его герб?

— А тот в свою очередь попросил весь торговый флот Тортеме.

— И Тортеме проиграл...

— Вы продолжаете, мадам?

— Я продолжаю.

Лавина гостей чуть не опрокинула стол и едва не задавила обоих игроков.

— Дьявол вас подери! — разразился проклятиями принц, ища свою трость. — Клянусь, что поубиваю вас

всех, если вы не дадите нам возможность дышать. Отойдите, черт возьми!..

Капельки пота выступили на лбу Анжелики, но только из-за жары. Волнения не было и в помине. Анжелика не думала ни о своих сыновьях, ни о тех усилиях, что ей пришлось приложить, создавая то, что она сейчас могла уничтожить.

Теперь все казалось ей совершенно логичным. Долгие годы она боролась с СУДЬБОЙ вслепую, как бедный трудолюбивый крот. А сегодня она встретилась с сумасбродной госпожой Фортунной лицом к лицу. И она возьмет судьбу за глотку, расправится с ней. Она столь же безумна, опасна и непредсказуема, как и сама СУДЬБА. Сегодня они играют на равных!

— Равенство.

В поднявшемся шуме раздались крики:

— Выбор ставки! Выбор ставки!

Анжелика подождала, пока немного уляжется суматоха, а затем тоном прилежной ученицы поинтересовалась, в чем именно заключается последний, наивысший тур хоки.

Все заговорили одновременно. Наконец, шевалье де Мере^[32] уселся рядом с игроками и дрожащим голосом начал объяснять.

Во время последнего тура соперники вновь начинают с нуля. Все предыдущие долги и выигрыши аннулируются. Вместо этого каждый участник выбирает ставку, но сообщает не то, что он собирается поставить на кон, а то, что он намеревается потребовать у противника. Нечто невероятно ценное. Тут же привели примеры: в прошлом веке финансист Тортеме потребовал у Монморанси его дворянский титул, а уже упоминавшийся дед господина Вилларсо согласился с тем, что если он проиграет, то уступит свою жену и свой полк противнику.

— Могу ли я отказаться от партии? — спросила Анжелика.

— Это ваше неотъемлемое право, мадам.

Молодая женщина замерла, взгляд ее стал мечтательным. Было слышно, как по комнате летает муха. Вот уже несколько часов Анжелика «вела игру». Неужели в последнем туре удача оставит ее?

Внезапно она словно пробудилась ото сна, глаза ее вновь заблестели, но теперь уже каким-то диким, необузданным огнем. Она улыбнулась.

— Я продолжаю.

Шевалье де Мере перевел дух и сказал:

— Для выбора ставки существует фраза, предписанная правилами: «Партия принята. Если я выигрываю, я требую...»

Анжелика послушно кивнула и, все так же улыбаясь, повторила:

— Партия принята, монсеньор. Если я выигрываю, я требую у вас отель Ботрейи.

Мадам Ламуаньон громко вскрикнула, но взбешенный муж твердой рукой тут же зажал ей рот.

Все взгляды обратились к принцу, глаза которого гневно сверкнули. Но Конде был честным игроком и никогда не отступал.

Он тоже улыбнулся и надменно вздернул подбородок:

— Партия принята, мадам. Если я выигрываю, вы станете моей любовницей.

Все головы повернулись к Анжелике. Она по-прежнему улыбалась. Отблески свечей играли на ее приоткрытых губах. Испарина, выступившая каплями на ее золотистой коже, напоминала о сияющих, переливающихся лепестках цветков, увлажненных утренней росой. Усталость, которая голубыми тенями опустилась на веки, придавала лицу совершенно особенное выражение чувственности и отстраненности.

Присутствующие мужчины затрепетали. Тишина стала весомой, давящей.

Шевалье де Мере негромко сказал:

— Выбор вновь возвращается к вам, мадам. Если вы отказываетесь, партия продолжится, как обычно, с предыдущими ставками. Если вы соглашаетесь, то говорите: «Партия согласована».

Анжелика взяла карты.

— Партия согласована, монсеньор.

На сей раз на руках у Анжелики оказались лишь валеты, дамы и карты более мелкого достоинства. Настолько плохого набора у нее не было с самого начала игры. Однако, совершив несколько обменов, она все же сумела собрать комбинацию, пускай и слабую. Теперь было два выхода: попытаться с помощью «лотереи» собрать более сильную карту или же вскрываться сразу. В последнем случае она сильно рисковала, потому что на руках у принца Конде могла оказаться более значимая комбинация. Но с другой стороны, если и соперник на данный момент не располагает необходимыми картами, то в ходе обмена он может первым получить столь необходимого короля или туза.

Поколебавшись несколько секунд, Анжелика выложила карты на стол.

Сделала она это очень тихо, но даже пушечный выстрел не произвел бы на присутствующих большего впечатления.

Принц, не двигаясь, изучал свой набор.

Внезапно он встал, бросил карты на стол и склонился в глубоком поклоне:

— Отель Ботрейи — ваш, мадам Моренс.

Глава 14

Она не верила своим глазам. Слепое везение, невероятная удача, самый абсурдный поступок, который только можно было придумать, вернули ей отель Ботрейи!

Держа сыновей за руки, Анжелика бродила по роскошному дому.

Она не осмеливалась сказать им:

— Все это принадлежало вашему отцу.

И поэтому повторяла:

— Все это принадлежит вам! Вам!

Анжелика не уставала удивляться каждой мелочи: радующий глаз декор, скульптурные изображения богинь, детей, растений, кованые стойки перил, модная деревянная обшивка, сменившая устаревшую тяжесть гобеленов.

В полумраке лестниц и коридоров сверкало золото, поражали воображение роскошные фризы из цветочных гирлянд, переливающиеся в мерцающем сиянии светильников, которые держали в руках каменные изваяния.

Принц Конде не стал обустривать особняк, который он так и не полюбил. Часть мебели он давно уже вывез, а ту, что осталась, с щедростью истинного вельможи пожаловал Анжелике.

Вручив выигрыш той, кто победила его в честной борьбе, принц, как блестящий игрок, предпочел исчезнуть. Может статься, его действительно задело полное безразличие к нему молодой женщины, в чем он не хотел признаваться даже самому себе. Она думала только об особняке Ботрейи, и Конде с тоской спрашивал себя: не было ли и то дружеское расположение, которое он порой ловил во взгляде своей

очаровательной соперницы, всего лишь хитрым маневром.

Кроме того, принц немного опасался, что слухи о сенсационной партии в хоку дойдут до ушей Его Величества, а государь не слишком жаловал эксцентричные выходки. Поэтому Конде решил уехать в Шантийи, оставив Анжелику наедине со своей заветной мечтой.

С нескрываемым удовольствием она принялась украшать особняк по последнему слову моды.

Пригласила столяров-краснодеревщиков, обойщиков, золотых и серебряных дел мастеров. У господина Буля^[33] заказала мебель из дорогой древесины, инкрустированную слоновой костью, перламутром и позолоченной бронзой. Резная кровать, кресла и стены в спальне были обтянуты зеленым и белым атласом с рисунком, изображавшим крупные золотисто-розовые цветы. Стол, геридон^[34], деревянные части стульев и кресел в будуаре были покрыты изысканной голубой эмалью. Наборный паркет в обеих личных комнатах Анжелики был из благоухающего сорта древесины, и ее аромат пропитывал одежду любого, кто ступал по нему.

Для росписи потолка большой гостиной Анжелика пригласила Гонтрана.

Она накупила гору всевозможных вещей: причудливые безделушки из Китая, картины, белье, золотую и хрустальную посуду.

Письменным столом хозяйке стал служить кабинет итальянской работы, один из немногочисленных старинных предметов мебели в особняке. Он был сделан из эбенового дерева и инкрустирован розовыми и вишнево-красными рубинами, гранатами и аметистами.

Охваченная лихорадочной тягой к покупкам, Анжелика купила Флоримону белого пони, чтобы он мог скакать по аллеям парка, которые она приказала украсить апельсиновыми деревьями в кадках.

Кантор получил огромного, внешне злобного, но чрезвычайно добродушного дога, которого он мог запрягать в маленькую позолоченную карету и кататься.

Слепо повинувшись последней моде, Анжелика завела себе одну из тех маленьких комнатных собачек с длинной шерстью, что произвели фурор при дворе. Она назвала ее Хризантемой, по имени экзотического цветка, что также соответствовало моде. Флоримон и Кантор, которым по вкусу были большие и грозные животные, искренне презирали это миниатюрное растрепанное создание. И наконец, чтобы отметить свой переезд, счастливая обладательница особняка решила дать грандиозный ужин с балом. Этот праздник должен был ознаменовать собой новое положение госпожи Моренс, которая отныне являлась уже не просто шоколадницей из предместья Сент-Оноре, а великосветской дамой из квартала Марэ.

Готовясь к приему, Анжелика вспомнила об Одиже, который по случаю мог бы помочь ей ценными советами. Анжелика неожиданно поняла, что не видела своего поклонника уже три месяца. В последнее время она несколько пренебрегала делами, но, к счастью, могла без малейшего угрызения совести сорить деньгами, так как два ее судна, вернувшихся из первого плавания Ост-Индской компании, вдвое приумножили ее капиталы.

Анжелика знала, что граф де Суассон сопровождает короля в поездке в Руссильон, и полагала, что Одиже отбыл вместе с его свитой. Правда, она немного удивилась, что ее компаньон, обыкновенно

внимательный и предупредительный, уехал из Парижа, не попрощавшись с ней.

На всякий случай она отправила дворецкому записку, в которой расспрашивала о новостях и сообщала, что была бы счастлива его видеть.

Одиже появился уже на следующий день. Его лицо было чопорным и мрачным.

— Что вы думаете о моем особняке? — весело поинтересовалась Анжелика. — Не правда ли, это один из самых красивых парижских отелей?

— По правде говоря, я ничего о нем не думаю, — замогильным голосом ответил Одиже.

На лице Анжелики отразилось неподдельное разочарование.

— Ну вот, вы снова сердитесь! Разве вы не рады моему успеху?

— Успех успеху рознь, — резко возразил дворецкий. — Я преклоняюсь перед тем успехом, который является плодом усердия и умения. Но ходят упорные слухи, что вы выиграли свой особняк в карты!

— Совершенно верно.

— Говорят, что в обмен на вашу ставку принц Конде, ваш партнер по игре, потребовал, чтобы вы стали его любовницей?

— И это справедливо.

— А чтобы вы сделали, если бы проиграли?

— Я стала бы его любовницей, Одиже! Вы прекрасно знаете, что карточный долг священен.

Круглое лицо дворецкого стало пунцовым, он глубоко вздохнул. Анжелика поспешила добавить:

— Но ведь я же не проиграла! И теперь этот великолепный дом принадлежит мне. Разве ради этого не стоило рискнуть, выставить себя... кокеткой?

— Посейте семена кокетства, и вы соберете урожай рогоносцев, — мрачно заявил Одиже.

— Ваши сентенции неразумны, мой бедный друг. Посмотрите в лицо действительности. Я не проиграла, а вы пока не рогоносец... хотя бы по той причине, что мы не женаты. И постарайтесь почаще вспоминать об этом!

— Разве я могу забыть? — простонал Одиже. — Я чахну, мечтая об этом. Анжелика! — он протянул к ней руки. — Анжелика, давайте поженимся, умоляю вас, давайте поженимся, пока еще не поздно!

— Пока еще не поздно? — удивленно повторила Анжелика.

Она стояла на верхней ступеньке лестницы, где остановилась, выйдя навстречу гостю.

Ее тонкая рука, украшенная кольцами, лежала на перилах из дорогого камня. Домашнее платье из черного бархата оттеняло нежную кожу. На шее переливалось жемчужное ожерелье.

Седая прядь, похожая на приколотую к прическе серебряную розу, мерцала в отливавших золотом волнистых волосах. Трогательный, волнующий облик...

Можно было подумать, что эта молодая вдова слишком хрупкая для того, чтобы жить одиноко в таком огромном полупустом особняке. Но изумрудные глаза отвергали саму мысль о жалости. Медленным взглядом она обвела величественное убранство вестибюля, мозаику из разноцветного камня, высокие окна, выходящие во двор, кессонный потолок с вензелями прежнего владельца, которые так и не удалось стереть.

— Пока еще не поздно, — чуть тише, эхом повторила молодая женщина, будто разговаривая сама с собой. — Нет! Я так не думаю.

Вздвогнув, словно от пощечины, Одиже внезапно осознал пропасть, разделявшую их. Несчастный дворецкий не мог понять, каким чудом скромная служанка из «Красной маски» сумела превратиться в эту высокомерную знатную даму. Он видел в ней только честолюбивую гордячку.

В своем наивном добродушии, начисто лишенный интуиции, он не мог даже вообразить, чей трагический образ стоял за спиной одинокой женской фигуры: образ Жоффрея де Пейрака, графа Тулузского, любимого мужа, сожженного на Гревской площади по обвинению в колдовстве. Но даже после смерти он остался истинным хозяином этого дома.

Хорошо представлявший себе нравы дворянства, знакомый с его острыми зубами, его закоренелой глупостью и его спесью, Одиже был убежден, что Анжелика, «бедное дитя», вскоре разобьется о непреодолимые сословные барьеры и вернется к нему жалкой и униженной, но наконец остепенившейся. Разве не сама она позвала его, разве не написала письмо с просьбой прийти? Быть может, она все-таки осознала свое безумие и теперь нуждается в дружеском и осмотрительном совете, который никто другой не сможет ей дать?

— Вы мне писали, — с надеждой в голосе спросил дворецкий, — вы хотели меня видеть?

— Да, Одиже, конечно! — воскликнула, Анжелика, радуясь поводу сменить тему. — Дело в том, что я собираюсь дать грандиозный ужин. Так вот, я бы хотела, чтобы вы занялись убранством столов и взяли на себя руководство слугами.

Молодой человек покраснел. Поняв свою ошибку, Анжелика попыталась выйти из неловкого положения.

— Ведь это правильно, что я обратилась именно к вам? Вы самый лучший дворецкий из всех, кого я знаю, никто лучше вас не умеет складывать столовые салфетки, придавая им столь изысканные и разнообразные формы...

На лице Одиже отразились самые противоречивые чувства. Ему хотелось одновременно оскорбить Анжелику, ударить ее, молча уйти, повиноваться и пустить себе пулю в лоб. Он с горечью подумал, что

женщины созданы лишь для того, чтобы выставлять мужчин дураками, какими бы умными они ни были.

Из всех возможных вариантов ответа дворецкий выбрал самый достойный.

— Сожалею, но на мою помощь не рассчитывайте, — хриплым голосом произнес он.

И, отвесив глубокий поклон, удалился.

Что ж, Анжелике пришлось обойтись без Одиже. Но праздник, который устроила госпожа Моренс в особняке Ботрейи, имел грандиозный успех.

Самые титулованные особы Парижа не погнушались появиться на нем. Госпожа Моренс танцевала с Филиппом дю Плесси-Бельером, который был ослепителен в своем наряде из бледно-голубого атласа с сиреневым отливом. Ярко-синее бархатное платье Анжелики, затканное золотом, удивительно гармонировало с костюмом ее кавалера по танцам. Они стали самой прекрасной парой вечера. Анжелика испытала приятное удивление, увидев, как надменное лицо кузена озаряется улыбкой, когда, высоко держа руку своей партнерши, Филипп вел ее в бранле^[35] через большую залу особняка.

— Сегодня вас уже трудно назвать баронессой унылого платья, — сказал Филипп.

И Анжелика сохранила эти слова в своем сердце, как драгоценное сокровище. Тайна происхождения госпожи Моренс, известная Филиппу, превращала его в сообщника Анжелики. Значит, он не забыл серенького утенка, чья рука дрожала в руке красавца кузена.

«До чего же я была глупой», — говорила себе Анжелика, с мечтательной улыбкой на устах вспоминая о тех временах, когда она была девочкой-подростком.

С тех пор как Анжелика окончательно обосновалась в своем особняке, ее вдруг охватила тоска. Одиночество роскошного дома подавляло ее. ОТЕЛЬ Ботрейи значил

для нее слишком много. Особняк, в котором они никогда не жили, тем не менее, был наполнен воспоминаниями и, казалось, обветшал от боли и горя.

«Воспоминания о жизни, которая могла бы быть, но которой не было», — думала она.

Теплыми весенними ночами Анжелика часами неподвижно сидела перед камином или у окна в сад. Привычная жажда жизни покинула ее. Она оказалась во власти таинственной злой силы, природу которой не могла понять. Ее тело томилось от одиночества, а разум и сердце принадлежали призраку, чье присутствие она постоянно ощущала. Не раз случалось ей вскакивать посреди ночи и, замерев на пороге спальни с подсвечником в руке, вглядываться во тьму коридоров и галерей. Она не знала, кого или что надеется увидеть... Кто здесь?.. Увы, никого! Кругом тишина. В своей спальне, под охраной преданных служанок спят дети. Она вернула им дом их отца.

Анжелика возвращалась в свою роскошную постель. Ей было холодно. С неясной тоской она проводила рукой по своему гладкому и упругому телу, истосковавшемуся по ласке. В мире живых нет больше мужчины, способного утолить ее желания. Она осталась совсем одна!

Та часть квартала Маре, где находился отель Ботрейи, изобиловала средневековыми руинами, потому что именно здесь некогда располагался дворец Сен-Поль, любимая резиденция королей Карла VI и Карла VII. Построенный для государей и их отпрысков, дворец Сен-Поль состоял из множества строений, которые соединялись галереями, разделенными дворами и садами, славившимися вольерами для птиц, зверинцами и площадками для игр и турниров. Самые влиятельные королевские вассалы строили собственные особняки поблизости от дворца сюзерена. Эти прекрасные

архитектурные ансамбли, такие как Санс^[36] или Реймс, с их островерхими крышами и высокими башенками, до сих пор соседствовали с новыми зданиями. То тут, то там отжившие свой век средневековые каменные строения, напоминающие рвущиеся вверх перекрученные языки пламени, шли в атаку на классические фасады, спроектированные Мансаром или Перро^[37].

В глубине сада Ботрейи сохранился такой же старинный каменный колодец с изысканным, словно у ювелирного украшения, кружевным декором. Поднявшись по трем полукруглым ступеням, можно было присесть на край колодца и тихо мечтать под сводом из кованого железа, поглаживая высеченных из камня саламандр и цветы чертополоха.

Однажды лунной ночью, прогуливаясь по саду, Анжелика увидела рядом с колодцем высокого старика с седой гривой волос, набиравшего воду. Этот слуга отвечал за доставку дров и следил за свечами. Когда Анжелика переехала в отель Ботрейи, старик уже жил здесь. Это его имел в виду принц Конде, рассказывая о слуге бывшего владельца особняка.

Анжелика редко разговаривала со стариком, которого многие слуги называли просто «дедушкой». Теперь она спросила, как же его зовут на самом деле.

— Паскалу Арранжан к вашим услугам, госпожа.

— Такое имя сразу говорит, откуда ты родом. Ты ведь гасконец или... нет, скорее, беарнец?

— Я из Байонны, госпожа. Короче говоря, я — баск.

Анжелика провела языком по пересохшим губам и спросила себя, стоит ли ей продолжать разговор. Старик все еще вытягивал ведро. Вода лилась на край колодца, сверкая при свете луны.

— А правда ли, что человек, построивший этот особняк, был из Лангедока?

— Конечно, еще бы. Он был из Тулузы!

— Как его звали?

Бывшей графине де Пейрак хотелось услышать имя мужа, чтобы с горьким, но сладостным замиранием сердца убедиться, что он еще живет в воспоминаниях этого несчастного, которого граф когда-то приблизил к себе и, возможно, любил. Но старик поспешно перекрестился и со страхом огляделся по сторонам.

— Тише! Не следует произносить его имя. Оно проклято!

Сердце Анжелики обливалось кровавыми слезами.

— Так, значит, это правда? — еще раз спросила она, продолжая играть выбранную роль. — Говорят, его сожгли за колдовство...

— Так говорят.

Старик пристально смотрел на нее.

Казалось, в выцветших глазах мелькнул вопрос. Старик словно бы сомневался, стоит ли сообщить ей нечто важное или нет.

Внезапно он улыбнулся, так что морщинистое лицо исказилось в хитрой усмешке.

— Так говорят... но это неправда.

— Почему?

— Тогда на Гревской площади сожгли другого человека, уже покойника.

На этот раз сердце Анжелики чуть не выскочило из груди.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я его видел.

— Кого?

— Его... проклятого графа.

— Видел? Где?

— Здесь... Ночью... В подземной галерее... я видел его.

Анжелика вздохнула и устало прикрыла глаза. Какое безумие искать надежду в бреднях несчастного

слуги, который считает, что видел призрака! Дегре был прав: ей лучше не говорить и даже не думать о НЕМ.

Но старый Паскалу разговорился.

— Это было ночью, вскоре после казни. Я спал на конюшне, во дворе. Я был совсем один, потому что привратник сбежал. А я остался. Куда мне идти? И тут я услышал какой-то шум в галерее... я узнал его шаги.

Беззвучный смех расколол беззубый рот.

— Как не узнать его шаги?.. Шаги Великого Лангедокского Хромого!.. Я зажег свой фонарь и спустился в галерею. Шаги раздавались совсем близко, но я никого не видел, потому что галерея там поворачивает. А когда зашел за угол, то увидел его! Он стоял, опираясь на дверь часовни, и вдруг повернулся ко мне...

Кожа Анжелики покрылась мурашками.

— Ты узнал его?

— Я узнал его, как собака узнает хозяина, хотя и не видел его лица. На нем была маска... из стали... Но он тут же растворился в толще стены, и больше я его не видел.

— Ах! Уходи, — простонала Анжелика, — ты так напугал меня, что теперь я умираю от страха.

Старик удивленно посмотрел на хозяйку, вытер нос рукавом, взял ведро и послушно удалился.

В неопишуемой панике Анжелика вернулась в свою комнату. Так вот почему она чувствует себя такой подавленной в этих стенах, вот почему ее душу переполняют то радость, то боль. В доме обитает призрак Жоффрея де Пейрака. Жоффрей де Пейрак — призрак! Трагическая участь для человека, который всегда был таким жизнерадостным, обожал жизнь во всех ее проявлениях, и как никто другой умел дарить наслаждение. Молодая женщина уронила голову на руки и почувствовала, что не может сдержать рыданий.

Вдруг в непроглядном мраке ночи раздалось пение — пение неземное, столь же прекрасное, как, должно быть, поют ангелы над бескрайними полями в канун Рождества.

Анжелика испугалась, что у нее начались галлюцинации. Но, выйдя в коридор, она ясно различила голос ребенка, который продолжал выводить мелодию.

Взяв подсвечник, она направилась к спальне сыновей.

Молодая мать тихонько отодвинула полог и замерла, очарованная открывшейся ее глазам картиной.

Ночник из позолоченного серебра приглушенным светом заливал альков, служивший спальней ее малышам. Кантор в белой рубашке, сложив пухленькие ручки на животе и подняв глаза к потолку, стоял на огромной постели и пел, подобно ангелу. Его голос отличался небывалой чистотой, а невнятная детская дикция делала слова песенки особенно трогательными:

*Сегодня день Рождества,
Когда родился Иисус.
Он родился в хлеву,
Прямо на соломе;
Он родился в углу,
Прямо на сене.*

Флоримон, облокотясь на подушку, с видимым удовольствием слушал пение брата.

Какой-то приглушенный звук отвлек Анжелику от дивной картины: это всхлипывала в углу Барба, вытирая слезы умиления.

— Госпожа не знала, что наше сокровище прекрасно поет? — прошептала она. — Я хотела приготовить госпоже сюрприз. Но он сердится, он соглашается петь только для Флоримона.

Новая радость вытеснила боль из сердца Анжелики. Душа трубадуров воплотилась в Канторе. Он рожден, чтобы петь. Жоффрей де Пейрак не умер, он возродился в своих сыновьях. Один похож на него, другой унаследовал его голос...

Анжелика сразу решила добиться от господина Люлли, придворного музыканта короля, чтобы он давал Кантору уроки.

Глава 15

В это время мадам де Монтеспан потеряла свою мать, и траур, совпавший с трауром королевского двора, заставил неугомонную уроженку Пуату больше бывать дома. Измученная кредиторами и скукой домашнего быта, она старалась почаще заходить к Анжелике. Атенаис умело скрывала все свои неприятности за напускной веселостью. Она часто говорила о своем детстве. Ее отец был прожигателем жизни, а мать — ханжой. Супруги почти не видели друг друга, потому что мать все дни проводила в церкви, отец где-то пропадал по ночам. Интересно, когда же они нашли время, чтобы обзавестись детьми. Кроме того, Атенаис много болтала о королевском дворе, но ее рассказы были полны недомолвок, и в них сквозило плохо скрываемое раздражение: королева — дура, а Лавальер — просто несчастная идиотка. И когда наконец король решится избавиться от нее? Недостатка в желающих занять ее место нет... Ходят слухи, что мадам де Рур и мадам де Суассон обращались к Лавуазен, чтобы отравить Лавальер.

В Париже вообще много говорили о ядах. Но в квартале Маре лишь очень пожилые дамы приказывали выносить к трапезе небольшой ящичек, в котором хранились кубки, наполненные жабыми камнями или измельченным рогом единорога, а также золотые и серебряные солонки со змеиными языками — средства, которые по традиции считались противоядием.

Молодое поколение притворялось, что презирает такие способы. Между тем многие умирали при загадочных обстоятельствах, а врачи обнаруживали, что их внутренние органы словно выжжены огнем. Вне

всякого сомнения, кто-то, по присказке полицейского Дегре, «выстрелил им из пистолета в бульон».

Одной из соседок Анжелики была маркиза де Бренвилье. Она жила всего в двух шагах от дома госпожи Моренс, на улице Карла V. Но лишь капризный случай свел Анжелику с дамой, в нападении на которую около Нельских ворот она участвовала вместе с бандой Весельчака.

Мадам де Бренвилье не узнала свою давнюю обидчицу — во всяком случае, Анжелика на это надеялась, хотя во время визита к соседке бывшая Маркиза Ангелов чувствовала себя крайне неловко и постоянно думала о золотом браслете, который покоился в сундучке рядом с кинжалом Родогона-Египтянина.

Госпожа Моренс пришла к дочери лейтенанта полиции господина д'Обре с просьбой. Господин де Дрё д'Обре, сир д'Оппеарон и де Виллье, гражданский лейтенант Парижа, не так давно скончался. Его сын унаследовал отцовские титулы и должность, и Анжелика надеялась, что мадам де Бренвилье сможет убедить брата освободить одного несчастного, заключенного в тюрьму для бедных. Госпожа Моренс, которая некогда знала горемыку, хотела бы взять его к себе на службу.

Этим нищим был не кто иной, как Легкая Нога.

Однажды, проезжая в карете по площади Пилори, Анжелика заметила у позорного столба мужчину, закованного в железный ошейник, длинное лицо которого с вечно печальными глазами было ей знакомо. Легкая Нога! Анжелика буквально задохнулась от возмущения, ведь этот человек не был бандитом. Он превратился в немощного калеку, когда служил скороходом, и именно поэтому погряз в нищете. Даже в Нельской башне Анжелика никогда не видела, чтобы он воровал. Да, порой он попрошайничал, но Весельчак

считал справедливым держать несчастного при себе, кормить его и давать ему кров, не требуя ничего взамен. Анжелика приказала остановить карету и спрыгнула на землю. Не обращая внимания на любопытных зевак, она обратилась к осужденному:

— Легкая Нога, друг мой, как ты оказался здесь, у столба?

— А! Это ты, Маркиза Ангелов, — ответил несчастный. — Да разве я знаю? Меня арестовал сержант, который охотится за бедняками. А потом меня приволокли сюда. Если бы я знал за что, было бы совсем другое дело.

— Потерпи немного, я вернусь и освобожу тебя.

Чтобы не терять драгоценное время на пустые прошения, Анжелика бросилась прямо к господину д'Обре. Она добилась того, чтобы дознание, касающееся бедного парня, провели побыстрее, и уже на следующий день был подписан приказ о его освобождении. Мадам де Бренвилье пригласила Анжелику к себе на ближайший прием. Там госпожа Моренс смогла бы познакомиться со многими очаровательными людьми, в том числе и с шевалье де Сен-Круа. Ни для кого не секрет, что шевалье — любовник хозяйки дома...

Анжелика сделала Легкононогого камердинером сыновей, и теперь он щеголял в нарядной ливрее. Проку от него было немного, но бывший скороход был очень добрым и кротким человеком, а главное — умел рассказывать детям забавные истории. Большого от него и не требовалось.

Так Анжелика пристроила Легкононогого; да и другие «пропащие души» из Нельской башни приходили за помощью в отель Ботрейи.

Неисправимые побирушки, калеки, бродяги — многие бедняки быстро проторили дорожку к ее дому и три раза в неделю приходили за горячим супом, хлебом

и одеждой. На сей раз Анжелика не стала просить Деревянного Зада, чтобы он избавил ее от нищих. Помощь бедным обязанностью любой знатной дамы, а она так хотела помочь всем своим бывшим товарищам по несчастью.

И если нарочито дружеская манера Одиже с недавних пор стала тяготить госпожу Моренс, напоминая ей о незавидном прошлом служанки, то бедняки оставались ее братьями, «братишками», и она никогда не гнушалась перекинуться с ними парой слов на воровском жаргоне. Правда, понизив голос, чтобы ее не услышали собственные слуги. В ответ нищие обычно раздражались взрывами устрашающего смеха, который был ей так хорошо знаком...

Разве можно забыть Нельскую башню, запах овощного рагу, кипящего в котелке, ссохшихся старушек, которые обглаживают мертвых крыс, принесенных испанцем Крысобоєм? А безумные причудливые танцы папаши и мамыши Тру-ля-ля, пиликанье виелы, раскаты хохота, хриплые крики?..

Она открывала двери своего дома. И зимним морозным утром, в снежной тишине, когда зловонное дыхание нищих окутывало их густым облаком пара, смотрела, как эти люди, похожие на диких зверей, идут к ней.

— Нищета отвратительна, — говорил господин Венсан де Поль.

Да, они были отвратительны. Но Анжелика хорошо знала, как невзгоды, злоба и нужда могут опустошить и тело, и душу. Ведь когда-то она сама попала в этот страшный водоворот, из которого почти невозможно выбраться.

И добрый старческий голос, пробудивший свой век для милосердия, — голос преподобного Венсана нашел отклик в ее душе. «Бедняки... которые не знают, куда идти, что делать, которые оказались в тисках нищеты и

которых — увы! — становится все больше, это мое бремя и моя боль!»

Опустившись на колени на каменных плитах, она мыла им ноги и перевязывала раны. Лишь они, да еще ее сыновья, будили любовь в ее ожесточившемся сердце.

Вскоре после истории с Легкой Ногой Анжелика повстречалась и с Черным Хлебом. Старик ничуть не изменился. Он был по-прежнему увешан раковинами и четками мнимого паломника. Пока молодая женщина перевязывала нищему незаживающую язву на ноге, тот сказал ей:

— Слушай, сестренка, я притащился, чтобы предупредить тебя: если ты дорожишь собственной шкурой, не след тебе туда шляться.

— Ты о чем, Черный Хлеб? Что я опять не так сделала?

— Ты-то ничего плохого не сделала. Зато твоя подружка...

— Кто?

— Подружка, она уж с неделю тебя обхаживает. Давеча сам видел, как она из твоего дома выходит.

Анжелика вспомнила, что в тот день к ней с ответным визитом приходила мадам де Бренвилье.

— Дама невысокого роста, в малиновой накидке?

— Вот уж не знаю, малиновая у нее накидка или нет, но кое-чего я знаю наверняка и вот говорю тебе: берегись ты этой пигалицы... как самого дьявола.

— Послушай, Черный Хлеб, это ведь мадам де Бренвилье, родная сестра лейтенанта полиции.

— Ну и пущай! А я тебе говорю, берегись ее.

— С какой стати?

— Это долгая история. Как-то раз на улице было холодно, а я заснул на паперти церкви Святой Оппортуны. Проснулся уже в Отель-Дьё. Одежда, матрас, занавески, колпак на голове... моим вошкам

никогда еще так тепло не было. Да только ходули никак меня не слушались... Пришлось куковать в Отель-Дьё... А что поделаешь!.. И была там одна дама, которая повадилась нас навещать. Приносила варенье, ветчину... добрая такая дама. Но что-то вот все больные, которые ели ее гостинцы, дохли как мухи. Ну, у меня-то глаз наметанный, я один это все и заметил. И вот в один прекрасный день подходит она ко мне и говорит елейным таким голоском: «Вот немного сладостей, бедняжка мой». — «Ну уж нет, — говорю я ей, — дудки, я пока что не собираюсь на встречу с Господом Богом! Не хочу помирать! Еще чего!» Ух, какие она глазищи-то вылупила! Адский огонь в них полыхнул. Потому я тебе и говорю: берегись, Маркиза Ангелов, это не та подружка, к которой стоит в гости ходить.

— Какой ты все-таки выдумщик, бедняга Черный Хлеб!

— Это я — выдумщик?.. Нет уж!.. Я своим глазам верю. А еще я знаю одного слугу, которого звать Лашоссе, он из челяди господина де Сен-Круа, ухажера этой Бренвилле, так вот этот Лашоссе порассказал мне много всяких странных историй.

Анжелика задумалась. Имя де Сен-Круа она слышала во время нападения на дом старого Глазера, где сама же и обнаружила мышьяк. А Дегре однажды сказал: «В наше время преступников следует искать не на улицах, но совершенно в иных местах. Например, в роскошных салонах».

Анжелика вздрогнула. Прекрасный, тихий квартал Маре! Сколько же трагедий скрывается за массивными воротами, увенчанными каменными гербами! Видно, не найти на этой земле спокойного места...

— Договорились, Черный Хлеб. Я больше не стану ходить в гости к этой даме. Спасибо тебе за предупреждение.

И она отправилась в кухню за бутылкой вина и большим куском копченого сала.

— Твоя котомка что-то не слишком тяжела, Черный Хлеб.

Старик посмотрел на уходящую вдаль заснеженную улицу, которая была его единственным жилищем, и подмигнул:

*Ах, бедные нищие, их удел — злоключение,
Богаты они лишь грядущим везением.*

Вслед за пройдохой пилигримом появился полицейский, вечно сующий свой длинный нос в чужие дела. После переезда в Маре Анжелика окунулась в светскую жизнь и редко виделась с Дегре, причем каждый раз эти встречи вызывали у нее некоторую неловкость. Несмотря на тактичность полицейского, она никак не могла забыть то жестокое, но вместе с тем сладостное испытание, которому он ее подверг. Рядом с ним она чувствовала себя слабой, а потому опасалась своего бывшего адвоката.

Услышав о визите Дегре, Анжелика поморщилась и спустилась к нему с мрачным видом. Полицейского провели в малый кабинет, туда, где госпожа Моренс обычно принимала служащих и поставщиков.

— У вас не слишком довольный вид, мадам, — весело усмехнулся Франсуа Дегре. — Неужели из-за моего визита? А я всего лишь пришел поздравить вас с приобретением чудесного дома. У вас просто талант проворачивать удачные сделки. Одному Богу ведомо, как вам это удается...

— Может, Богу и неведомо, — ответила Анжелика, — зато не сомневаюсь, что вы знаете все. Не стоит лицемерить, господин полицейский, говорите откровенно, с какой целью вы удостоили меня своим визитом.

— Итак, когда речь заходит о деле, вы, как всегда, прямолинейны. Хорошо! Давайте перейдем к делу. Среди ваших соседок и подруг, насколько мне известно, числится прелестная мадам де Бренвилье. Не могли ли бы вы при случае представить ей меня?

— Почему вы обращаетесь с такой просьбой именно ко мне? Будучи полицейским, вы без труда можете познакомиться с ней при посредничестве ее брата.

— Совершенно верно, но я не хочу представляться ей в таком качестве. Я мог бы, скажем, превратиться в одного из ваших молодых благородных друзей, очарованных прекрасными глазами мадам де Бренвилье, который горит желанием поухаживать за ней.

— Но зачем, — переспросила Анжелика, бессознательно сжимая руки, — вы просите об этом именно меня?

— Так ведь вы довольно много знаете, милая, и могли бы быть мне полезны.

— Я не желаю никому быть полезной! — взорвалась Анжелика. — Я не желаю вводить вас в салоны, чтобы вы там проворачивали свою грязную работу. Я вообще не намерена впредь появляться у этой женщины... Я не желаю иметь ничего общего со всеми вами... и со всеми этими ужасами. Оставьте меня в покое...

Анжелика дрожала всем телом. Молодой человек удивленно посмотрел на нее.

— Что на вас нашло? Честное слово, вы просто клубок нервов! Бывало, я видел вас напуганной и даже отчаявшейся, но трусихой вы никогда не были. Если вы боитесь, значит, на это есть веские причины. Хотя, как мне кажется, сейчас вы добились всего, чего хотели. В этом доме вы в полной безопасности.

— Нет, я не в безопасности, потому что вы снова вернулись. Вы всегда возвращаетесь! Пользуетесь своей осведомленностью о моем печальном прошлом,

чтобы заставлять меня признаваться... сама не знаю в чем. Я ничего не знаю, ничего не хочу знать, ничего не хочу слышать, не хочу ничего видеть... Неужели вы не понимаете, что однажды я уже лишилась всего, впутавшись в чужие интриги?.. Мне предстоит долгий путь, и если я дрожу, то потому, что я боюсь вас — тех, кто собирается объединиться, чтобы снова лишит меня всего... Оставьте меня, забудьте обо мне. Ах, Дегре, умоляю вас!

Молодой человек задумчиво слушал ее речь, и вдруг Анжелике показалось, что где-то в глубине его карих глаз промелькнуло странное, непривычное для него выражение, похожее на грустный взгляд побитой собаки. Он поднял руку, как будто собирался погладить ее щеку, но вдруг передумал.

— Вы правы, — сказал он со вздохом. — Вам причинили много зла. Живите в мире и покое. Я не буду вас больше мучить, сердце мое.

Он ушел, и больше она его не видела.

В душе шевельнулась невысказанная боль, но Анжелика почувствовала облегчение.

Она больше не хотела вспоминать о прошлом, которое сорвала с себя, как позорные одежды.

Пусть Бренвилье перетравит хоть всю свою семью, если это ей доставляет удовольствие. Наплевать. Пускай кто-нибудь другой поможет полицейскому сорвать с нее маску. У Анжелики есть другие дела. Она мечтает быть принятой в Версале.

Но при восхождении на вершину самыми трудными бывают именно последние шаги. Нужна передышка. Анжелика не сомневалась: чтобы достигнуть цели, ей придется дать последний, самый жестокий, самый трудный бой...

И после того, как случай свел ее с братом, иезуитом Раймоном де Сансе, она почувствовала, что стала сильнее.

Глава 16

Как-то вечером, когда Анжелика посыпала песком письмо своей дорогой подруге Нинон де Ланкло, ей неожиданно доложили о приходе некоего священнослужителя, который настоятельно просит его принять. У входной двери ждал священник, сообщивший, что ее хочет видеть брат, Раймон де Сансе.

— Прямо сейчас?

— Да, незамедлительно, мадам!

Анжелика поднялась в свою комнату за накидкой и маской. Какой странный час назначил иезуит для первой за столько лет встречи с сестрой, вдовой колдуна, сожженного на Гревской площади!

По словам священника, идти было недалеко. Вскоре они оказались перед скромным домом. То был маленький средневековый особняк, примыкавший к новой коллегиальной церкви иезуитов. В прихожей провожатый Анжелики сразу исчез, подобно черному призраку. Госпожа Моренс поднялась по ступеням, не отрывая взгляда от лестничной площадки, на которой возвышалась высокая худая фигура с подсвечником в руке.

— Вы ли это, сестра моя?

— Это я, Раймон.

— Прошу вас, проходите.

Не задавая лишних вопросов, она последовала за братом. Между ними сразу восстановилась тайная связь, объединявшая всех членов семьи Сансе де Монтелу. Священник провел гостью в каменную келью, освещенную слабым светом ночника. В глубине алькова Анжелика смогла разглядеть нежное бледное лицо с

закрытымі ​​глазамі. Молодая ​​жэнка, ​​пачты дзіця...

— Яна хворая. Магчыма, ​​умірае, ​​— сказаў іезуіт.

— Хто гэта?

— Наша сястра, ​​Мары-Аньес.

І пасля хвіліннага ​​молчання дадаў:

— Яна прыйшла шукаць ​​у мяне ​​убежышча. Я ўложыў ​​яе ​​у ложку, ​​но, ​​улічваючы ​​прыроду ​​яе ​​хваробы, ​​мяне ​​патрабавалі ​​памоца ​​і ​​савет ​​жэнка. І тады ​​я падумаў ​​аб ​​яе ​​.

— Ты ​​правільна ​​зрабіў. ​​Што ​​з ​​яе ​​праизошло?

— У ​​яе ​​сильнае ​​кравотачэньне. Я ​​палагаю, ​​што ​​яна ​​прабавала ​​пярэць ​​бярэменнасьць.

Анжэліка ​​паглядзела ​​на ​​сваю ​​маладую ​​сястрычку. У ​​яе ​​былі ​​чужыя ​​матэрынасьці ​​рукі, ​​толькі ​​халодныя ​​— ​​у ​​адмываньне ​​ад ​​маці.

Кравотачэньне ​​казалася ​​не ​​сильным, ​​но ​​яно ​​было ​​доўгачасным ​​і ​​нікак ​​не ​​заканчалася ​​.

— Кровь ​​нужна ​​не ​​адразу ​​заставіць ​​спыніць ​​ся, ​​інакшэ ​​яна ​​умрэ.

— Я ​​думаў ​​аб ​​тым, ​​што ​​бы ​​вызвалі ​​лекара, ​​но...

— Лекарь!.. Да ​​яно ​​толькі ​​пусціць ​​яе ​​кровь, ​​а ​​гэта ​​точно ​​завядзе ​​яе ​​у ​​могілу.

— Увы, ​​я ​​не ​​могу ​​прывесці ​​сюды ​​акушэрку, ​​поскольку ​​яны ​​звычайна ​​любозычны ​​і ​​балаблытны. Нашы ​​правілы ​​дасаточна ​​свабодны, ​​но ​​адначасна ​​вельмі ​​суровы. Мяне ​​ніхто ​​не ​​упрэкне ​​за ​​тое, ​​што ​​я ​​таёмна ​​аказаў ​​памоца ​​своей ​​сястрычку, ​​но ​​сплетэны ​​не ​​дапускаць ​​нельзя. Мне ​​вельмі ​​затрудніцельна ​​трымаць ​​яе ​​у ​​гэтым ​​доме, ​​прылегаючым ​​да ​​большой ​​семінарыі. Думаю, ​​ты ​​зразумееш ​​мяне...

— Як ​​толькі ​​яна ​​палучыць ​​першую ​​памоца, ​​я ​​завячу ​​перанесці ​​яе ​​у ​​мой ​​апартаменты. А ​​сячас ​​нужна ​​напісаць ​​за ​​Большым ​​Матэем.

Спусты ​​чвэрць ​​гады ​​Фліпа ​​ужэ ​​мчался ​​да ​​Новага ​​моста, ​​то ​​і ​​спыніў ​​ся, ​​што ​​бы ​​яго ​​знавалі

местные бродяги. Однажды Анжелика уже обращалась за помощью к Большому Матье: тогда опрокинулась карета и Флоримон поранился. Так что Анжелика знала по опыту, что у лекаря есть надежные кровоостанавливающие средства. И еще она знала, что если попросить, то Большой Матье будет молчать как рыба.

Большой Матье вскоре появился и начал хлопотать вокруг молоденькой пациентки с энергией и ловкостью человека, за чьей спиной угадывались долгие годы практики. По привычке он без умолку болтал:

— Ах, малышка, почему же вы вовремя не воспользовались чудодейственным электуарием целомудрия, которым Большой Матье торгует на Новом мосту? Он приготовлен из камфары, лакричника, семян винограда и цветов кувшинок. Достаточно взять всего лишь две или три драхмы моего электуария и принимать его утром и вечером вместе со стаканом молочной сыворотки, опустив в нее перед тем кусок раскаленного железа... Маленькая госпожа, поверьте, ничто так не остужает излишний пыл Венеры, за который мы порой платим столь высокую цену...

Но бедная Мари-Аньес была не в состоянии слушать эти запоздалые рекомендации. Кожа на ее щеках стала полупрозрачной, вокруг глаз залегли фиолетовые круги, и лицо, казавшееся крошечным в ореоле густых черных волос, напоминало лишенную жизни восковую маску.

Наконец Анжелика заметила, что кровотечение останавливается — щеки сестры слегка порозовели.

Большой Матье оставил Анжелике отвар, который больной надлежало пить каждый час, «дабы возместить потерю крови».

Напоследок лекарь сказал, что хотя бы несколько часов несчастную женщину не надо беспокоить.

***

После его ухода Анжелика присела у небольшого столика, где на специальной подставке стояло черное распятие, отбрасывающее на стену гигантскую тень. Некоторое время спустя вернулся Раймон и сел на противоположном конце стола.

— Я думаю, что рано утром ее можно будет перенести ко мне, — сказала Анжелика, — но придется подождать, пока она немного наберется сил.

— Что ж, подождем, — согласился Раймон.

Он задумчиво склонил голову. Его чеканный профиль не казался теперь таким изможденным, как прежде. Прямые черные волосы ниспадали на белый воротник сутаны. Он почти не изменился, разве что начал лысеть, отчего тонзура немного увеличилась.

— Раймон, как ты узнал, что я живу в отеле Ботрейи под именем госпожи Моренс?

Иезуит сделал неопределенный жест красивой белой рукой.

— Мне было нетрудно получить необходимые сведения. Я восхищаюсь тобой, Анжелика. То страшное событие, жертвой которого ты оказалась, теперь в прошлом.

— Но не так далеко, как хотелось бы, — с горечью возразила молодая женщина, — потому что я до сих пор не могу показаться в свете. Многие дворяне, менее родовитые, чем я, смотрят на меня как на выскочку, как на торговку шоколадом. Я не могу вернуться ко двору, не могу попасть в Версаль.

Раймон бросил на сестру пронизательный взгляд. Он знал способы обойти светские условности.

— А почему бы тебе не выйти замуж за какого-нибудь дворянина с громкой фамилией? Недостатка в поклонниках ты не испытываешь, а твоя красота в придачу с состоянием могут соблазнить любого

вельможу. Тогда ты опять обрешь имя и положение в обществе.

Внезапно Анжелика подумала о Филиппе и почувствовала, как краснеет от этой новой для нее мысли. Выйти замуж? За маркиза Плесси-Бельера?.. Это было бы чудесно...

— Раймон, отчего я не подумала об этом раньше?

— Наверное, просто до сих пор не можешь поверить в то, что ты — вдова, а значит — свободная женщина, — твердо заявил священник. — Сегодня у тебя есть все возможности для того, чтобы добиться высокого положения законным путем. Причем у замужества есть завидные преимущества, а я от всей души готов тебе помочь.

— Спасибо, Раймон. Это было бы чудесно, — мечтательно повторила Анжелика. — Я вернулась издалека, Раймон, ты даже не можешь себе представить, из какой бездны. Из всей нашей семьи я одна пала так низко. Впрочем, никто из нас не может похвастаться, что его судьба сложилась блестящим образом. Почему нам так не везет?

— Благодарю за это «нам», — ответил ее собеседник, сдержанно улыбнувшись.

— О! Я не считаю, что стать иезуитом — особое везение. Вспомни, наш отец не был в восторге от твоего выбора. Он предпочел бы видеть тебя на солидной и прибыльной церковной должности. Жослен пропал, сбежал в Америку. Дени — единственный военный из всей семьи, снискал репутацию сорвиголовы и шулера, а что может быть хуже? Гонтран? Давай не будем о нем говорить. Он пошел на то, чтобы утратить связи со своей средой ради удовольствия пачкать холсты, словно ремесленник. Альбер — паж у маршала Рошана. Он ублажает шевалье, если только не попал еще в сети упитанной маршальской жены. Мари-Аньес...

Анжелика замолчала, прислушиваясь к едва слышному дыханию, доносившемуся из алькова, и продолжила чуть тише:

— Надо сказать, я совсем не знаю ее. Пюльшери всегда сетовала на ее легкомыслие. Полагаю, при дворе она сменила немало любовников. Ты знаешь, кто отец этого ребенка?

— Думаю, что этого не знает и сама Мари-Аньес, — достаточно резко ответил иезуит. — Но я позвал тебя еще и для того, чтобы выяснить: это выкидыш или тайные роды. Содрогаюсь при мысли, что она могла оставить маленькое живое существо в руках этой ужасной Катрин Монвуазен.

— Она обратилась к Лавуазен?

— Думаю, да. В бреду Мари-Аньес повторяла ее имя.

— И кто только к ней не обращается? — пожала плечами Анжелика. — Недавно у нее побывал даже герцог Вандомский, правда, переодевшись савояром. Он надеялся вытянуть из колдуньи какие-то сведения про сокровища, которые якобы спрятал господин де Тюренн. Месье, брат короля, приказал привезти колдунью в Сен-Клу, чтобы она показала ему самого дьявола. Не знаю, получилось ли у нее, но Месье заплатил ей столько, как будто он действительно видел владыку ада. Прорицательница, «поставщица ангелов»^[38], продавщица ядов... У нее много талантов.

Раймон без тени улыбки выслушал рассказ сестры, потом прикрыл глаза и глубоко вздохнул.

— Анжелика, сестра моя, я в ужасе, — медленно проговорил он. — Век, в котором мы живем, стал свидетелем таких постыдных обычаев, таких бесчеловечных преступлений, что времена грядущие содрогнутся, услышав о них. Только за этот год несколько сотен женщин рассказали мне на исповеди, что избавились от плода в своем чреве. И это еще

пустяки, неизбежный результат распущенности нравов и многочисленных супружеских измен. Но около половины кающихся грешников признались, что отравили одного из членов своей семьи, пытались устранить ту или иную нежелательную особу, обращаясь к черной магии и дьявольским обрядам. Неужели мы еще такие варвары? Расшатывая устои Веры, опускаясь до святотатства, мы обнаруживаем порочную суть нашей природы. Существует страшная пропасть между законами и поступками. И задача Церкви указать истинный путь в этом хаосе...

Анжелика с удивлением слушала откровения влиятельного иезуита.

— Почему ты говоришь все это именно мне, Раймон? А если я тоже из тех женщин, которые...

Взгляд монаха остановился на сестре. Казалось, некоторое время он изучал ее, а затем покачал головой.

— Ты — как алмаз, — сказал он. — Твердый, благородный, неуступчивый кристалл... но простой и прозрачный. Не знаю, какие ошибки ты совершила за те годы, пока мы все считали тебя пропавшей без вести, но я убежден, что, если ты их и совершила, то лишь потому, что не могла действовать иначе. Ты похожа на бесхитростных бедняков, Анжелика, — грессишь, сама того не понимая. В отличие от богатых и знатных...

Детская, наивная радость переполнила душу Анжелики, когда она услышала эти удивительные слова, прозвучавшие, как глас Милосердия, как прощение, ниспосланное Свыше. Ночь дышала покоем. Аромат ладана, окутывавший келью, тень креста, реявшая меж ними и охранявшая изголовье сестры, попавшей в беду, — впервые за много лет Анжелика почувствовала благодать и умиротворение.

Неожиданно для себя самой Анжелика опустилась на колени.

— Раймон, не мог бы ты меня исповедать?

Часть четвертая
Прекрасный кузен

Глава 17

Первые месяцы, прожитые в отеле Ботрейи, который олицетворял собой еще один шаг вверх по социальной лестнице, были проникнуты духом обновления.

Мари-Аньес сумела разбить кольцо одиночества, окружавшее шоколадницу госпожу Моренс. Анжелика была рада, что смогла удобно устроить сестру под своим кровом.

С присутствием Мари-Аньес в дом потянулись вереницы гостей, так что особняк беззаботно и весело включился в светскую жизнь, для которой он и был предназначен.

Но к самой Мари-Аньес ее бывшее жизнелюбие так и не вернулось. По-прежнему печальная и подавленная, она словно забыла свой хрустальный смех, который очаровывал весь королевский двор, и проявляла лишь дурные стороны характера: требовательность и импульсивность. Поначалу она даже не удосужилась выразить старшей сестре хоть малейшую признательность за ее доброту. Как только Мари-Аньес набралась сил, Анжелика по первому же поводу влепила ей звонкую пощечину. Вот тогда она заявила, что Анжелика — единственная женщина, с которой они смогут поладить. Вновь став ласковой и нежной сестренкой, Мари-Аньес долгими зимними вечерами устраивалась поудобнее рядом с Анжеликой, и они засиживались у огня, играя на мандолине или вышивая. Обсуждая общих знакомых, сестры, остроумные и колкие на язык, иногда до упаду хохотали над удачными шутками.

Выздоровев, Мари-Аньес не изъявила желания оставить «свою подругу госпожу Моренс». Об их

близком родстве никто не знал, и это забавляло сестер. Когда королева осведомилась о здоровье своей фрейлины, Мари-Аньес велела передать, что чувствует себя хорошо, но собирается удалиться в монастырь. Эта причуда оказалась серьезнее, чем можно было ожидать. Мари-Аньес категорически отказывалась посещать танцевальные вечера, но зато погрузилась в изучение Апостольского послания святого Павла и вместе с Анжеликой ходила на богослужения.

Анжелика была очень рада, что набралась мужества и исповедалась Раймону. Теперь с чистой совестью и без ложного стыда она могла регулярно ходить в церковь, как и положено даме из квартала Маре. После долгого перерыва она снова познала радость погружения в насыщенную ладаном атмосферу длинных церковных служб со звучным голосом священника и музыкой органа.

Возможность молиться и думать о спасении души приносила ей покой.

Слухи о внезапном всплеске благочестия двух прекрасных дам заставили многих знакомых заволноваться и поспешить в отель Ботрейи. Поклонники Анжелики, бывшие любовники Мари-Аньес — все протестовали, как могли.

— Что случилось? Вы впали в покаяние? Собираетесь уйти в монастырь?

В ответ на расспросы Мари-Аньес упорно молчала, становясь похожей на маленького загадочного сфинкса. Чаще всего она предпочитала не показываться на глаза гостям или демонстративно раскрывала молитвенник. Но Анжелика решительно опровергала подобные слухи о себе, да она вовсе и не думала о монастыре. Когда одна из подруг привела ее к своему духовному наставнику, благочестивому аббату Годену, Анжелика старалась пропускать мимо ушей его речи о власянице. Сейчас все ее мысли занимали планы, один грандиозней

другого, о том, как женить на себе Филиппа, и она отнюдь не собиралась портить кожу и привлекательные изгибы своего великолепного тела грубыми поясами или иными приспособлениями для покаяния.

К каким бы приемам обольщения ни прибегала Анжелика, ей никак не удавалось победить равнодушие этого странного высокомерного человека, который в своих светлых атласных одеждах и в ореоле белокурых волос казался закованным в ледяные доспехи.

Всегда безразличный и молчаливый, Филипп, тем не менее, был частым гостем в отеле Ботрейи. Анжелику не интересовало, умен ли он. Любуясь его неприступной безукоризненной красотой, она всякий раз испытывала почти забытое чувство — смесь застенчивости и восхищения, — которое вызвал когда-то в душе маленькой девочки элегантный старший кузен.

И когда она думала об этом, неприятные воспоминания под влиянием ностальгии приобретали трогательный оттенок. Старый Лютцен, суровый солдат, сразу разглядел, что Филипп станет отменным офицером. Но Анжелика тогда ничего не чувствовала, кроме обиды на насмешливого кузена ^[39]. Вдобавок к детским воспоминаниям, Анжелика не могла забыть, что Филипп находился среди убийц в трактире «Красная маска». Она не сомневалась, что именно он ударил ее тогда, чтобы оглушить и отдать на потеху собутыльникам, хотя, разумеется, не знал, что под красной маской скрывалась именно она. Когда светлые глаза мессира дю Плесси-Бельера останавливались на Анжелике, у нее возникало гнетущее ощущение, что он не замечает ее красоты. Он никогда не делал ей комплиментов, пусть самых банальных, редко бывал любезен. Оба ее сына боялись Филиппа, тогда как она ожидала, что дети будут им восхищены.

Анжелика потрянула головой и попыталась вернуться к первым воспоминаниям о Плесси-Бельере. В замке именно Филипп пододвинул ее стул, когда гости рассаживались за стол. Будучи теперь более опытной и искушенной, она знала, что в тот миг в голубых глазах подростка светилось восхищение ее красотой.

— То, как ты смотришь на этого красавца Плесси, начинает меня беспокоить, — заявила однажды вечером Мари-Аньес старшей сестре. — Анжелика, ты одна из самых разумных женщин, кого я знаю... только не говори мне, что очарована этим...

Казалось, она хотела как-то одним словом охарактеризовать его, но, не найдя такого слова, скорчила презрительную гримасу.

— В чем ты упрекаешь Филиппа? — изумилась Анжелика.

— В чем я его упрекаю? Ну, допустим, в том, что такой красивый и привлекательный мужчина вообще не умеет обнять женщину. Ведь согласишься, очень важно, как именно мужчина обнимает женщину...

— Мари-Аньес, что за фривольные рассуждения для юной особы, которая намеревается уйти в монастырь!

— Что поделаешь... А ты пользуйся моими познаниями, пока я еще не в монастыре. Лично я составляю первое впечатление о мужчине именно по его манере обнимать. Нежный, но властный жест, рука, которая не дает тебе шевельнуться, и в то же время оставляет свободной. Ах! Какое наслаждение испытываешь в эту секунду от одного лишь сознания собственной женской хрупкости!

Ее тонкое лицо с глазами жестокой кошки смягчилось и стало мечтательным. Анжелика улыбнулась, заметив мельком то выражение сладострастия, которое доводилось видеть лишь любовникам сестры. Но Мари-Аньес опять нахмурила брови.

— Надо признать, что немногие мужчины обладают этим потрясающим искусством. Но, по крайней мере, они стараются изо всех сил. А Филипп даже не пытается попробовать. Он знает всего один способ обращения с женщинами: повалить и изнасиловать. Надо полагать, он обучался тонкостям любви на полях сражений. Даже самой Нинон не удалось его перевоспитать. Уверена, он приберегает нежность для своих любовников!.. Все женщины ненавидят его тем сильнее, чем сильнее он их разочаровал...

Анжелика склонилась над огнем, в котором жарила каштаны, едва сдерживая гнев, вызванный словами сестры.

Она твердо решила выйти замуж за Филиппа дю Плесси. Это наилучшее решение всех проблем, ведь свадьба поставит окончательную точку в ее пути наверх и вернет ей имя. Ей нравилось питать иллюзии в отношении мужчины, которого она выбрала во вторые мужа, и чувств, которые она питала к нему. Она хотела бы видеть его «достойным любви», тогда и у нее появилось бы право любить его.

Чтобы покончить со своими сомнениями, уже на следующий день после разговора с сестрой Анжелика отправилась к Нинон и первая завела разговор на интересующую ее тему.

— Что вы думаете о Филиппе дю Плесси?

Куртизанка задумалась, приложив к щеке палец.

— Я думаю, что когда лучше его узнаешь, начинаешь понимать, насколько он хуже, чем можно ожидать с первого взгляда. Но когда узнаешь его еще ближе, замечаешь, что он намного лучше, чем кажется вначале.

— Я вас не понимаю, Нинон.

— Я хочу сказать, что у него нет тех качеств, которые сулит его красота, и он даже не стремится к тому, чтобы его полюбили. Зато, если смотреть глубже,

в самую суть вещей, то он внушает уважение, потому что он — представитель почти исчезнувшей расы: это дворянин до мозга костей. Он помешан на вопросах этикета. Он боится увидеть даже пятнышко на своем шелковом чулке, но не боится смерти. Когда он будет умирать, он будет одинок, как волк, и никогда ни у кого не попросит помощи. Он принадлежит лишь королю и самому себе.

— Я никогда не замечала в нем такого величия!

— Но вы не замечали и его низости, дорогая! Наследственный эгоизм потомственного дворянина. Веками родовой герб заслоняет от них все остальное человечество. Почему никто даже не возьмется предположить, что в человеке спокойно уживаются и добродетели, и пороки? Случается, дворянин бывает одновременно и велик, и ничтожен.

— А что он думает о женщинах?

— Филипп?.. Дорогая, когда вы это узнаете, приходите и все мне расскажете.

— Говорят, он жесток с женщинами?

— Да, ходят такие слухи...

— Нинон, неужели вы думаете, что я поверю, будто вы никогда не делили с ним ложе?

— Увы, это именно так, вам придется в это поверить, дорогая. Вынуждена признать, что по отношению к нему все мои таланты оказались бессильны.

— Нинон, вы меня пугаете!

— По правде говоря, этот Адонис с ледяным взглядом чрезвычайно привлекал меня. Доводилось слышать, что он невежественен в любви, но я несколько не боюсь некоторой неопытности в чувствах, более того, мне нравится направлять и обучать. В общем, мне удалось затащить его в свой альков...

— И что?

— И ничего! Наверное, мне больше повезло бы со снеговиком, вылепленным во дворе и наделенным

способностью не таять. В конце концов Филипп признался, что я его не возбуждаю, потому что он питает ко мне дружеские чувства. Наверное, чтобы заниматься любовью, ему необходимы ненависть и насилие.

— Это же безумие!

— Может быть, и так... но скорее всего, он просто слишком поздно родился. Если бы он появился на свет лет на пятьдесят раньше... Он странно волнует меня, потому что напоминает мне о моей молодости.

— О вашей молодости, Нинон? — воскликнула Анжелика, глядя на нежную, без единой морщинки, кожу куртизанки. — Да вы моложе меня!

— Нет, милая моя. Чтобы утешить некоторых людей, им говорят: ваше тело состарилось, но душа осталась молодой. Так вот, обо мне можно сказать обратное: тело осталось молодым — да благословенны за это боги! — но душа моя состарилась. Время моей молодости пришлось на конец правления предыдущего короля и начало царствования ныне здравствующего. В ту эпоху мужчины были совсем другими. Они постоянно сражались: гугеноты, шведы, мятеж Гастона Орлеанского... Молодые люди умели воевать, но не умели любить. Эти были громадные дикари в кружевных воротниках... Что же касается Филиппа... Знаете, на кого он похож? На красавца Сен-Мара^[40], фаворита Людовика XIII. Бедный Сен-Мар! Он влюбился в Марион Делорм^[41], но король был настолько ревнив, что кардиналу Ришельё даже не пришлось потрудиться, чтобы навлечь на него немилость государя. Сен-Мар сложил свою прекрасную златокудрую голову на плахе. В те времена было много трагических судеб!

— Нинон, не говорите со мной, как любящая бабушка. Это вам не к лицу.

— Вот уж нет! Мне действительно стоит взять тон заботливой бабушки, чтобы отчитать вас, Анжелика, так как я боюсь, что вы на неверном пути!.. Анжелика, красавица моя, неужели вы, познавшая великую любовь, собираетесь признаться мне, что влюбились в Филиппа? Он совершенно не подходит вам! Он разочарует вас больше, чем кого бы то ни было. Опомнитесь...

Анжелика гордо выпрямилась.

— Нинон, не будем больше говорить об этом, прошу вас. Я хочу выйти за Филиппа. Мне необходимо женить его на себе. Вы меня не поймете. Я не люблю его, это правда, но он меня привлекает. Он всегда меня привлекал. И я всегда думала, что в один прекрасный день он будет принадлежать мне. И точка...

Получив такого рода не самые приятные интимные сведения, Анжелика вернулась домой и обнаружила у себя в гостиной все того же загадочного Филиппа. Хотя он исправно посещал ее особняк, их отношения не претерпевали никаких изменений.

Анжелике пришло в голову, что, быть может, он приходит ради Мари-Аньес. Но и после того, как ее младшая сестра на страстную неделю уехала из Парижа в монастырь кармелиток Сен-Жак, маркиз дю Плесси по-прежнему часто бывал у нее. Однажды Анжелике передали слова кузена о том, что у госпожи Моренс самый вкусный росолис в Париже. Неужто он приходил только затем, чтобы выпить изысканного ликера? Анжелика сама готовила сладкую настойку на укропе, анисе, кориандре и ромашке.

Конечно, она по праву гордилась своими кулинарными талантами и не пренебрегала даже мелочью, чтобы очаровать Филиппа, но эта новость больно ранила ее. Значит, ни ее красота, ни ее беседы не привлекают Филиппа?

С наступлением первых весенних дней Анжелика совсем пала духом, а суровый пост только усилил ее уныние. Она до такой степени увлеклась тайной мечтой выйти замуж за Филиппа, что не находила в себе сил от нее отказаться. В самом деле, став маркизой дю Плесси-Бельер, она была бы представлена ко двору, получила бы возможность снова увидеть родные края, воссоединиться с семьей и даже управлять прекрасным белым замком, который так поразил ее воображение в юные годы.

В состоянии полного душевного разлада, когда надежда и уныние беспрестанно вытесняли друг друга в ее сердце, Анжелика загорелась желанием обратиться к Лавуазен за советом и с просьбой предсказать будущее. Неожиданным образом такую возможность предоставила ей госпожа Скаррон, когда однажды после полудня она постучалась в отель Ботрейи.

— Анжелика, я пришла за вами. Вы должны отправиться со мной, прошу вас. Эта сумасбродка Атенаис вбила себе в голову, что ей надо посоветоваться, право не знаю о чем, с проклятой ведьмой Катрин Лавуазен. Мне кажется, что будет нелишним, если мы с вами как две набожные женщины станем молиться, чтобы противостоять колдовству, которое, боюсь, падет на голову нашей беспечной подруги.

— Вы абсолютно правы, Франсуаза, — поспешила согласиться Анжелика.

Так, в сопровождении двух ангелов-хранителей, нетерпеливая и решительная Атенаис де Монтеспан пришла в логово колдуньи. Из зловещей старой лачуги, где в течение долгих лет карлик Баркароль встречал закутанных в плащи гостей, разбогатевшая провидица перебралась в роскошный дом в Тампле. Теперь к ней приходили, почти не таясь.

Колдунья принимала посетителей, сидя на некоем подобии трона и завернувшись в расшитую золотыми пчелами мантию. Однако в тот день Катрин Монвуазен, которую знакомство с высшим светом не отвратило от дурных склонностей, была в стельку пьяна.

С самого порога приемной три дамы поняли, что им не удастся вытянуть из предсказательницы ни единого связного слова.

Но гадалка, оглядев вошедших мутным взглядом, неожиданно поднялась со своего трона, пошатываясь, подошла к перепуганной Франсуазе Скаррон и схватила ее за руку.

— Вот вы, — заговорила она, — да-да, вот вы! У вас очень необычная судьба. Я вижу Море, и затем Ночь, но ярче всего — Солнце. Ночь — это нищета. Мы все знаем, что это такое! Нет ничего чернее нищеты! Черная, как Ночь! А Солнце — это король. Так вот, красавица моя, вас полюбит сам король, и он даже женится на вас.

— Вы ошибаетесь! — воскликнула взбешенная Атенаис. — Это я пришла спрашивать у вас о любви короля. Вы все перепутали.

— Не сердитесь, дамочка, — заплетающимся языком возразила колдунья. — Я не настолько пьяна, чтобы спутать судьбы двух человек. У каждого своя судьба, не правда ли? Ну-ка, дайте мне руку. Вашу жизнь также озарит Солнце. Еще вижу Удачу. Да, король полюбит и вас тоже. Но все-таки на вас он не женится.

— Чума на эту пьяницу! — процедила Атенаис, в бешенстве отдергивая руку.

Но Лавуазен твердо решила оделить своим вниманием каждую гостью. Она схватила руку Анжелики, закатила глаза и покачала головой.

— Необычайная судьба! Ночь, но прежде всего — Огонь, Огонь правит вашей судьбой.

— Я бы хотела узнать, выйду ли я замуж за маркиза?

— Не могу сказать, будет это маркиз или нет, но я ясно вижу два брака. Вот здесь, эти две маленькие черточки. И шестеро детей...

— О Господи!..

— И еще любовные связи!.. Одна, две, три, четыре, пять...

— Не стоит, — запротестовала Анжелика, пытаюсь высвободить руку.

— Да подождите вы!.. Этот удивительный Огонь. Он освещает всю вашу жизнь, до самого конца. Он настолько силен, что затмевает Солнце. Вас полюбит король, но вы... вы никогда не полюбите его, и все из-за этого Огня...

Даже в карете по дороге домой Атенаис никак не могла остыть.

— Эта женщина не стоит ни су из того, что ей платят. Я никогда не слышала столько глупостей сразу. Король полюбит вас!.. Король полюбит вас!.. Она всем говорит одно и то же!

Ошеломляющую новость Анжелика услышала от мадемуазель де Паражонк. Молодая женщина не была готова к такого рода известию, и ей потребовалось некоторое время, чтобы пробраться сквозь дебри иносказаний, которыми изъяснялась жеманница, и понять смысл сказанного. По своему обыкновению, мадемуазель явилась к ужину, возникнув из ночного тумана, как серая взъерошенная сова с пристальным и немигающим взглядом, некстати украшенная бесчисленными бантиками. Гостеприимная Анжелика усадила ее рядом с горящим камином и предложила печенье. Сначала Филонида долго и витиевато рассказывала о своей соседке мадам де Гоффрей, которая только что «ощутила последствие дозволенной любви», то есть после десяти месяцев замужества произвела на свет прелестного мальчика. Затем мадемуазель де Паражонк перешла к болезням «ее

дорогих страдальцев». Анжелика подумала было, что собеседница рассказывает о каких-то престарелых родственниках, но оказалось, речь шла о ногах самой мадемуазель де Паражонк. «Дорогие страдальцы» обзавелись мозолями. И в заключение она произнесла особенно изысканную, но невероятно мудреную фразу. Глядя на дождь, барабанящий по мостовой, она сказала: «Низвергается третий элемент». Наконец, желая сообщить потрясающую новость, Филонида заговорила, как все нормальные люди:

— Вы знаете, что мадам де Ламуаньон собирается выдать замуж свою дочь?

— Желаю ей успеха! Малышка некрасива, но у нее достаточно денег, чтобы сделать блестящую партию.

— Дорогая, вы, как всегда, зрите в корень. Несомненно, лишь приданое этой чернявой крошки может привлечь такого красавца и такого знатного дворянина, каким является Филипп дю Плесси.

— Филипп?

— Вам не показалось, что в комнате сильное эхо? — спросила Филонида, внимательно взглянув на собеседницу и даже моргнув.

Анжелика взяла себя в руки и спокойно ответила:

— Ходят слухи... но я не придаю им значения. Филипп дю Плесси не может опуститься до брака с дочерью президента парламента^[42]. Какое бы высокое место в обществе она ни занимала сейчас, по происхождению она — простолюдинка.

Старая дева усмехнулась.

— Один мой крестьянин частенько приговаривал: «Деньги можно найти лишь на земле, и для того, чтобы их собрать, надо нагнуться». Всем известно, что молодой Плесси весьма стеснен в средствах. Он играет по-крупному в Версале, а на снаряжение последней кампании истратил целое состояние. Говорят, за ним

следовал обоз из десяти мулов, которые везли золотую посуду, и я уж не знаю, что еще. Шелк его палатки был расшит столь богато, что испанцы отлично видели его прямо из своих окопов и использовали в качестве мишени... Впрочем, я признаю, что бесчувственный красавец поистине неотразим...

Анжелика не прерывала монолога своей гостью. Сначала она не поверила сплетне, но потом просто упала духом. Последний рубеж, который надо было преодолеть, чтобы наконец засиять в лучах «короля-солнце», оказался непреодолим. Все ее мечты о браке с Филиппом рушились на глазах.

Впрочем, она всегда знала, что последний этап будет самым трудным, а у нее осталось так мало сил. Она измучена, дошла до предела... Она всего лишь шоколадница, ей никогда не встать на одну ступень с дворянами, которые так и не приняли ее в свой круг. Да, они приглашали ее в свои дома, но не считали равной... Версаль!.. Версаль!.. Блеск двора, сияние «короля-солнце»! Филипп! Прекрасный, но недоступный бог войны Марс!.. А ей придется довольствоваться Одиже. Ее дети никогда не станут дворянами...

Погруженная в свои мысли, она не замечала, как проходят минуты. Погас огонь в камине, свеча начала чадить.

Анжелика услышала, как Филонида прикрикнула на Флипо, который ждал распоряжения, стоя у двери.

— Никчемное создание, снимите излишки со свечоча.

Флипо, разинув рот, не тронулся с места, поэтому Анжелика устало пояснила:

— Лакей, сними нагар со свечи.

Довольная Филонида де Паражонк поднялась со своего кресла:

— Дорогая, мне кажется, вы погрузились в свои грезы. Что ж, я оставляю вас с ними наедине...

Глава 18

Ночь напролет Анжелика не смыкала глаз. Утром она отправилась к мессе и вышла из церкви очень спокойной. Никакого решения она так и не приняла. Поэтому когда во второй половине дня настал час прогулки по Кур-ля-Рен, Анжелика села в свою карету, еще не имея в голове какого-то определенного плана действий.

По дороге она постаралась взять себя в руки. Сама не зная почему, в тот день Анжелика с особой тщательностью отнеслась к выбору туалета, и теперь, теребя мягкий фая и нежный шелк, вдруг поймала себя на мысли: почему именно сегодня она надела этот новый чудесный наряд с тремя рядами юбок цвета конского каштана, сухих листьев и нежной зелени? Тонкая паутинка золотого шитья, оттененного жемчугом, словно переливающаяся сеть оплетала верхнюю юбку, шлейф платья и корсаж. Кружева воротника и рукавов отливали тем же зеленым цветом и повторяли рисунок вышивки. Эти кружева Анжелика специально заказала в мастерских Алансона^[43], а рисунок для их узора выполнил лично господин де Муан, придворный художник по тканям. Подобный туалет, строгий и роскошный, предназначался для собраний знатных дам, таких, какие устраивала мадам д'Альбре и где светские беседы никогда не носили оттенка фривольности. Анжелика знала, что по цветовой гамме это платье самым восхитительным образом подходит к ее коже и глазам, хотя она и выглядит в нем чуть старше.

Но почему она надела именно его для обычной послеобеденной прогулки? Надеялась ли она ослепить равнодушного Филиппа или внушить ему доверие

строгостью наряда?.. Анжелика нервно обмахнулась веером, чтобы остудить жар, воспаленный щеки. Хризантема сморщила свой маленький влажный носик и бросила на хозяйку озадаченный взгляд.

— Кажется, я собираюсь надеть глупостей, Хризантема, — задумчиво проговорила Анжелика. — Но я не могу отказаться от своих планов. Да, я действительно не могу от них отказаться.

Затем, к великому изумлению собачки, она закрыла глаза и откинулась на подушки кареты, как будто бы совершенно лишившись сил.

Подъехав к ограде Тюильри, Анжелика внезапно оживилась. Сверкнув глазами, она посмотрелась в маленькое зеркальце тонкой работы, висевшее у нее на поясе, и проверила свой макияж. Немного черной краски на ресницах, чуть-чуть красной — на губах. Она не позволяла себе ничего лишнего. Анжелика не белила лицо: она очень быстро поняла, что теплый, естественный цвет ее кожи восхищает мужчин больше, чем напудренные фарфоровые лица модниц. Ее зубы, тщательно натертые порошком из цветков дрока и прополосканные прокипяченным вином, сияли белизной.

Госпожа Моренс улыбнулась своему отражению.

Потом взяла на руки Хризантему и, поддерживая шлейф платья, миновала ворота Тюильри. В какой-то момент она решила, что если Филиппа не окажется в парке, она откажется от борьбы. Но он был там. Она заметила его около Большого партера в свите принца Конде, громко рассуждавшего о чем-то в своем излюбленном уголке сада, куда приходили многочисленные зеваки, чтобы взглянуть на прославленного полководца.

Анжелика смело направилась к группе придворных. Она решила, что сама судьба привела Филиппа в парк

Тюильри, и потому у нее получится исполнить задуманное.

Вторая половина дня радовала свежестью и чудесной погодой. Только что прошедший дождик прибил песок и отлакировал первые листочки на деревьях.

Анжелика шла вперед, здороваясь и улыбаясь. Про себя она с досадой отметила, что ее платье самым ужасающим образом не сочетается с костюмом Филиппа. В тот вечер маркиз, обычно предпочитавший светлые тона, неожиданно вырядился в необыкновенный жюстокор кричащего ярко-голубого цвета, многочисленные петлицы которого были густо затканы золотом. Филиппа по праву считали одним из законодателей моды, и сегодня он опять задал тон остальным, облачившись в костюм нового покроя, широкие и длинные полы которого отодвигали назад шпагу.

Манжеты его наряда отличались изысканной красотой, а короткие штаны без привычных рюшей плотно облегли колени. Мужчины в старомодных рингравах краснели при встрече с этим модником. Великолепные алые чулки Филиппа с золотыми стрелками прекрасно гармонировали с красными каблуками кожаных башмаков, украшенных алмазными пряжками. В руке Филипп держал бобровую шляпу с низкой тульей столь тонкой выделки, что мех ее напоминал отполированное старое серебро. Перья на шляпе тоже были небесно-голубыми. Молодой человек только что появился в парке, и потому весенний дождь не испортил его костюма и не нарушил этот лазоревый шедевр.

В ниспадающем на плечи светлом парике Филипп дю Плесси-Бельер напоминал величественную экзотическую птицу.

Анжелика поискала глазами крошку Ламуаньон, но ее жалкой соперницы не было видно. Со вздохом облегчения Анжелика поспешила к принцу Конде, который всякий раз при встрече с ней изображал несчастного влюбленного, безропотно смирившегося со своей участью.

— Несравненная! — вздохнул принц, коснувшись длинным носом лба Анжелики. — О, жестокосердная, не окажете ли вы нам честь отправиться на Кур-ла-Рен в нашей карете?

Притворившись смущенной, Анжелика бросила взгляд в сторону Филиппа и прошептала:

— Да простит меня Ваше Высочество, но господин дю Плесси уже пригласил меня на прогулку.

— Пусть разразит чума всех этих молодых едва оперившихся петушков! — проворчал принц. — Эй! Маркиз, неужели вы настолько дерзки, что посмеете долго удерживать рядом с собой, для вашего личного удовольствия, одну из прекраснейших дам столицы?

— Избави Бог, монсеньор, — ответил молодой человек, который явно не слышал их разговора и даже не догадывался, о какой даме идет речь.

— Ну ладно! Тогда вы можете увезти ее. Я вам позволяю. Но впредь извольте спуститься с небес и задумайтесь о том, что вы не одни в этом мире и что другие тоже имеют право любоваться самой ослепительной улыбкой Парижа.

— Я приму это к сведению, монсеньор, — заверил придворный, в поклоне подметая песок лазоревыми перьями шляпы.

После глубокого реверанса Анжелика вложила свою маленькую руку в руку Филиппа и повела его прочь. Бедный Филипп! И почему все боятся его? Ведь он очень уязвим в своей высокомерной рассеянности, которой так нетрудно воспользоваться.

Когда пара проходила мимо скамьи, господин де Лафонтен^[44], расположившийся на ней в обществе господ Расина^[45] и Буало^[46], бросил в их сторону:

— Фазан со своей курочкой!

Анжелика сразу же поняла, что Лафонтен намекал на тот контраст, который являли их наряды: коричневатые тона ее платья олицетворяли сдержанную роскошь, тогда как одежда Филиппа поражала контрастами цвета и обилием драгоценностей. Прикрыв лицо веером, Анжелика кокетливо улыбнулась поэту, который лукаво подмигнул в ответ. «Фазан со своей курочкой... Дай-то Бог!» — подумала Анжелика.

Она опустила глаза и с бьющимся сердцем стала смотреть, как уверенно и твердо ступает Филипп, вдавливая в мокрый песок аллеи великолепные красные каблуки своих туфель. Ни у кого из мужчин нет такой изысканной походки и таких же ладных мускулистых икр. «Даже у короля», — подумала молодая женщина. Впрочем, чтобы увериться в этом, надо снова увидеть короля вблизи, а для этого — очутиться в Версале. И ОНА ПОПАДЕТ В ВЕРСАЛЬ! Вот так же, рука об руку с Филиппом, она ступит на королевскую галерею. И весь королевский двор будет жадно пожирать глазами детали ее великолепного туалета. Она остановится в нескольких шагах от государя... «Госпожа маркиза дю Плесси-Бельер...»

Ее пальцы судорожно сжались. Тогда Филипп с угрюмым удивлением изрек:

— Я так и не понял, почему монсеньор принц навязал мне ваше общество...

— Потому что он подумал, что это доставит вам удовольствие. Вы же знаете, он любит вас больше, чем монсеньора герцога. Вы — наследник его воинского духа.

И она добавила, ласково взглянув на кузена:

— Мое общество вам до такой степени неприятно? Вы ждали кого-то другого?

— Нет! Но я вообще не намеревался ехать сегодня вечером на Кур-ля-Рен.

Анжелика не осмелилась спросить почему. Возможно, у него не было никакой особой цели. С Филиппом так часто бывало. Его решения не всегда выглядели обоснованными, но никто не решался осведомляться о причинах подобного поведения.

***

Аллея Кур-ля-Рен в этот час оставалась еще довольно пустынной. Аромат молодой листвы смешивался с ароматами грибов и наполнял собой все пространство под тенистыми сводами огромных деревьев.

Поднимаясь в карету Филиппа, Анжелика заметила, что у его лошадей серебряные ажурные чепраки, а их бахрома доходит до самой земли. Откуда кузен изыскивал средства, чтобы следовать всем капризам моды? Ей казалось, что после безумных расходов во время карнавала он обременен непомерными долгами. Или это проявление щедрости президента Ламуаньона к будущему зятю?

Еще никогда Анжелика так не тяготилась молчанием Филиппа.

Изнывая от нетерпения, она делала вид, будто увлечена проделками Хризантемы или видом проезжающих мимо карет. Она несколько раз порывалась было начать разговор, но строгий профиль молодого человека, его непреклонный вид останавливали ее. С отсутствующим взглядом он медленно втягивал щеки, смакуя пастилку с

амбреттой^[47] или фенхелем. Анжелика сказала себе, что, когда они поженятся, она отучит его от этой привычки. При столь возвышенной красоте ни к чему уподобляться жвачному животному.

За окном кареты стало заметно темнее: деревья сомкнули свои ряды. Через лакея кучер осведомился, повернуть ли назад или продолжить путь по Булонскому лесу.

— Пусть едет дальше, — приказала Анжелика, не дожидаясь согласия Филиппа.

Затянувшееся молчание оказалось нарушенным, и, воспользовавшись этим, она быстро спросила:

— Вы слышали, какие глупости рассказывают, Филипп? Говорят, будто вы собираетесь жениться на дочери Ламуаньона.

Молодой человек склонил красивую белокурую голову.

— Эта глупость — чистая правда, дорогая.

— Но...

Анжелика собралась с духом и бросила, словно вызов:

— Но это невозможно! Ведь вы — образец элегантности! Что привлекательного вы нашли в этом жалком кузнечике?

— Ее привлекательность меня совершенно не интересует.

— Но тогда на что же вы польстились?

— На ее приданое.

Итак, мадемуазель де Паражонк была права. Анжелика с трудом сдержала вздох облегчения. Если все упирается в деньги, то вопрос можно уладить. Но она постаралась придать своему лицу огорченное выражение.

— Ах, Филипп, я никогда не думала, что вы такой меркантильный человек.

— Меркантильный? — повторил дю Плесси, недоуменно приподнимая брови.

— Я хочу сказать: неужели вы настолько привязаны к земным благам?

— А к чему, по вашему мнению, я еще могу быть привязан? Отец никогда не готовил меня к вступлению в церковный орден.

— Но даже не посвящая себя Богу, можно считать поводом для брака нечто куда более ценное, чем деньги!

— Что именно?

— Ну... Любовь.

— А! Если вас беспокоит именно эта сторона... вопроса, то смею вас заверить, моя драгоценная, что у меня есть вполне серьезное намерение подарить этому маленькому кузнечiku кучу детишек.

— Нет! — в бешенстве воскликнула Анжелика.

— Она получит их в обмен на свои деньги.

— Нет! — повторила Анжелика, топнув ногой.

Филипп повернулся к кухне с весьма обескураженным выражением лица.

— Вы не хотите, чтобы я подарил детей своей собственной жене?

— Речь не об этом, Филипп. Я не хочу, чтобы она становилась вашей женой, вот и все.

— А почему она не должна ею становиться?

Анжелика тяжело вздохнула.

— Ах, Филипп, вы ведь посещаете салон Нинон, и я не могу понять, как вы до сих пор не научились улавливать самую суть разговора. Все эти ваши «почему», ваш изумленный вид в конечном счете заставляют ваших собеседников ощущать себя последними дураками.

— Быть может, так оно и есть? — заметил дю Плесси с едва заметной улыбкой.

Увидев эту улыбку, Анжелика, готовая продолжить словесную баталию, ощутила прилив какой-то странной нежности. Он улыбался... Почему он так редко улыбается? Ей показалось, что лишь она одна может понять его и заставить его так улыбнуться.

«Дурак», — говорили одни. «Зверь», — утверждали другие. А вот Нинон де Ланкло сказала: «Когда лучше его узнаешь, начинаешь понимать, насколько он хуже, чем можно ожидать с первого взгляда. Но, когда узнаешь его еще ближе, замечаешь, что он намного лучше, чем кажется вначале... Дворянин до мозга костей... Он принадлежит лишь королю и самому себе...»

«А еще он принадлежит мне», — с яростью подумала Анжелика.

Она злилась. Что требуется, чтобы вывести этого человека из его беззаботного безразличия? Запах пороха? Отлично! Он хочет войны — он ее получит. Она нервно оттолкнула Хризантему, кусавшую кисточки ее накладки, и, невероятным усилием воли подавив раздражение, беззаботно спросила:

— Филипп, если вопрос всего лишь в том, как поправить бедственное финансовое положение, то почему бы вам не жениться на мне? Денег у меня много, и я не потеряю их из-за неурожайного года. Мои дела идут великолепно, и доходы будут только увеличиваться.

— Жениться на вас? — повторил дю Плесси с искренним изумлением.

И презрительно расхохотался.

— Мне? Жениться на шоколаднице?! — выплюнул маркиз.

Анжелика густо покраснела. Этот несносный Филипп всегда умел вгонять ее в краску, заставляя сгорать от стыда и гнева. Сверкнув глазами, она заявила:

— Можно подумать, что я предложила вам соединить кровь простолюдинки с королевской кровью! Не забывайте, что я — урожденная Анжелика де Ридуэ де Сансе де Монтелу. Моя кровь столь же чиста, как ваша, любезный кузен. Даже чище вашей, ведь я принадлежу к более древнему роду, и моя семья появилась еще до первых Капетингов, между тем как вы по мужской линии можете похвастаться лишь бастардами Генриха II.

Некоторое время Филипп, не моргая, изучал собеседницу. Казалось, в глубине его светлых глаз пробуждается некий интерес.

— Ах да! Вы мне уже говорили нечто подобное, когда-то давно. Я припоминаю. Это было в Монтелу, в вашем полуразвалившемся замке. Маленькая лохматая мегера в отрепьях дожидалась меня у подножия лестницы, чтобы сообщить, что ее кровь древнее моей. Как же! Это было нелепо и смешно.

Анжелика вновь увидела себя в Монтелу... Она вспомнила, как холодны были тогда ее руки, как пылала голова, а живот сводило болезненной судорогой. Она стояла и смотрела, как он спускается по каменной парадной лестнице. Ее юное тело, непривычное к встрече с извечной женской тайной, претерпевало превращение ребенка в девушку и трепетало при виде этого прекрасного светловолосого юноши. Потом она упала в обморок.

Когда Анжелика пришла в себя на огромной кровати в своей комнате, мать объяснила ей, что отныне она уже не маленькая девочка и что в ее теле происходят новые, неизведанные превращения.

Вот так Филипп оказался связан с первыми проявлениями ее женского естества, и спустя годы она все еще помнила об этом. И пусть она выглядела глупо и смешно, но для нее в этом событии было что-то особенно сладостное и волнительное.

Молодая женщина неуверенно взглянула на него и попыталась улыбнуться. Как и в тот далекий вечер, она чувствовала, что еще немного и она вновь задрожит. Умоляющим голосом Анжелика прошептала:

— Филипп, женитесь на мне. Вы получите любые деньги, какие захотите. В моих жилах течет благородная кровь. Общество очень быстро забудет о моей коммерции. Впрочем, сейчас многие дворяне уже не считают зазорным заниматься лично всевозможными делами. Мне говорил об этом господин Кольбер...

Она прервала свой монолог. Он не слушал ее. Возможно, думал о чем-то своем или же вообще ни о чем не думал. Если бы он спросил ее: «Почему вы хотите стать моей женой?», то она бы крикнула: «Потому что я люблю вас!» Именно в то мгновение Анжелика поняла, что любит его, любит все той же наивной, мучительной любовью, которая озарила ее детство. Но он не задал ей ни одного вопроса. И, в полном отчаянии, запинаясь, Анжелика пробормотала:

— Поймите, я хочу вернуться в свой круг, вернуть себе имя, знатное имя... Я хочу бывать при дворе... в Версале...

Ей не нужно было произносить этих слов. Анжелика тотчас пожалела о своей неуместной откровенности. Она надеялась, что Филипп не услышал ее, но он прошептал с еле заметной усмешкой:

— Поводом для брака следует считать нечто куда более ценное, чем деньги!

И затем тем же тоном, каким отказываются от протянутой бонбоньерки, он произнес:

— Нет, дорогая, правда, нет...

Анжелика поняла, что его решение окончательно. Она проиграла.

Спустя некоторое время Филипп сообщил кухне, что она не ответила на приветствие мадемуазель де Монпансье.

Только тогда Анжелика заметила, что карета вернулась на Кур-ля-Рен, которая стала очень оживленной.

Молодая женщина машинально отвечала на приветствия. Но ей казалось, что солнце погасло, а жизнь приобрела вкус золы. Одна мысль о том, что Филипп сидит так близко, а она совершенно беспомощна, угнетала ее. Неужели ничего нельзя поделаться?.. Ее доводы, ее страсть не достигали его души, разбиваясь о гладкие ледяные доспехи равнодушия. Невозможно заставить мужчину жениться, когда он не любит женщину, не хочет ее, а все свои проблемы способен решить иным способом. Вероятно, на этот шаг его может подвигнуть только страх. Но что испугает неустрашимого бога Марса?

— А вот и мадам де Монтеспан, — возобновил светскую болтовню Филипп. — Вместе со своей сестрой-аббатисой и мадам де Тианж. Воистину, лучезарные создания.

— Я полагала, что мадам де Монтеспан в Руссильоне. Она умоляла своего супруга увезти ее туда, чтобы ускользнуть от кредиторов.

— Судя по обивке ее кареты, кредиторы смилостивились над ней. Вы заметили, какой великолепный бархат? Но почему черный? Он смотрится чересчур мрачно.

— Монтеспаны еще соблюдают малый траур^[48] по усопшей матери.

— Ну, тогда это очень малый траур. Например, вчера мадам де Монтеспан танцевала в Версале. После смерти королевы-матери там впервые позволили себе развлечься. Король пригласил мадам де Монтеспан на танец.

Анжелика сдержалась, чтобы не поинтересоваться, означает ли это близкую отставку мадемуазель де

Лавальер. Она с трудом поддерживала этот светский разговор. Ей было глубоко безразлично, станет ли господин де Монтеспан рогоносцем, а его отважная супруга — любовницей короля.

— Взгляните, вас приветствует сам монсеньор принц, — сказал Филипп.

В окне кареты виднелся принц Конде, оживленно размахивавший своей тростью. В ответ Анжелика несколько раз качнула веером.

— Вы — единственная женщина, с которой монсеньор принц ведет себя как галантный кавалер, — заметил маркиз то ли с восхищенной, то ли с насмешливой улыбкой. — После смерти своей нежной подруги мадемуазель Ле Вижан, скончавшейся в монастыре кармелиток Сен-Жак, он поклялся, что будет требовать от женщин лишь чувственных удовольствий. Он сам мне в этом признался. Только я спрашиваю себя: а что он мог требовать от них раньше?

Дю Плесси зевнул, прикрыв рот рукой, и добавил:

— Теперь он думает лишь об одном: как занять пост командующего. С тех пор как в воздухе витает слух о новой военной кампании, он каждый день играет в карты с королем и оплачивает свои проигрыши золотыми пистолями.

— Какой героизм! — внезапно взорвалась Анжелика, которую начал раздражать пренебрежительный и манерный тон Филиппа. — И насколько еще готов унизиться сей образцовый придворный, чтобы вернуть себе милость Его Величества?.. Кто бы мог подумать, что когда-то он пытался отравить короля и его брата!

— О чем вы говорите, мадам? — возмутился Филипп. — Принц участвовал в мятеже против Мазарини, но он этого и не отрицает. Ненависть завела монсеньора дальше, чем он сам того хотел. Но посягать на жизнь короля? Подобная идея ему даже в голову прийти не могла. Вот что значат опрометчивые выводы женщин!

— О! Не изображайте из себя невинного младенца, Филипп. Вы, как и я, отлично знаете, что это правда. Ведь заговор замышлялся в вашем родовом замке.

По наступившему молчанию Анжелика поняла, что она попала точно в цель.

— Вы сошли с ума! — срывающимся голосом прошептал Филипп.

Анжелика резко повернулась к собеседнику. Неужели ей удалось так быстро проторить тропинку, ведущую к его страху, к его единственному страху?..

Она увидела, что маркиз стал бледным, напряженным, а в его глазах наконец-то зажегся интерес. Анжелика тихо продолжила:

— Я была там. Я все слышала. Я видела всех присутствующих. Принца Конде, монаха Экзили, герцогиню де Бофор, вашего отца и многих других людей, которые ныне здравствуют и наслаждаются придворной жизнью в Версале. Я слышала, как все они клялись в верности господину Фуке.

— Это ложь!

Закрыв глаза, Анжелика прошептала: «Я, Людовик Второй, принц Конде, заверяю месье Фуке в том, что буду служить ему и только ему, подчиняться ему и только ему, а также обязуюсь по первому приказу предоставить в его распоряжение все свои земли, укрепления и прочее...»

— Замолчите! — в ужасе воскликнул Филипп.

— «Составлено в Плесси-Бельере... Монах сказал, что дата может быть неточной».

Анжелика с ликованием смотрела, как бледнеет ее кузен.

— Глупо, — сказал он, презрительно пожав плечами. — К чему извлекать на свет эти замшелые истории? Прошлое — это прошлое. Король никогда не придавал значения подобным заявлениям.

— Потому что король никогда не держал в руках подобных документов. На самом деле он никогда не знал, как далеко может зайти измена его вельмож.

Она прервалась, чтобы поприветствовать карету мадам д'Альбре, а затем продолжила с необыкновенной мягкостью:

— С тех пор, как осудили господина Фуке, не прошло и пяти лет, Филипп...

— Ну и что? К чему вы клоните?

— К тому, что король еще очень долго не сможет с нежностью взирать на имена тех или иных персон, примкнувших некогда к господину Фуке.

— Он их и не увидит. Все документы уничтожены.

— Не все.

Молодой человек подвинулся на бархатном сиденье, теперь он сидел почти вплотную к Анжелике. Она мечтала о таком движении, — движении, за которым должен был бы последовать поцелуй любви. Но сейчас речь шла отнюдь не о любовном признании. Филипп схватил ее запястье и сжал своей изящной рукой с такой силой, что у Анжелики побелели суставы. Она кусала губы от боли, но ее радость была во сто крат сильнее. Она предпочитала видеть его именно таким: жестоким и грубым, а не далеким, ускользающим, неуязвимым в доспехах из ледяного презрения.

Напудренное лицо маркиза дю Плесси было мертвенно-бледным. Он словно тисками сжимал запястье Анжелики.

На нее пахло мускусом.

— Ларец с ядом, — прошипел он. — Так это вы его взяли!

— Да, я.

— Маленькая дрянь! Я всегда был убежден в том, что вы что-то знаете. Но отец в это не верил. Пропажа ларца не давала ему покоя до самой смерти. А он был у вас! Он до сих пор у вас?

— Он всегда был у меня.

Маркиз сквозь зубы выругался, и Анжелика подумала о том, как странно видеть этот красивый свежий рот исторгающим поток грубостей.

— Отпустите меня, — сказала молодая женщина, — мне больно.

Филипп медленно отодвинулся, но его глаза метали молнии.

— Я знаю, — продолжила Анжелика, — что вы хотели бы причинить мне еще большую боль. Вы бы мучили меня до тех пор, пока я бы не замолчала навечно. Но в этом случае вы ничего не выиграете, Филипп. В день моей смерти мое завещание будет передано королю, который найдет в нем все необходимые сведения и указания, где находится тайник с документами.

Морщась от боли, она поправила золотую цепочку на запястье: пальцы Филиппа вдавили ее прямо в кожу.

— Вы — животное, Филипп, — сообщила она непринужденным тоном.

И стала смотреть в окно. Теперь она была абсолютно спокойна.

За окном сквозь кроны деревьев пробивались последние золотые лучи заходящего солнца. Карета снова ехала по направлению к Булонскому лесу. Еще было светло, однако ночь уже вступала в свои права.

Анжелика почувствовала, что от вечерней сырости ее начинает бить озноб. Дрожа, она повернулась к Филиппу.

Он был по-прежнему бледен и неподвижен, как статуя, но она заметила, что его светлые усы блестят от пота.

— Я люблю принца, — сказал он, — а мой отец был честным человеком. Нужно во что бы то ни стало избежать огласки... Сколько денег вы хотите в обмен на документы? Если понадобится, я их одолжу.

— Деньги мне не нужны.

— Тогда что же вам нужно?

— Я вам это уже сказала некоторое время тому назад, Филипп. Я хочу, чтобы вы на мне женились.

— Никогда! — заявил маркиз, откидываясь на сиденье.

Неужели она противна ему до такой степени? Однако их связывало нечто большее, чем просто светское общение. Разве он сам не искал встреч с ней? Даже Нинон обратила на это внимание.

Они молчали. И лишь когда экипаж остановился у ворот отеля Ботрейи, Анжелика осознала, что они вернулись в Париж. На улице совсем стемнело. Теперь молодая женщина больше не видела лица Филиппа. И это к лучшему.

Она набралась храбрости и насмешливо спросила:

— Итак, маркиз, к чему привели ваши размышления?

Молодой человек пошевелился, словно пробудившись от кошмара.

— Так и быть, мадам, я женюсь на вас! Извольте явиться завтра вечером в мой особняк на улице Сент-Антуан. Там вы обсудите с моим управляющим все пункты соглашения.

Анжелика не протянула ему руки для поцелуя. Она знала, что Филипп оттолкнет ее.

Молодая женщина отказалась от легкой закуски, предложенной камердинером, и, вопреки обыкновению, не поднялась к детям, а направилась напрямик в китайский кабинет, который был в особняке ее излюбленной комнатой.

— Оставь меня, — приказала Анжелика Жавотте, которая пришла помочь своей госпоже раздеться.

Оставшись в одиночестве, она задула свечи, потому что боялась увидеть свое отражение в зеркале.

Затем она надолго застыла у черного прямоугольника окна. Из глубины сада сюда долетали

ароматы только что распустившихся цветов.

Быть может, где-то там, в саду, во мраке ночи ее ждет призрак Великого Хромого в железной маске?

Она боялась обернуться и взглянуть в глаза самой себе. «Ты бросил меня одну! Что мне оставалось делать?» — крикнула Анжелика призраку своей любви. Она повторила про себя, что скоро станет маркизой дю Плесси-Бельер, но долгожданная победа совсем не радовала ее. Анжелика чувствовала лишь подавленность, а ее душа, казалось, разбилась на мелкие осколки.

«То, что ты сделала, — отвратительно, гнусно!»

Слезы струились по ее щекам. Прижавшись лбом к витражному стеклу, с которого чья-то рука кощунственно стерла герб графа де Пейрака, она разрыдалась, пообещав себе, что это последние слезы слабости, которые она себе позволяет.

Глава 19

Когда на следующий день госпожа Моренс появилась в особняке на улице Сент-Антуан, к ней уже вернулась прежняя уверенность в себе. Она твердо решила не предаваться запоздалым угрызениям совести и не жалеть о своем неблагоприятном поступке. «Вино налито по бокалам, и его надо выпить», — сказал бы мэтр Буржю.

С высоко поднятой головой Анжелика вошла в большой зал, освещенный лишь пламенем камина. Зал был пуст. Она сняла накидку и маску, протянула озябшие пальцы к огню. Любое проявление слабости она запретила себе заранее, и все-таки чувствовала, как тревожно бьется ее сердце, как холодеют руки.

Вскоре поднялась портьера и пожилой мужчина в скромной черной одежде, подойдя к посетительнице, склонился перед ней в глубоком поклоне. Анжелика и представить не могла, что управляющим Плесси-Бельеров по-прежнему служит не кто иной, как господин Молин. Узнав его, от неожиданности Анжелика громко вскрикнула и непроизвольно схватила своего старого знакомого за руки.

— Господин Молин! Возможно ли это? Какая... Ах! Как я рада увидеть вас вновь.

— Вы оказываете мне слишком много чести, мадам, — ответил управляющий, еще раз поклонившись. — Прошу вас занять место в этом кресле.

Сам он сел возле камина перед маленьким столиком, на котором были приготовлены листы бумаги, письменный прибор и песок.

Пока Молин оттачивал перо, Анжелика, изумленная его неожиданным появлением, рассматривала управляющего. Он постарел, но черты его лица

остались такими же суровыми, а взгляд был по-прежнему живым и цепким. Лишь волосы, покрытые черной суконной шапочкой, поседели. Глядя на него, Анжелика поневоле представила себе крепко сбитую фигуру отца, который частенько садился у очага рядом с управляющим-гугенотом побеседовать о будущем своих отпрысков.

— Господин Молин, у вас есть какие-нибудь известия о моем отце?

Управляющий сдул крошку с гусяного пера.

— Господин барон пребывает в добром здравии, мадам.

— А его мулы?

— Те, что родились год назад, в самом деле хороши. Я полагаю, что господин барон получает истинное наслаждение, занимаясь их разведением.

Анжелика опять сидела рядом с Молином, как некогда сидела рядом с ним юная девушка, бедная, немного строптивая, но искренняя. Именно Молин вел тогда переговоры о ее браке с графом де Пейраком. Он вновь появился в ее жизни, но теперь печется о благе Филиппа. Как паук, терпеливо ткущий свою паутину, Молин всегда оказывался на ее пути. Но Анжелику успокаивал уже один его вид. Может быть, это знак, свидетельствующий, что настоящее наконец-то встретилось с прошлым? Покой родного края, сила, которую придают стены родового замка, а еще детские тревоги, титанические усилия бедного барона по устройству будущего своих отпрысков, смущающее великодушие управляющего Молина...

— А вы помните? — мечтательно спросила Анжелика. — Ведь вы были там, в Монтелу, после моего венчания. Тогда я на вас очень сердилась, но именно благодаря вам я была необычайно счастлива.

Управляющий взглянул на собеседницу поверх огромных очков в роговой оправе.

— Мы собрались, чтобы предаваться трогательным воспоминаниям о вашем первом браке или договариваться об условиях второго?

Щеки Анжелики вспыхнули.

— А вы жестоки.

— Не более чем вы, мадам, если я верно осведомлен о тех средствах, к которым вы прибегли, чтобы заставить моего молодого хозяина жениться на вас.

Анжелика глубоко вздохнула, но взгляда не отвела. Она понимала, что прошли те времена, когда она была бедной робкой девушкой, со страхом смотревшей на всемогущего управляющего Молина, державшего в своих руках судьбу всей ее семьи.

Теперь она стала деловой женщиной, с которой не гнушался беседовать сам господин Кольбер и чьи трезвые доводы обескураживали банкира Пеннотье.

— Молин, когда-то вы сказали мне: «Если хочешь добиться цели, надо уметь поступиться личными интересами». Так вот, в нынешнем деле, насколько я понимаю, я теряю нечто достаточно ценное, а именно самоуважение... Но будь что будет! У меня есть цель, которой я хочу достичь.

Жесткий рот управляющего-гугенота растянулся в неопределенной улыбке.

— Если мое скромное одобрение способно вас хоть сколько-нибудь утешить, то я вам его высказываю.

Настала очередь Анжелики улыбнуться. Она всегда сумеет договориться с Молином. Эта уверенность придала ей мужества для обсуждения договора.

— Мадам, — вновь заговорил Молин, — постараюсь быть кратким. Господин маркиз дал мне понять, что ставки в этой игре высоки. Поэтому я собираюсь ознакомить вас с условиями договора, который вам предстоит подписать. Затем вы изложите мне свои условия. После чего я составлю сам брачный договор и зачитаю его перед представителями обеих сторон. Но

сначала, мадам, вы поклянетесь на распятии, что вам известно местонахождение тайника с неким ларцом. Господин маркиз желает удостовериться, что станет обладателем этого ларца. Только после клятвы составленные бумаги обретут известную ценность...

— Я готова поклясться, — заверила Анжелика, протягивая руку.

— Господин дю Плесси вскоре появится здесь вместе со своим духовником. А пока давайте проясним ситуацию. Удостоверившись, что госпожа Моренс владеет тайной, которая его в высшей степени интересует, маркиз дю Плесси-Бельер соглашается взять в жены госпожу Моренс, урожденную Анжелику де Сансе де Монтелу, на следующих условиях: после заключения законного брака, а именно — сразу после венчания вы обязуетесь отказаться от упомянутого ларца в присутствии двух свидетелей. Одним из означенных свидетелей, вне всякого сомнения, станет священник, благословивший брак, а вторым — ваш скромный слуга. Далее, господин маркиз требует для себя право свободно распоряжаться всем вашим состоянием.

— О нет! Позвольте! — живо возразила Анжелика. — Господин маркиз сможет брать из моих денег столько, сколько захочет, и я даже готова назначить ему ежегодную ренту. Но именно я останусь владелицей всего моего капитала и сама буду управлять им. Я выступаю даже против того, чтобы он принимал какое бы то ни было участие в управлении моими торговыми делами, потому что я долго и упорно трудилась не для того, чтобы в конечном счете спать на соломе, пускай и со звучным титулом. Я отлично осведомлена о расточительности вельмож!

Не поведя бровью, Молин вычеркнул несколько строчек договора и вписал другие. Затем он попросил Анжелику как можно подробнее рассказать обо всех ее

торговых делах и предприятиях... С неподдельной гордостью госпожа Моренс поведала управляющему о своих начинаниях, счастливая от одной только мысли, что может поддерживать деловой разговор с этим старым лисом. По просьбе Молина она перечислила всех важных персон, которые могли бы подтвердить ее рассказ. Эта предосторожность несколько не покорила молодую женщину: проникнув в тайны ведения финансовых и торговых дел, она поняла, что слова, не подтвержденные фактами, ничего не стоят. Рассказывая о своем участии в предприятиях Ост-Индской и Вест-Индской компаний, Анжелика заметила, как в глазах ее собеседника промелькнуло искреннее восхищение.

— Согласитесь, господин Молин, что я сумела неплохо выпутаться из весьма затруднительного положения, — в заключение сказала она.

Управляющий кивнул.

— Вы не сделали ни одного неверного шага. Я признаю, что все ваши действия представляются мне совершенно правильными. Хотя многое зависит от того, какими средствами вы располагали, когда начинали свое дело.

У Анжелики вырвался короткий и горький смешок.

— Когда я начинала?.. У меня не было НИЧЕГО, Молин, ровным счетом ничего. Бедность, в которой мы жили в Монтелу, сущий пустяк в сравнении с тем, в каком положении я оказалась после смерти графа де Пейрака.

После того как прозвучало это имя, в комнате надолго воцарилась тишина. Огонь стал гаснуть. Анжелика взяла полено из подставки для дров, стоявшей рядом с камином, и положила его на тлеющие головни. Наконец Молин все так же спокойно произнес:

— Мне следует рассказать о вашем руднике в Аржентьере. Надо отметить, что в последние годы он

не раз выручал вашу семью, но будет справедливо, если отныне право пользования им перейдет к вам и вашим детям.

— Разве рудник не был конфискован и передан другим владельцам, как это произошло со всем имуществом графа де Пейрака?

— Рудник не попал в жадные лапы королевских инспекторов, потому что считался частью вашего приданого. Таким образом, в настоящее время ситуация с собственностью на него весьма двусмысленна...

— О, так можно сказать почти о всех делах, которыми вы занимаетесь, мэтр Молин, — рассмеялась Анжелика. — У вас особый дар служить одновременно нескольким хозяевам.

— Это не так! — недовольно возразил управляющий. — У меня нет нескольких хозяев, мадам. У меня есть несколько дел.

— Я уловила нюанс, мэтр Молин. Тогда давайте говорить о делах Плесси-Бельера младшего. Я подписываюсь под обязательствами, связанными с вышеупомянутым ларцом. Я также готова рассмотреть вопрос о размерах ренты, необходимой господину маркизу. В обмен на это я требую, чтобы он женился на мне. Я также требую, чтобы меня признали полновластной владелицей земель и титулов, принадлежащих моему супругу. Еще я настаиваю, чтобы меня представили родственникам маркиза как его законную супругу. Также я хочу, чтобы оба моих сына обрели теплый прием и защиту в доме своего отчима. И наконец, я хотела бы получить точные сведения о ценностях и владениях, которыми располагает Филипп.

— Хм!.. В этом случае, мадам, вас ожидает разочарование. Не буду скрывать, что мой молодой хозяин обременен многочисленными долгами. Помимо этого особняка в Париже, он владеет двумя замками:

одним в Турени, он достался ему от матери, другим — в Пуату. Но земли обоих замков заложены.

— Должно быть, вы плохо управляли делами своего хозяина, месье Молин?

— Увы! Мадам! Даже господин Кольбер, который работает по пятнадцать часов в сутки, чтобы пополнить финансы королевства, не может ограничить расточительность короля, которая сводит на нет все усилия министра. Так же и с господином маркизом. В военных кампаниях и в светских забавах он растратил почти все свое состояние, и без того уже сильно пошатнувшееся от мотовства его батюшки. Король не раз жаловал господину дю Плесси ту или иную государственную должность, которая могла бы приносить ему доход. Но мой хозяин спешил перепродавать должности, чтобы оплатить очередной карточный долг или купить экипаж. Нет, мадам, ведение дел дю Плесси-Бельера не является для меня выгодным предприятием. Я занимаюсь ими по привычке... из сентиментальности. Позвольте мне внести в договор все ваши пожелания, мадам.

Некоторое время в комнате слышалось лишь поскрипывание пера, сопровождавшееся тихим треском огня.

«Если я выйду замуж, — подумала Анжелика, — Молин станет моим управляющим. Забавно! Я никогда и представить не могла ничего подобного. Конечно, он попытается запустить свой длинный нос в мои дела. Стоит быть настороже. Но в сущности, это очень даже неплохо. У меня появится превосходный советчик».

— Могу ли я взять на себя смелость предложить вам внести в договор одно дополнительное условие? — спросил Молин, поднимая голову от бумаг.

— В мою пользу или в пользу вашего хозяина?

— В вашу.

— А я полагала, что вы представляете интересы маркиза дю Плесси...

Не ответив, Молин улыбнулся и снял очки. Затем он откинулся на спинку кресла и взглянул на Анжелику тем живым и пронизательным взглядом, которым смотрел на нее десять лет тому назад, когда сказал: «Мне кажется, что я неплохо знаю вас, Анжелика, и поэтому я буду говорить с вами иначе, нежели с вашим отцом».

— Я думаю, — сказал он, — это замечательно, что вы выходите замуж за моего хозяина. Я уже и не чаял встретить вас. И тем не менее, вопреки всякому здравому смыслу, вы здесь, а господин дю Плесси вынужден сочетаться с вами браком. Вы не станете отрицать, мадам, что я не имею ни малейшего отношения к тем обстоятельствам, что привели вас к этому союзу. Но сейчас речь о том, чтобы этот союз увенчался успехом: в интересах моего хозяина, в ваших интересах, да и в моих тоже, потому что, клянусь, счастье хозяев делает счастливыми их слуг.

— Безусловно, я с вами согласна. Какое же дополнительное условие вы предлагаете?

— Вы должны настоять на консумации брака ^[49].

— Консумация брака? — повторила Анжелика, широко распахнув глаза и став похожей на наивную девицу, только что покинувшую стены монастыря.

— Боже мой, мадам... Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать?

— Да... понимаю, — опомнившись, пробормотала Анжелика. — Но вы меня удивили. Это же очевидно, что, выходя замуж за маркиза дю Плесси...

— Это совершенно не очевидно, мадам. Сочетаясь с вами, господин дю Плесси заключает брак не по любви. Скажу больше, это вынужденная женитьба. Я сильно вас удивлю, сообщив, что чувства, которые вы внушаете

господину дю Плесси, далеки от того, что можно было бы назвать любовью, и скорее напоминают гнев и даже бешенство?

— Я подозревала нечто подобное, — прошептала Анжелика и постаралась самым непринужденным образом пожать плечами.

Но ее захлестнула нестерпимая боль, и она со злостью крикнула:

— Ну и что с того?.. Вы думаете, меня задевает то, что он меня не любит? Все, что я хочу от него, — это имя и титул. Остальное мне безразлично. Он может презирать меня и спать со всеми крестьянками со скотного двора, если это доставит ему удовольствие. Я-то уж точно не стану за ним бегать!

— А вот тут вы ошибаетесь, мадам. Я полагаю, что вы совсем не знаете человека, за которого собрались выйти замуж. Сейчас ваши позиции сильны, потому-то вы и считаете его слабым. Но затем вам потребуется нечто, что поможет вам подчинить его себе. Иначе...

— Иначе?

— Вы будете БЕЗМЕРНО НЕСЧАСТНЫ.

Лицо молодой женщины сделалось каменным, и она процедила сквозь зубы:

— Я уже была безмерно несчастна. И у меня нет никакого желания начинать все заново.

— Поэтому я и предлагаю вам надежное средство защиты. Выслушайте меня, Анжелика, я уже достаточно стар и могу говорить с вами напрямик. После того как брак будет заключен, вы потеряете всю власть над Филиппом дю Плесси. Деньги, ларец — все это окажется в его руках. Доводы сердца никогда не трогали его. Следовательно, вам необходимо завладеть его помыслами.

— Это опасная власть, Молин, и достаточно непрочная.

— Это — власть. Ваша задача сделать ее прочной.

Анжелика была взволнована до глубины души. Нет, ее нисколько не смутили советы, исходившие из уст сурового гугенота. Она знала Молина как мудрого и хитрого человека. В делах он никогда не руководствовался принципами, а использовал человеческие слабости во благо материальных интересов. Но Молин опять был прав. Неожиданно Анжелика вспомнила о тех приступах страха, которые вызывал у нее Филипп, а еще об ощущении собственного бессилия, которое испытывала, сталкиваясь с его равнодушием, с его ледяным безразличием. Молодая женщина поняла, что где-то в глубине души она возлагала большие надежды на то, что первая брачная ночь поможет укротить его. Женщина, заманившая мужчину в тенета страсти, почти всеильна. Всегда наступает такой момент, когда неприступная защита представителя сильной половины человечества рушится, сметенная чарами сладострастия. Опытная женщина должна уметь пользоваться такими моментами. И тогда мужчина даже против собственной воли непременно вернется к такой женщине. Анжелика знала: когда великолепное тело Филиппа сольется с ее телом, когда его свежий, как только что сорванный плод, чувственный рот накроет ее губы, она сразу превратится в самую искусную и обворожительную любовницу. В пылу любовного сражения они придут к взаимному согласию. Конечно, наутро Филипп попытается сделать вид, что не помнит о нем, но это согласие свяжет их крепче, чем любые пылкие признания в любви.

Немного рассеянный взгляд Анжелики вновь обратился к Молину. Должно быть, наблюдая за лицом своей собеседницы, он догадался о ее невысказанных мыслях, потому что на губах управляющего заиграла ироническая улыбка и он сказал:

— Я тоже думаю, что вы достаточно красивы, чтобы попытаться победить в этой игре. Но чтобы одержать победу, игру следует начать. Ведь никто не поручится, что вам удастся выиграть хотя бы первый тур.

— Что вы хотите этим сказать?

— Мой хозяин не любит женщин. Да, у него случаются любовные связи, но для маркиза все женщины — горький плод, вызывающий тошноту.

— Однако молва предписывает ему громкие любовные приключения. А знаменитые оргии во время военных кампаний за пределами Франции, в Норжене...

— Инстинкты солдафона, опьяненного войной. Он овладевает женщинами из тех же побуждений, из которых поджигает их дома, пронзает шпагой живот ребенка... лишь для того, чтобы причинить боль.

— Вы говорите страшные вещи!

— Я не хочу вас пугать, но считаю нужным предупредить. Вы родом из благородной, но простой, здоровой деревенской семьи. Мне кажется, вы не до конца понимаете, какое воспитание получают молодые дворяне, чьи родители не только богаты, но и вращаются при дворе. Такой ребенок с раннего детства — игрушка служанок и лакеев, потом — сеньоров, к которым его отдадут в пажи. Итальянские нравы, знаете ли, приучают к...

— Ах! Не продолжайте! Это отвратительно, — прошептала Анжелика, смущенно отведя глаза к огню.

Молин не стал настаивать и вновь водрузил очки на нос.

— Так мне добавить этот пункт в договор?

— Добавляйте, что находите нужным, я...

Услышав, как открывается дверь, Анжелика умолкла. В полумраке зала фигура Филиппа, одетого в светлый атлас, вначале показалась ей белоснежной статуей, и лишь через несколько мгновений его силуэт обрел некоторую четкость линий. Светлые волосы,

затканый золотом костюм — казалось, молодой человек собрался на бал. Он приветствовал Анжелику с надменным безразличием.

— Далеко ли вы продвинулись в переговорах, Молин?

— Госпожа Моренс согласна со всеми пунктами и согласна подписать договор.

— Вы готовы поклясться на распятии, что в самом деле знаете, где спрятан ларец?

— Я могу в этом поклясться, — сказала Анжелика.

— В таком случае вы можете подойти, господин Каретт...

Появился духовник, чья худая черная фигура до сих пор оставалась скрытой за фигурой хозяина. Он протянул распятие, на котором Анжелика поклялась, что действительно знает, где находится тайник с ларцом, и обязуется передать ларец маркизу дю Плесси сразу же после венчания. Затем Молин назвал размер ренты, которую Анжелика должна будет выплачивать своему будущему супругу. Эта сумма оказалась весьма значительной и соизмеримой расходам молодого дворянина, которые управляющий из года в год исправно записывал. Анжелика скривила губы, не дрогнула: если ее предприятия будут процветать и дальше, то выполнять эту часть договора не составит труда. К тому же, когда она станет маркизой дю Плесси, то устроит так, чтобы земли, прилегающие к обоим замкам Филиппа, приносили доход.

От Филиппа не последовало никаких возражений, он держался с подчеркнуто скучающим видом.

— Отлично, Молин, — заявил он, с трудом сдерживая зевок. — Постарайтесь как можно скорее уладить эту досадную историю.

Управляющий кашлянул и в некотором смущении потер ладони.

— Существует еще одно условие, господин маркиз, которое присутствующая здесь госпожа Моренс попросила меня внести в договор. А именно: все финансовые договоренности будут соблюдены лишь в случае конsummации брака.

Филиппу понадобилось несколько секунд для того, чтобы осознать услышанное. Затем лицо его побагровело.

— Что?! Неслыханно! — воскликнул он. — Нет! Это невероятно!..

Казалось, тут словарный запас Филиппа иссяк, и, глядя на него, Анжелика испытала странную смесь жалости и умиления, которые порой ей внушал кузен.

— Ну это уж чересчур! — наконец смог выкрикнуть маркиз. — Бесстыдство, помноженное на наглость!

Теперь он побелел от бешенства.

— А можете ли вы мне сказать, Молин, какие доказательства я буду обязан представить в том, что удостоил эту особу своим вниманием и разделил с ней ложе? Что нарушил девственность этой шлюхи? Да у нее уже двое детей, она побывала в постелях всех мушкетеров и финансистов королевства!.. Или мне, как идиоту Ланжи, придется перед судом доказывать свою способность к деторождению в присутствии десяти человек?^[50] Госпожа Моренс уже пригласила свидетелей, которые будут присутствовать на церемонии?

Молин воздел руки в успокаивающем жесте.

— Я не понимаю, господин маркиз, почему данное условие привело вас в такое негодование. На самом деле... Позвольте мне высказать свое мнение? Я полагаю, что это условие выгодно для вас в той же мере, что и для вашей невесты. Представьте, если под влиянием дурного настроения или из-за вполне понятной обиды вы станете пренебрегать своими

супружескими обязанностями, то по истечении нескольких месяцев госпожа Моренс будет вправе требовать расторжения брака, что втянет вас в дорогостоящий и достаточно нелепый процесс. Я протестант, но мне известно, что католическая церковь признает отсутствие консумации причиной развода. Не так ли, господин капеллан?

— Все верно, месье Молин, у христианского католического брака лишь одна цель: продолжение рода.

— Вот видите! — тихо сказал управляющий, и только Анжелика, хорошо его знавшая, смогла уловить иронию в словах старого лиса. — Что же касается доказательств вашей доброй воли, — лицо Молина стало лукавым, — то лучшим, на мой взгляд, стало бы скорое рождение наследника.

Филипп повернулся к Анжелике, которая в течение всего разговора пыталась оставаться бесстрастной. Но под его взглядом она не смогла удержаться и подняла глаза. Свирепое выражение на красивом лице маркиза вызвало у молодой женщины непроизвольную дрожь, которая отнюдь не была дрожью сладострастия.

— Ну что же, договорились, — очень медленно произнес Филипп, и на его губах заиграла жестокая улыбка. — Я постараюсь, Молин, постараюсь...

Глава 20

— Вы заставили меня сыграть еще более гнусную роль, чем я могла предположить, — сказала Анжелика Молину.

— Если вы уже выбрали для себя гнусную роль, мадам, то степень гнусности не столь важна. Важно лишь укрепить свои позиции.

Управляющий проводил молодую женщину да самой кареты. В своей черной шапочке и темном костюме, чуть сгорбленный и то и дело вкрадчивым жестом потирающий сухие ладони, он напоминал тень, явившуюся из прошлого.

«Я возвращаюсь к своим», — подумала Анжелика, и переполняющая ее сердце радость исцелила душевные раны, нанесенные презрением Филиппа.

Она снова встанет на ноги, вернется в привычный мир. Пока карета госпожи Моренс заворачивала во двор, чтобы остановиться у подъезда, управляющий, застыв на пороге дома, казалось, внимательно рассматривал звездное небо.

— Порой я спрашиваю себя, — произнес он, хмуря брови, — как мог умереть такой человек.

— Какой человек, Молин?

— Господин граф де Пейрак...

Анжелика вздрогнула, как от удара. В последнее время отчаяние, которое она всякий раз испытывала, вспоминая о Жоффрее, отяготилось жесточайшими угрызениями совести. Непроизвольно она тоже посмотрела на ночное небо.

— Вы думаете... он рассердился бы на меня за то, что... я выхожу за Филиппа? — спросила она.

Казалось, пожилой управляющий не слышит ее.

— Просто в голове не укладывается, что такой человек мог умереть, — продолжил он, качая головой.
— Возможно, король это вовремя понял...

Анжелика порывисто схватила собеседника за руку.

— Молин... вы что-то знаете?

— Я слышал, что король помиловал его... в последний момент.

— Увы! Я собственными глазами видела, как его сожгли на костре.

— Тогда давайте предоставим мертвецам хоронить своих мертвецов, — произнес Молин, сопроводив свои слова пасторским жестом, который ему так шел и которым при случае он пользовался, чтобы ввести в заблуждение окружающих. — И пусть жизнь продолжается!

В карете по дороге домой Анжелика прижала к груди руки, унизанные кольцами.

— Жоффрей, где ты? Огонь костра уже давно погас, так зачем вновь и вновь вспыхивает эта искра надежды... Если ты еще ходишь по земле, вернись ко мне!

Молодая женщина замолчала, испугавшись тех слов, что только что прошептала. Экипаж ритмично покачивался, и уличные фонари, установленные по приказу Ла Рейни^[51], бросали отсветы на ее платье. Полиция старалась рассеять мрак, в котором Анжелика так хотела бы сейчас раствориться полностью и без остатка.

Она боялась. Боялась Филиппа, но еще сильнее — того, чей призрак возникал у нее перед глазами, как будто для того, чтобы запретить ей следовать выбранной дорогой. Но она больше не могла гадать, были ее видения безумием или же нет. Она достигла своей цели. Другой цели у нее не было.

В отеле Ботрейи навстречу матери вышли Флоримон и Кантор. Оба мальчика были в нарядных костюмах из розового атласа с огромными кружевными воротниками. По бокам у них красовались маленькие шпаги, а шляпы украшали розовые перья.

Они оба держались за шею огромного рыжего дога, который был почти одного роста с Кантором.

С бьющимся сердцем Анжелика остановилась, восхищенная красотой дорогих ей созданий. До чего же они серьезны и насколько прониклись чувством собственной значимости! А как медленно они ступают, стараясь не помять свои великолепные наряды!

Сильные в своей слабости, они оттеснили в сознании матери и образ Филиппа, и призрак Жоффрея. «Пусть жизнь продолжается», — сказал ей старый гугенот-управляющий. А жизнь — это они. Именно ради них она должна следовать избранным путем, пусть медленно, но уверенно.

Детей нарядили в их праздничные костюмы, чтобы поприветствовать мадам де Севинье, которая уже больше часа ожидала Анжелику в большой гостиной.

К великому возмущению лакеев, Анжелика встала на колени, широко раскрыла объятия и прижала к сердцу обоих малышей и их дога.

***

Шоколадница госпожа Моренс — урожденная де Сансе?.. Несколько веков эта семья жила в неизвестности, но она была кровно связана с такими прославленными фамилиями, как Монморанси и де Гизы. К тому же некоторые молодые представители семьи недавно вновь обратили на себя внимание двора. Сама умирающая Анна Австрийская потребовала, чтобы у ее изголовья дежурил иезуит с пылающим взором, некий Раймон де Сансе. Теперь все знатные дамы двора

стремились получить его благословление. Неужели госпожа Моренс, чей экстравагантный образ жизни и внезапное восхождение стали предметом небольшого скандала, была родной сестрой этого пронциательного и сдержанного аббата, слывшего образцом добродетели?.. Многие сомневались в этом. Но на приеме, который давала мадам д'Альбре, присутствующие могли наблюдать, как иезуит нежно расцеловал будущую маркизу дю Плесси-Бельер, подчеркнуто обращая к ней на «ты» и долго подружески беседовал с ней братским тоном.

Впрочем, именно к Раймону отправилась Анжелика на следующий день после встречи с Молином.

Она знала, что найдет в нем верного союзника, который как бы невзначай, но самым надежным образом поспособствует восстановлению ее репутации в свете. Именно так и случилось.

Не прошло и недели, как рухнули все барьеры высокомерия, выстроенные между молодой женщиной якобы из простого сословия и благородными дамами квартала Маре. Анжелику расспрашивали о ее юной сестре, прелестной Мари-Аньес де Сансе, чья красота целых два сезона очаровывала королевский двор. Ее обращение к Богу временно, не правда ли? Но как бы то ни было, отныне двор будет гордиться присутствием другой Сансе, чья красота ничуть не уступает красоте младшей сестры, а деловой ум уже прославился повсюду.

Братья Анжелики — Дени и служивший пажом у мадам де Рошан Альбер пришли повидаться с ней и после долгих и вполне искренних излияний чувств попросили у сестры денег.

О другом брате, художнике, никто не упоминал, да никто о нем и не знал. Изредка вспоминали старшего брата, юного сумасброда, некогда уплывшего в Америку. Казалось, все забыли о первом браке

Анжелики и о причинах, которые могли толкнуть наследницу древнейшего дворянского рода заняться производством шоколада. Легкомысленные придворные и знатные дамы, тайком сообщив друг другу те или иные доверительные сведения, прекрасно умели все забывать, когда это было в их собственных интересах.

Все бывшие фавориты короля, за исключением де Гиша, опасаясь монаршей немилости, научились быть сдержаннее. После дела маленького торговца вафлями Вард, уличенный в заговоре с «испанским письмом», томился в тюрьме. Гиш удалился в изгнание.

Несмотря на известную всем любовь к сплетням, Великая Мадемуазель по своей искренней доброте тоже молчала. Она лишь нежно обняла Анжелику и сказала, растроганно смахнув слезинки:

— Моя дорогая, будьте счастливы, очень счастливы!

Разумеется, странные подробности из жизни некой Анжелики де Сансе могла припомнить мадам де Монтеспан, но, увлеченная собственными интригами, она даже не удосужилась о них подумать. Атенаис искренне радовалась, что скоро Анжелика будет представлена ко двору. Присутствие нежной Луизы де Лавальер и хмурой, плаксивой королевы превращало королевский дворец в весьма унылое место. Двору не хватало задора. А серьезный и несколько чопорный король стремился к радостям и безумствам, которых был лишен в ранней юности. Жизнерадостный характер Анжелики отлично подходил для того, чтобы оттенить яркий блеск Атенаис. Они составят отличную пару: две веселые красавицы, умеющие вовремя подать друг другу нужную реплику. Разве в модных салонах их появление не считалось залогом успешного вечера?

Атенаис де Монтеспан примчалась к подруге с кучей советов по поводу туалетов и драгоценностей, необходимых для первого появления в Версале.

А в порядочности госпожи Скаррон можно было не сомневаться. Рассудительная вдова искренне заботилась о том, чтобы настоящее, прошлое или будущее людей, которых она любила, не стало достоянием досужих сплетен, и потому никогда не опускалась до опрометчивой болтовни.

Так, окруженное всеобщим молчаливым согласием, недавнее прошлое Анжелики будто по мановению волшебной палочки провалилось в никуда. Как-то вечером, взглянув на кинжал Родогона Египтянина, молодая женщина подумала, что все, случившееся с ней, было всего лишь кошмарным сном, о котором не стоит больше вспоминать. Ее жизнь идет по давно задуманному плану, — жизнь Анжелики де Сансе де Монтелу, благородной девицы из Пуату, которая, как ей теперь казалось, еще с юности была обещана Филиппу дю Плесси-Бельеру.

Впрочем, исчезновение целой полосы прошлого не могло пройти без маленьких недоразумений.

Как-то утром, когда Анжелика занималась своим туалетом, ей сообщили, что ее просит об аудиенции дворецкий графа де Суассона, некий Одиже. Вместо того чтобы надеть платье и выйти в приемную, Анжелика сочла подобающим остаться в будуаре у туалетного столика. Знатная дама может себе позволить принимать представителя более низкого сословия в пеньюаре.

Когда Одиже вошел в комнату, она даже не повернула к нему головы, продолжая припудривать пышной пуховкой шею и грудь. В большом овальном зеркале Анжелика увидела, как в будуар вошел помещански скромно одетый посетитель. Строгое выражение лица, которое было ей хорошо знакомо, когда-то предшествовало так называемым «супружеским сценам».

— Входите, входите, Одиже, — самым сердечным тоном обратилась к нему Анжелика, — садитесь сюда, на табурет, рядом со мной. Мы давно не виделись, но ведь в этом не было необходимости. Со славным Маршандо наши дела идут просто великолепно!

— Я всегда тревожусь, когда долго не вижу вас, — срывающимся голосом заявил молодой человек. — Потому что за это время вы обычно делаете массу глупостей. Если верить молве, вы собираетесь выйти замуж за маркиза дю Плесси-Бельера. Это правда?

— Истинная правда, друг мой, — небрежно ответила Анжелика, снимая маленькой кистью излишки пудры с лебединой шеи. — Маркиз — мой кузен, и я полагаю, что на самом деле всегда была влюблена в него.

— Теперь наконец вы сумели осуществить все проекты, которые рождались в вашей маленькой честолюбивой головке! Я уже давно понял, что для вас нет ничего невозможного. Любой ценой, какого бы труда это ни стоило, вы стремитесь стать дворянкой...

— Я — дворянка, Одиже, я оставалась дворянкой, даже прислуживая клиентам мэтра Буржю. Если вы действительно в курсе последних новостей, то вам должно быть известно, что я — урожденная Анжелика де Сансе де Монтелу.

— Да, я знаю. И это известие позволило мне понять причину вашего пренебрежения. Вот почему вы отказывались становиться моей женой!.. Вы стыдились меня.

Нервным движением Одиже ослабил воротник, который душил его. Переведя дыхание, он продолжил:

— Я не могу представить себе, почему вы пали так низко, почему, когда мы с вами познакомились, вы были бедной служанкой и почему скрывались от собственной семьи. Но я достаточно разбираюсь в жизни, чтобы догадаться, что вы стали жертвой гнусных преступных интриг, которыми славится королевский двор. И вы

хотите вернуться в этот мир?! Нет, я пока что не могу относиться к вам как к знатной даме и поэтому продолжаю разговаривать с вами дружеским тоном, который, возможно, вас уже коробит... Нет, Анжелика, не исчезайте, это было бы страшнее смерти! Ведь из-за одного только мелочного тщеславия вы хотите опять окунуться в эту подлую, лицемерную и глупую среду! Анжелика, ведь вы — женщина, чьим ясным умом и здравым смыслом я всегда восхищался. Как же вы можете оставаться слепой и не замечать изъянов сословия, к которому принадлежите? Вам нужна здоровая атмосфера, в которой вы сможете расцвести. Как вы можете с такой легкостью отказаться от братского отношения, от доброты простых людей — всего, что вы нашли в нашей среде? Видите, я не стыжусь поставить себя на одну доску с мэтром Буржую!.. Вы останетесь в одиночестве среди этих интриганов, чье ничтожество и глупость будут вам претить, или сами станете такой же испорченной...

Анжелика раздраженно положила на туалетный столик свою серебряную расческу. Как ей надоели супружеские сцены, которые устраивает этот несносный Одиже! Неужели даже на пороге Версаля она будет вынуждена выслушивать его проповеди? Она посмотрела на полное, гладкое, с честными глазами лицо молодого человека, на его красивый рот и подумала: «Как обидно, что такой красивый мужчина настолько глуп!» Вздохнув, Анжелика решительно поднялась.

— Дорогой друг...

— Избави Боже, я вам больше не друг, — также вставая, заявил Одиже. — Госпожа маркиза позволяет дворецкому выйти вон...

Только что багровое, лицо Одиже стало мертвенно-бледным. Его черты исказились, голос срывался. Казалось, внезапно на него снизошло озарение.

— Иллюзии! — вспыхнул он. — Я все время был в плену иллюзий. Надо же, я представлял вас... своей женой! Несчастный кретин! Это правда... вы принадлежите вашему миру. В конце концов, вы оказались просто девкой, с которой можно весело покувыркаться!

В два шага он оказался рядом с Анжеликой, схватил ее за талию и повалил на тахту. Задышающийся от неистовой злобы, одной рукой он сжал руки молодой женщины за запястья и заломил их к груди, чтобы она не могла пошевелиться, а другой стал срывать пеньюар и тонкую рубашку, обнажая прекрасное тело.

Первой реакцией Анжелики было желание дать отпор, но вдруг она прекратила сопротивляться и застыла, подчинившись неистовой атаке. Одиже, готовившийся к отпору, почувствовал тщетность и смехотворность его попытки насилия. Растерявшись, он ослабил свою атаку, а затем и вовсе отпустил пленницу.

Безумным взглядом он впился в запрокинутое назад безжизненное лицо Анжелики.

— Почему вы не защищаетесь? — пробормотал дворецкий.

Анжелика пристально, не мигая, посмотрела на Одиже своими огромными зелеными глазами. Впервые она видела дворецкого так близко и теперь внимательно вглядывалась в его карие глаза, где поочередно вспыхивали и гасли то безумие, то отчаяние, то страсть.

— Вы были весьма полезным деловым компаньоном, Одиже, — прошептала она. — Я не могу этого не признать. Если хотите, возьмите меня. Я не откажусь. Вам известно, что я никогда не отстаю, когда приходит время отдавать долги.

Потеряв дар речи, Одиже продолжал смотреть на Анжелику. Смысл слов, произнесенных ею, начал постепенно доходить до его сознания. Он ощущал

прикосновение гибкой и упругой плоти, благоухающей такими незнакомыми и в то же время привычными ароматами, которые лишали его сил. Анжелика казалась совершенно спокойной. Справедливость должна восторжествовать, он имеет право взыскать с нее долг, который она готова заплатить без малейших колебаний. Но ее отсутствующий вид был оскорбителен. Ему предлагали оболочку, лишенную души.

Одиже все понял. Издав звук, похожий на рыдание, он поднялся и, пошатываясь, отступил назад, не сводя глаз с Анжелики.

Она не шевелилась и все еще полулежала на тахте, даже не пытаясь прикрыть оголенную грудь кружевом разорванного пеньюара. Он видел ее ноги, о которых столько мечтал и которые, как он и думал, оказались совершенными. Длинные, стройные, они заканчивались крошечными ступнями, выделявшимися на фоне бархатных подушек, как чудесные статуэтки из слоновой кости. Он глубоко вздохнул.

— Конечно, я буду жалеть об этом всю жизнь, — приглушенно произнес он. — Но, по крайней мере, не стану презирать себя. Прощайте, мадам! Я не нуждаюсь в вашей милостыне.

Он отступил к двери и вышел.

Еще некоторое время Анжелика размышляла, не вставая с тахты. Потом она оценила ущерб, нанесенный ее туалету: воротник из брабантского кружева был безнадежно испорчен!

«Черт бы побрал всех этих мужчин!» — раздраженно подумала она.

Анжелика вспомнила, как во время прогулки на мельницу Жавель мечтала о том, чтобы дворецкий стал ее любовником. Но обстоятельства переменились. В ту пору Одиже был много богаче ее, а воротник, который тогда был на ней, не стоил и трех ливров...

С тихим вздохом Анжелика вновь уселась за туалетный столик. «Нинон де Ланкло права, — подумала молодая женщина, — все любовные недоразумения проистекают из-за того, что часы желания не звонят одновременно». Рассуждения Нинон о мужчинах, для которых женщина всегда будет оставаться «существом низшим», помогли куртизанке избежать многих ошибок.

На другой день служанка из кондитерской «У испанской карлицы» принесла Анжелике коротенькую записку от Одиже, который просил свою компаньонку встретиться вечером, чтобы вместе просмотреть расходные книги. Анжелике показалось, что повод шит белыми нитками: после бессонной ночи, проведенной в страданиях, бедняга решил послать к черту достоинство и великодушие и воспользоваться выпавшей ему удачей. Но Анжелика не собиралась менять своего решения. Как и накануне, она готова поступить по совести, понимая, сколь многим обязана Одиже в прошлом.

Так что пусть и без особого энтузиазма, но настроенная решительно, Анжелика отправилась на встречу с Одиже, намереваясь этим любовным свиданием выразить ему свою благодарность. Она нашла дворецкого в маленьком кабинете, расположенном рядом с залом для дегустаций. Молодой человек был в дорожном камзоле и охотничьих сапогах. Он выглядел очень спокойным, даже жизнерадостным, и ни словом не намекнул на их вчерашнюю ссору.

— Пожалуйста, извините, мадам, что побеспокоил вас, — начал он, — но хотя управление Маршандо внушает нам доверие, все же перед отъездом я счел необходимым проверить, как идут дела в кондитерской.

— Вы уезжаете?

— Да. Я только что подписал контракт о переводе на службу во Франш-Конте. Ходят слухи, что весной Его

Величество намеревается завоевать там несколько городов, и граф де Суассон желает, чтобы я сопровождал его в поездке.

Вместе с Маршандо они больше часа проверяли расчетные книги, потом отправились в мастерские, чтобы осмотреть машины, а затем — на склады проверять запасы какао, сахара и пряностей. В какой-то момент Одиже поднялся с места и вышел, как будто бы за каким-то документом по счетам. Но минутой спустя Анжелика услышала удаляющийся стук лошадиных копыт. Она поняла, что Одиже уехал и больше она его не увидит.

Глава 21

Закончив письмо судовладельцу из Ла-Рошели, Анжелика посыпала его песком и положила в конверт. Потом, надев маску и накидку, она прислушалась к гулу голосов, доносившихся из набитого до отказа зала: короткий, но сильный ливень загнал сюда посетителей из уличных беседок, где они до этого сидели.

Сладковатый запах шоколада смешивался с ароматом жареного миндаля и проникал в кабинет, в котором вот уже целых два года Анжелика, облаченная в черное платье с белыми воротником и манжетами, с гусиным пером в руке корпела над бесконечными счетами.

По привычке она подошла к порогу взглянуть на «своих» клиентов через небольшую щель в портьерах. Став маркизой дю Плесси-Бельер, в этот зал она сможет приходить только затем, чтобы отведать «божественный шоколад», и только как гостья, окруженная толпой кавалеров. Это будет забавно. Право, пикантный реванш.

Огромные зеркала в деревянных позолоченных рамах отражали оживленный зал, в котором Анжелика всегда старалась поддерживать самую изысканную атмосферу. Впрочем, в кондитерской «У испанской карлицы» добиться этого было совсем нетрудно: шоколад — напиток, способствующий приятным речам, а не жестоким ссорам.

Укрывшись за портьерами, молодая женщина заметила за ближайшим столиком молодого человека, который, сидя в одиночестве перед дымящейся чашкой, меланхолично крошил фисташки. Взглянув на этого человека в первый, а затем во второй раз, Анжелика сказала себе, что его лицо кажется ей знакомым. А

посмотрев на посетителя в третий раз, заподозрила, что этот богато разодетый господин — не кто иной, как умело загримированный полицейский Дегре. Анжелика обрадовалась почти как ребенок. Окруженная ледяной злобой жениха, упреками Одиже, любопытством друзей, Анжелика поняла, что сейчас Дегре — единственный, с кем она могла бы поговорить по душам, не призывая на помощь свое мужество и не ломая комедию.

Она вышла из своего укрытия и подошла к столику.

— Мне кажется, что вами пренебрегли, мэтр Дегре, — тихим голосом сказала Анжелика. — Могу ли я, пусть самым скромным образом, заменить собой ту жестокосердную особу, которая не пришла к вам на свидание?

Молодой человек поднял глаза и узнал свою давнюю знакомую.

— Удостоиться общества хозяйки сего божественного заведения — великая честь для меня.

Смеясь, Анжелика села и подала знак одному из негрят принести ей чашку шоколада и печенье.

— И на кого вы охотитесь на моих землях, Дегре? На дерзких памфлетистов?

— Нет. На другую столь же достойную добычу, но в женском обличье, то есть на отравительниц.

— Фи! Как это банально. Например, я отлично знаю нескольких из них, —необдуманно заявила Анжелика, вспомнив о мадам де Бренвилье.

— Мне это известно. Но было бы лучше, если бы вы забыли о своем знакомстве с ними.

Собеседник даже не улыбнулся, и Анжелика кивнула в ответ.

— А когда мне понадобятся сведения, я ведь всегда смогу попросить вас сообщить их мне, — заметил Дегре с иронической полуулыбкой. — Думаю, вы сделаете это весьма охотно.

Анжелика пригубила обжигающий напиток, который налил ей негритенок Том.

— Как вы находите шоколад, господин Дегре?

— Это истинное наказание! Но во время расследований всегда надо быть готовым к подобного рода испытаниям. Признаюсь, что по долгу службы я порой бывал и в более зловещих местах, нежели эта кондитерская. Здесь очень мило...

Анжелика не сомневалась, что Дегре был в курсе ее предстоящего брака с Филиппом. Но поскольку он сам не заговаривал об этом, она не знала, с чего начать разговор.

Но повод подвернулся: в веселой компании кавалеров и дам она заметила маркиза Филиппа собственной персоной. Анжелика надеялась, что в укромном уголке зала, да еще и под маской, дю Плесси не узнает свою невесту.

Указав Дегре на Филиппа, она сказала:

— Видите дворянина в костюме из небесно-голубого атласа? Так вот, я собираюсь за него замуж.

Дегре изобразил удивление.

— Неужели?.. А разве это не тот самый прелестный кузен, который как-то вечером хотел развлечься с вами в трактире «Красная маска»?

— Он самый, — подтвердила Анжелика, дерзко вскинув подбородок. — Ну, так что вы думаете?

— О вашем браке или о вашем кузене?

— И о том, и о другом.

— Брак — весьма деликатная тема, и я оставляю беседу о нем вашему исповеднику, дитя мое, — произнес Дегре назидательным тоном. — Что касается кузена, я с прискорбием должен заметить, что он отнюдь не соответствует вашему идеалу мужчины.

— Это еще почему? Он очень красив.

— Несомненно. Но красота — это последнее, что привлекает вас в мужчинах. Вы любите в них те

качества, которые прежде всего делают их непохожими на женщин: ум, взгляды на мир, пусть даже не всегда верные, но которые кажутся вам новыми, неожиданными. И еще вас привлекает тайна их мужского естества. Да, мадам, вы именно такая. И не стоит смотреть на меня из-под вашей маски с видом оскорбленной невинности. Более того, добавлю, что чем больше мужчина выделяется из всего остального человеческого стада, тем скорее вы признаете в нем своего господина. Именно поэтому вы любите оригиналов, отверженных, бунтовщиков. И поэтому все ваши романы заканчиваются весьма печально. Если мужчина сумеет вас заинтересовать и насмешить, то вы уже готовы идти за ним на край света. А если при этом он достаточно силен и искушен в любовной науке, чтобы удовлетворить желания вашего маленького капризного тела, вы простите ему все. А этот господин, хоть и весьма неглуп, не обладает истинным разумом. И если он вас полюбит, есть серьезный риск, что очень скоро вы будете смертельно скучать в его присутствии.

— Он не любит меня.

— Это уже лучше. Тогда вы сможете развлечься, пытаясь влюбить его в себя. Но если говорить о физической любви, готов держать пари, что в ней он менее изыскан, чем самый последний землепашец. Сдается мне, он из своры красавчиков Месье?

— Мне не нравится, как вы отзываетесь о Филиппе, — сказала помрачневшая Анжелика. — Ах, Дегре, мне очень неловко задавать вам этот вопрос, но... такого рода привычки... не могут помешать мужчине... ну, например, завести детей?

— Все зависит от того, о каких мужчинах идет речь, моя милая невинная красавица, — смеясь, сказал Дегре. — Сложение этого молодого человека свидетельствует о том, что у него есть все необходимое для того, чтобы осчастливить женщину и подарить ей целую кучу

ребятишек. Но если говорить о нем самом, то у него неладно с сердцем. Когда он умрет, сердце в его груди не станет холоднее, чем сейчас. Ба! Как я погляжу, вы мечтаете испробовать его достоинства. Замечательно! Давайте, жадно впивайтесь в него своими прелестными зубками, и главное — ни о чем не жалейте. А я вас покидаю.

Он поднялся, чтобы поцеловать Анжелике руку.

— Моя отравительница не пришла. Какая досада! Но позвольте поблагодарить вас за столь приятную компанию.

Когда он пошел к выходу, пробираясь между столами, Анжелика осталась за столиком, в панике чувствуя, как печаль сжимает ей горло.

«Я покидаю вас», — сказал Дегре.

И только тут Анжелика вдруг осознала, что в мире, куда она собирается вернуться: королевский двор, Версаль, Сен-Жермен, Лувр — ей никогда не встретить полицейского Дегре и его Сорбонну. Они уйдут из ее жизни, сольются с толпой слуг, торговцев, лакеев и прочего мелкого люда, что вращается вокруг сильных мира сего, а они его просто не замечают.

Анжелика вскочила и кинулась к двери, за которой скрылся Дегре. Она увидела, как он удаляется по аллее темного сада, а за ним бежит трусцой белая Сорбонна.

Молодая женщина бросилась за полицейским.

— Дегре!

Он остановился и, обернувшись, пошел к ней навстречу. Анжелика потянула Дегре в какую-то темную беседку и обвила руками его шею.

— Поцелуйте меня.

Полицейский вздрогнул.

— Что на вас нашло? Вам надо спасти какого-нибудь памфлетиста?

— Нет... я...

Она не знала, как объяснить панику, охватившую ее при одной только мысли, что она его больше не увидит. Смущенная Анжелика ласково потерлась щекой о плечо Дегре.

— Понимаете, я собралась замуж. Тогда у меня уже не будет возможности изменять мужу.

— Напротив, дорогая. Знатная дама не может выставить себя всеобщим посмешищем и любить только собственного супруга, оставаясь ему верной. Но я вас понимаю. Когда вы станете маркизой дю Плесси-Бельер, вы сочтете не слишком изысканным относить к числу своих любовников простого полицейского по имени Дегре!

— Ах! Ну почему вы во всем ищите какие-то скрытые мотивы? — возразила Анжелика.

Она хотела засмеяться, но не сумела справиться с волнением. И когда вновь заговорила, ее глаза были полны слез, а голос звучал глухо:

— К чему искать мотивы? Неужели хоть один человек, от сотворения мира и до наших дней, сумел понять тайну женского сердца и то, что способно породить в нем страсть?

В этих словах, произнесенных почти шепотом, Дегре уловил дальнейшее эхо собственной речи — речи того адвоката, который когда-то поднялся на кафедру зала суда, чтобы защищать графа де Пейрака.

Не говоря ни слова, он сомкнул объятия и прижал Анжелику к груди.

— Дегре, вы мой друг, — прошептала Анжелика. — У меня никогда не было и не будет лучшего друга. Скажите, ведь вы все знаете... скажите, что я не стала недостойной ЕГО. Это был человек, сумевший подняться над своими невзгодами и несчастьями, больше того, он умел властвовать над умами... мало кто на земле способен на такое... А я? Разве я не поднялась над невзгодами?.. Вы же знаете, из какой ямы я выбралась!

Скажите: неужели я недостойна человека необычайной, железной воли, каким был граф де Пейрак?.. Разве он не признал бы равным своему мужеству то упорство, с которым я вытаскивала из нищеты его сыновей?.. Если бы он вернулся...

— Эх! Не ломайте себе голову, ангел мой, — растягивая слова, ответил Дегре. — Если бы он вернулся... если бы он вернулся, насколько я могу судить об этом человеке, думаю, что для начала он устроил бы вам хорошую выволочку. Потом он бы вас обнял и занялся с вами любовью до тех пор, пока вы не запросили бы пощады. А потом вы нашли бы тихий и укромный уголок, чтобы жить там до самой золотой свадьбы. Успокойтесь, мой ангел. И идите вперед по избранному пути.

— Не странно ли, Дегре, что я никак не могу отказаться от надежды когда-нибудь вновь увидеть его? Есть люди, которые говорят, что тогда на Гревской площади сожгли не его.

— Не слушайте пустых рассказней, — жестко оборвал ее полицейский. — Жизнь и смерть удивительных личностей всегда обрастает легендами. Анжелика, он мертв. Оставьте пустые надежды. Не травите себе душу. Смотрите только вперед и выходите замуж за своего расчудесного маркиза.

Она не ответила. Ее сердце разрывалось от бесконечного, безысходного, какого-то детского страдания.

— Я больше не могу! — простонала она. — Я так несчастна... Поцелуйте меня, Дегре.

— Ох уж эти женщины! — проворчал бывший адвокат. — Сначала они рассказывают вам о своей большой и единственной любви, о самом дорогом человеке. А уже через секунду просят их поцеловать. Что за порода!

Резким, почти грубым движением он стянул до локтей рукава ее корсажа, и Анжелика почувствовала, как мужские, покрытые мелкими волосками руки скользнули под ее обнаженные плечи и сомкнулись на спине, как будто он хотел вкусить сладостную тайну ее горячего тела.

— Вы чертовски привлекательны, не могу этого отрицать, но все же я не стану вас больше целовать.

— Почему?

— Потому что у меня есть другие дела, помимо занятий с вами любовью. Да, один раз я пошел на это, но только ради того, чтобы выручить вас. Во второй раз это было бы уже слишком, это нарушило бы мой душевный покой.

Он медленно убрал руки, слегка коснувшись прелестной груди, трепещущей под корсажем.

— Не сердитесь на меня, прелесть моя, и хоть изредка вспоминайте о простом полицейском. Я буду благодарен вам за это. Удачи, Маркиза Ангелов!..

Глава 22

Филипп сразу заявил, что венчание состоится в замке Плесси. Он не желал устраивать пышную свадебную церемонию. Такое решение вполне устраивало Анжелику, которая получала возможность разыскать злополучный ларец, не привлекая к своим действиям излишнего внимания. Порой она спрашивала себя, а лежит ли ларец по-прежнему в ложной башенке замка, и у нее на лбу выступал холодный пот. Вдруг кто-нибудь его нашел? Хотя едва ли. Кому взбрдет в голову прогуливаться по водостоку, такому узкому, что и пройти-то под силу только ребенку? И уж подавно кто станет заглядывать внутрь маленькой, ничем не примечательной угловой башенки, которая служила всего лишь украшением фасада? Анжелика знала, что в последние годы замок Плесси не перестраивался. Значит, у нее были все шансы вернуть себе главную ставку в игре, которая приведет ее к победе, и во время венчания она сможет вручить ларец Филиппу.

Подготовка к отъезду в Пуату проходила весьма бурно. Уезжали не только Флоримон и Кантор, но и все домочадцы: Барба, Легкая Нога, собаки, обезьянка и попугаи. Чтобы разместить дорожные сундуки и челядь, потребовались карета и две повозки. Филипп со своей свитой ехал отдельно.

Маркиз вел себя так, словно не имел к происходящему никакого отношения. Он продолжал посещать празднества, блистал при дворе. Когда ему намекали на скорую женитьбу, светский щеголь удивленно поднимал брови, а затем оскорбительно-пренебрежительным тоном восклицал: «Ах да! В самом деле!»

За последнюю неделю Анжелика не встретила с ним ни разу. Дю Плесси передавал невесте через Молина коротенькие записки с указаниями, что ей следует делать. Она должна уехать такого-то числа. Он присоединится к ней в такой-то день. Он прибудет с аббатом и Молином. Венчание состоится незамедлительно.

Анжелика безропотно играла роль покорной супруги. Она потом подумает над тем, как заставить этого молокососа изменить тон. В конце концов, она приносит ему весьма солидное приданое, и уж точно не разбивала ему сердце, оторвав от малышки Ламуаньон. Она заставит Филиппа понять, что если и была вынуждена действовать немного грубо, то все же этот брак выгоден им обоим, а его обиды просто смешны.

Испытывая одновременно разочарование и облегчение от того, что не видит Филиппа, Анжелика старалась лишней раз не вспоминать о «женихе». «Проблема Филиппа» как болезненная заноза мешала ее торжеству, и когда она думала о свадьбе, то понимала, что боится. Так что лучше и не думать.

Менее чем за три дня экипажи покрыли расстояние, отделяющее Париж от Пуатье. Дороги, размытые весенними дождями, находились в весьма плачевном состоянии, но обошлось без происшествий, если не считать, что при въезде в Пуатье треснула ось кареты. В городе путешественники задержались на сутки. Через день, когда карету починили, они продолжили путь. Анжелика начала узнавать окрестности. Они проехали невдалеке от Монтелу, но молодая женщина сдержала себя и не бросилась к отчому дому, потому что дети устали и были очень грязными. Предыдущую ночь они провели на отвратительном постоялом дворе, кишасщем клопами и крысами. Чтобы привести себя в порядок, надо было ехать в Плесси.

Обняв за плечи своих малышей, Анжелика с восторгом вдыхала чистый деревенский воздух, напоенный ароматом цветов. Она с недоумением спрашивала себя, как могла прожить много лет в таком грязном городе, как Париж. Она радостно вскрикивала, вспоминая названия деревушек, мимо которых они проезжали, и каждая воскрешала в ее памяти какую-нибудь забавную историю из детства. В последние дни она подробно описывала сыновьям Монтелу и те веселые забавы, в которые они смогут там поиграть. Из ее рассказов Флоримон и Кантор узнали о тайнике в подвале замка, где она когда-то устроила себе логово колдуньи, и о чердаке со множеством восхитительных укромных мест.

Наконец, вдали появился таинственный белый замок Плесси, возвышавшийся на берегу пруда. Анжелике, повидавшей к тому времени множество роскошных парижских особняков и дворцов, он показался намного меньше, чем ей помнилось по детским воспоминаниям. Навстречу вышли несколько слуг. Хотя сеньоры дю Плесси и забросили свою провинциальную резиденцию, замок находился в хорошем состоянии благодаря неусыпным хлопотам Молина. Гонец, отправленный неделей ранее, приказал открыть все окна, и свежий запах воска для натирки полов почти заглушил запах плесени, поселившейся в старинных гобеленах. Но Анжелика не испытала долгожданного восторга. Казалось, все ее чувства внезапно притупились. Быть может, стоило заплакать от волнения, или закружиться в танце, или закричать, обнимая Флоримона и Кантора. Но нет. Она ощущала себя совершенно опустошенной и была настолько потрясена возвращением в родной край, что на эмоции просто не осталось сил.

Анжелика спросила, где могут отдохнуть ее дети, и сама проследила за их обустройством. Она ушла только после того, как убедилась, что малышей искупали,

переодели в чистые и удобные курточки и усадили за стол, уставленный молочными продуктами и сладкими пирогами, которые принесли крестьяне.

Анжелика велела проводить ее в северное крыло, где по приказу будущей хозяйки замка слуги приготовили для нее комнату принца Конде. Там ждала Жавотта, чтобы помочь госпоже переодеться. Слуги внесли в ванную комнату, смежную со спальней, чаны с горячей водой. Совершенно машинально на их приветствия Анжелика ответила на пуатевинском диалекте. Бедняги разинули рты от неожиданности, услышав, как знатная парижская дама, чьи наряды показались им почти сказочными, изъясняется на их родном языке, будто знает его с колыбели.

— Но это и в самом деле так! — рассмеялась Анжелика. — Вы меня не узнали? Я — Анжелика де Сансе. А тебя я помню, ты — Гийо из деревни Мобюи, рядом с Монтелу.

Тот, кого молодая женщина назвала Гийо, восторженно улыбнулся: именно с ним теплыми летними днями Анжелика совершала набеги на заросли ежевики и вишни.

— Так, значит, это вы, госпожа, стали женой нашего хозяина?

— Да, я.

— Здорово, вот все обрадуются! А то мы все гадали, кто же будет нашей новой хозяйкой.

По всему выходило, что даже местные жители ничего не знали о предстоящем бракосочетании. Более того, они почему-то ошибочно считали, что их господин уже женился.

— Эх, жалко, что вы не дотерпелись до возвращения в наши края, — посетовал Гийо, качая лохматой головой. — Мы бы устроили вам чудесную свадьбу!

Анжелика не осмелилась разоблачить Филиппа, сказав увальню Гийо, что на самом деле их венчание

должно состояться именно в Плесси и что она очень рассчитывала увидеть на свадебных торжествах всю округу.

— Ну, праздники еще будут, — пообещала она.

Затем будущая маркиза немного поторопила Жавотту, чтобы та поскорее закончила ее туалет. Когда юная горничная удалилась, Анжелика, закутавшись в шелковый халат, вышла на середину комнаты.

Прошло уже больше десяти лет, а убранство залы ничуть не изменилось. Но теперь Анжелика не смотрела вокруг глазами потрясенной девочки. Она сочла, что массивная мебель из черного дерева в голландском стиле, как и постель с четырьмя солидными колоннами выглядят совсем устаревшими. Привыкшая у себя дома к навощенному паркету, она изумленно разглядывала мозаичный пол с растительным орнаментом. Чересчур простая обстановка для будущей маркизы! Даже висевшая на стене картина с изображением Олимпа потеряла свою волнующую привлекательность.

Молодая женщина подошла к окну и открыла его. Увидев, сколь узок выступающий край карниза, по которому она когда-то проворно шла, Анжелика в ужасе застыла.

«Я стала слишком толстой и никогда не смогу добраться до башенки», — в отчаянии подумала она.

Обычно ее стройное тело вызывало восхищение. Но в тот вечер Анжелика осознала, что бег времени неумолим. Она утратила не только былую легкость, но и гибкости теперь ей тоже не доставало: она попросту рисковала свернуть себе шею.

Немного подумав, молодая женщина решила позвать Жавотту.

— Жавотта, девочка моя, ты такая тоненькая, маленькая и гибкая, как тростинка. Залезай, пожалуйста, на этот карниз и попытайся добраться вон до той угловой башенки. Только не упади!

— Хорошо, госпожа, — ответила Жавотта, которая для того, чтобы порадовать Анжелику, пролезла бы и в игольное ушко.

Высунувшись из окна, Анжелика с тревогой следила за тем, как девушка идет по водостоку.

— Загляни внутрь башенки. Ты что-нибудь видишь?

— Я вижу что-то темное, какую-то коробку, — тотчас ответила Жавотта.

Анжелика закрыла глаза. От волнения ей пришлось опереться о подоконник.

— Вот и отлично. Возьми ее и очень осторожно принеси мне.

Несколько секунд спустя Анжелика уже держала в руках ларец монаха Экзили. Его покрывала толстая корка грязи, затвердевшая от влажности. Но ларец был из сандала, поэтому ни крысы, ни плесень не повредили его.

— Теперь ступай, — глухим от напряжения голосом велела Анжелика Жавотте. — И не болтай о том, что ты сейчас делала. Если будешь держать язык за зубами, я подарю тебе чепец и новое платье.

— Ах, госпожа, с кем мне болтать-то? — заныла Жавотта. — Я даже языка этих местных не понимаю.

Девушка очень горевала, что они покинули Париж. Печально вздохнув, она отправилась искать Барбу, чтобы посплетничать с ней об общих знакомых, например о господине Давиде Шайю.

Анжелика старательно почистила ларец. Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы привести в действие покрытую ржавчиной пружину. Наконец крышка открылась и перед глазами сверкнула изумрудного цвета склянка с ядом, покоившаяся на сложенных листах бумаги. Некоторое время Анжелика смотрела на нее, потом вновь закрыла ларец. Куда же убрать его до приезда Филиппа, до того часа, когда она передаст ларец жениху в обмен на обручальное кольцо?

Молодая женщина решила, что спрячет ларец в том же секретере, откуда так легкомысленно забрала его много лет назад. «Если бы я только знала! — подумала Анжелика. — Но разве можно в тринадцать лет предугадать последствия своих поступков?»

Спрятав ключ от секретера за корсаж, молодая женщина с тоской оглядывала комнату. Это место принесло ей столько горя. Она была убеждена, что именно из-за этой кражи, которую она совершила по неосмотрительности, был осужден Жоффрей, ее единственная любовь, и что именно из-за ларца была разрушена их жизнь!

Анжелика постаралась выбросить все это из головы и отдохнуть. Но, заслышав гомон детских голосов на лужайке у дома, она поняла, что дети встали, и тут же присоединилась к ним. Вместе с Барбой, Жавоттой, Легконогим и Флипо они втиснулись в старую двуколку, которой Анжелика захотела править сама. И веселая компания отбыла в Монтелу.

Солнце клонилось к закату и заливало шафранным светом бескрайние зеленые луга, на которых паслись многочисленные стада мулов. Из-за осушения болот окружающая местность сильно изменилась.

Казалось, что речная долина, окаймленная изумрудными сводами, отступила к западу.

Но, миновав подъемный мост, по которому, как и прежде, важно разгуливали индюки, Анжелика поняла, что замок ее детства остался прежним. Барон де Сансе располагал теперь значительным достатком, но так и не удосужился заняться ремонтом старого здания. Полуразрушенный донжон, весь увитый плющом, продолжал осыпаться, а главный вход, как и раньше, вел прямо в кухню.

Барона они нашли рядом со старой кормилицей, которая как раз чистила лук. Няня была все такой же дородной и бодрой. Правда, у нее выпало несколько

зубов, а лицо в обрамлении белоснежных волос потемнело, под стать мавританке.

Но странное дело — Анжелике показалось, что радость, с которой ее встретили дома, была какой-то неискренней, вымученной. Так случается, когда люди внезапно узнают, что человек, которого они уже давно считали мертвым, неожиданно оказался живым и здоровым. Конечно, его долго оплакивали, но жизнь шла без него своим чередом, и вот теперь мнимого усопшего придется заново как-то в нее включать.

Неловкость рассеяло присутствие Флоримона и Кантора. Кормилица плакала, прижимая к сердцу «милых ангелочков». Через пару минут щеки детей покраснели от ее поцелуев, а их руки наполнились яблоками и орехами. Кантор, взобравшись на стол, исполнил весь свой песенный репертуар.

— А привидение, старая дама из Монтелу, все еще гуляет по замку? — спросила Анжелика.

— Я ее очень давно не видела, — ответила кормилица, качая головой. — С тех самых пор, как Жан Мари, младшенький, уехал в коллеж, она больше не появлялась. Я всегда считала, что она ищет ребенка...

В плохо освещенной комнате перед рамой для гобелена по-прежнему восседала тетя Жанна, похожая на черную жирную паучиху, обосновавшуюся в центре своей паутины.

— Она ничего не слышит, да и с головой у нее не все в порядке, — предупредил барон.

Между тем старуха, осмотрев Анжелику с головы до ног, неожиданно хрипло прокаркала:

— Хромой тоже приехал? Я думала, его сожгли!

Это был единственный намек на первый брак Анжелики, прозвучавший в Монтелу. Остальные домочадцы, видимо, предпочитали оставить в тени забвения тот отрезок жизни Анжелики. Впрочем, старого барона вообще мало что волновало. По мере

того как дети покидали родовое гнездо, уезжая или выходя замуж, они все несколько перепутались у него в голове. Старик много говорил о Дени, офицере, и о Жане Мари, самом младшем. Он не интересовался Ортанс и не знал, что стало с Гонтраном. Главной темой его разговоров, как и прежде, оставались мулы.

Пройдясь по замку, Анжелика почувствовала облегчение. Монтелу остался все тем же. Немножко печальным, едва ли не убогим, но по-прежнему радушным!

Она искренне возликовала, увидев, что мальчики устроились на кухне Монтелу так, словно они родились среди ароматов супов с капустой и с колыбели слушали истории кормилицы.

Они упрашивали мать остаться ужинать и ночевать в замке. Но Анжелика увезла сыновей обратно в Плесси, так как опасалась пропустить приезд Филиппа. Она хотела встретить его сама.

На следующий день, не дождавшись гонца от будущего супруга, молодая женщина снова отправилась к отцу.

Вместе с ним она прошлась по родовым землям, и отец показывал ей, как он все обустроил.

Уже перевалило за полдень. Погода баловала, в теплом воздухе витали дивные ароматы, и Анжелике хотелось петь от счастья. Но когда прогулка подошла к концу, барон вдруг остановился, внимательно посмотрел на дочь и со вздохом спросил:

— Так, значит, ты вернулась, Анжелика?

Он сжал плечо повзрослевшей дочери и со слезами на глазах несколько раз повторил:

— Анжелика, девочка моя, Анжелика!..

Взволнованная, она ответила:

— Да, я вернулась, отец, теперь мы будем часто встречаться. Ведь вы знаете, что скоро состоится моя

свадьба с Филиппом дю Плесси-Бельером, вы дали согласие на брак.

— А разве свадьбы еще не было? — удивился барон.

Анжелика сжала губы и промолчала. С какой целью Филипп убедил всю округу и даже ее собственную семью в том, что их венчание прошло в Париже?..

Глава 23

На обратном пути Анжелика испытывала смутное беспокойство, и ее сердце забилося, как бешеное, когда во дворе замка она увидела экипаж маркиза.

Лакеи сообщили, что их хозяин прибыл более двух часов тому назад. Пока Анжелика разговаривала со слугами, дети обогнали ее и направились внутрь замка: они уже привыкли к новому дому.

Молодая женщина поспешила в замок, досадуя на себя, что отсутствовала, когда прибыл Филипп.

Поднимаясь по лестнице, она услышала детские крики.

«Опять Флоримон и Кантор расшумелись, — с досадой подумала она. — Деревенский воздух сделал их слишком непоседливыми».

Нельзя допустить, чтобы будущий отчим счел ее детей дурно воспитанными. Анжелика бросилась к комнате мальчиков, намереваясь строго призвать шалунов к порядку. Уже у двери она узнала голос Кантора. Мальчик захлебывался испуганным криком, и этому крику вторил злобный лай собак.

Анжелика открыла дверь и в ужасе остановилась.

Перед камином, в котором бушевал огонь, прижавшись друг к другу, стояли Флоримон и Кантор, а на них наступали три огромных волкодава, черных, как исчадия ада. Они свирепо лаяли и рвались с кожаных поводков. Концы поводков были в руке маркиза дю Плесси. Тот удерживал собак, но, казалось, забавлялся страхом детей. На плиточном полу в луже крови Анжелика увидела труп Портоса, любимого дога мальчиков — должно быть, преданный пес погиб, пытаясь защитить своих хозяев.

Кантор кричал, и его круглое личико было залито слезами. Но мертвенно-бледный Флоримон проявил небывалое мужество. Он достал свою маленькую шпагу и выставил ее в сторону собак, защищая брата.

Анжелика даже не закричала. Ее непроизвольная реакция оказалась быстрее мысли: схватив тяжелый деревянный табурет, она со всей силы запустила им в собак, которые взвыли от боли и отступили.

Анжелика сразу прижала к себе Флоримона и Кантора. Сыновья судорожно вцепились в мать, а Кантор тут же замолчал.

— Филипп, — срывающимся голосом произнесла Анжелика, — не следует так пугать детей... Они могли упасть в огонь... Посмотрите, Кантор даже обжег себе руку...

Молодой человек перевел на будущую супругу прозрачные, как лед, и такие же холодные глаза.

— Ваши сыновья трусливы, как бабы, — пробормотал он заплетающимся языком.

Его лицо было темнее, чем обычно, он слегка покачивался.

«Да он пьян», — подумала Анжелика.

В этот миг появилась запыхавшаяся Барба. Девушка прижала руку к груди, пытаясь унять сердцебиение. Она с выражением ужаса на лице посмотрела на Филиппа, потом на Анжелику и, наконец, заметила мертвую собаку.

— Пусть госпожа простит меня, — запричитала служанка. — Я пошла на кухню за молоком и ужином для малышей. Я оставила их под присмотром Флипо. Я не знала...

— Ничего страшного, Барба, — очень спокойно сказала Анжелика. — Дети не приучены к таким свирепым охотничьим псам. Но, конечно, они должны привыкнуть, если захотят, как истинные дворяне, став постарше, загнать оленя и кабана.

Во взглядах будущих дворян, устремленных на трех огромных собак, не читалось ни малейшего энтузиазма. Но рядом с матерью они больше ничего не боялись.

— Вы мои глупышки, — с ласковой укоризной пожурила сыновей Анжелика.

Филипп, в коричневато-золотистом бархатном костюме для верховой езды, стоял, широко расставив ноги, и смотрел на мать с детьми. Неожиданно он хлестнул собак своим хлыстом, дернул их за повод и вышел из комнаты.

Барба торопливо захлопнула дверь.

— Меня разыскал Флипо, — зашептала она. — Господин маркиз выгнал его из комнаты. И не пытайтесь меня отговорить. Я все равно уверена — он хотел, чтобы собаки загрызли мальчиков...

— Не говори глупости, Барба, — сухо оборвала Анжелика. — Просто господин маркиз не умеет общаться с детьми, он хотел всего лишь поиграть с ними...

— Ну да! Игры знатных господ! Мы-то знаем, как далеко они могут зайти. Я вот помню одного бедного малыша, который слишком дорого заплатил за эти игры.

При упоминании о Лино Анжелика вздрогнула. Белокурый Филипп с его небрежной походкой... он ведь был среди тех, кто истязал маленького торговца вафлями. Разве не остался он равнодушен к мольбам ребенка?

Дождавшись, пока сыновья успокоятся, она отвела их в детскую, а сама присела перед туалетным столиком в спальне, поправляя прическу.

Как отнестись к тому, что сейчас произошло? Стоит ли принимать случившееся всерьез? Филипп был пьян, это бросалось в глаза. Протрезвев, он, скорее всего, извинится за свое поведение...

Но слово, однажды произнесенное Мари-Аньес про Филиппа, все же сорвалось с уст Анжелики: «Зверь!»

Зверь затаившийся, скрытный, жестокий... Если он захочет отомстить женщине, то не остановится ни перед чем.

«Но ведь не станет же он мучить моих малышей», — подумала Анжелика, отбросив расческу в сторону и в волнении вскочив с места.

В ту же минуту дверь в комнату отворилась и на пороге появился Филипп. Его тяжелый взгляд остановился на молодой женщине.

— Ларец с ядом у вас?

— Я отдам его вам в день нашей свадьбы, Филипп, как это обусловлено договором.

— Мы венчаемся сегодня вечером.

— Ну что же, значит, я отдам вам его сегодня вечером, — ответила Анжелика, стараясь сохранить самообладание.

Она улыбнулась и протянула ему руку.

— Мы еще не поздоровались...

— Не вижу в этом никакой необходимости, — возразил маркиз и с силой захлопнул за собой дверь.

Анжелика кусала себе губы. Вот уж точно, человека, которого она выбрала себе в мужа, будет непросто приручить. Ей на ум пришел совет Молина: «Вам необходимо завладеть его помыслами». Но впервые в жизни Анжелика сомневалась в своей победе. Она не знала, как подчинить этого мужчину, созданного из льда. Она чувствовала, что когда он находится рядом с ней, в нем не пробуждаются никакие плотские желания. Да и сама Анжелика, охваченная тревогой, уже не испытывала влечения к будущему супругу.

«Он сказал, что мы обвенчаемся сегодня вечером. Кажется, он не понимает, что говорит. Даже мой отец ничего не знает».

От этих размышлений ее отвлек робкий стук в дверь. Анжелика открыла и увидела сыновей, по-прежнему трогательно прижимавшихся друг к другу. Но

на этот раз Флоримон, на правах старшего, взял под свою защиту еще и обезьянку Пикколо, которую он держал на руках.

— Мама, — начал мальчик тонким, дрожащим, но все-таки твердым голосом, — мы хотели бы уехать к господину нашему дедушке. Нам здесь страшно.

— Страх — это слово, которое не должен произносить мальчик со шпагой на поясе, — строго сказала Анжелика. — Неужели вы так трусливы, как на это вам только что указали?

— Господин дю Плесси уже убил Портоса. Теперь он может убить Пикколо.

Кантор снова заплакал, из его груди вырывались тихие, приглушенные рыдания. Кантор, всегда спокойный Кантор плачет! Этого Анжелика уже не могла вынести. Не стоит размышлять над тем, глупо это или нет: ее дети напуганы. А ведь она поклялась, что они больше никогда не будут испытывать страх.

— Хорошо. Вы немедленно отправляетесь в Монтелу. Барба и Жавотта поедут с вами. Только обещайте мне, что будете себя хорошо вести.

— Дедушка обещал, что посадит меня на мула, — воскликнул Кантор, тут же успокоившись.

— Ха! А мне он даст настоящую лошадь! — похвастался Флоримон.

Не прошло и часа, как Анжелика проводила двуколку с детьми и слугами, в которую погрузили все необходимые вещи. В Монтелу достаточно места, чтобы приютить всех. Казалось, слуги тоже рады возможности покинуть Плесси. С появлением Филиппа в белом замке воцарился страх. Красивый молодой человек, игравший при дворе «короля-солнце» роль любезного придворного, в своем отдаленном поместье правил жестокой рукой деспота.

Барба прошептала:

— Госпожа, мы не можем оставить вас здесь совсем одну с этим... с этим человеком.

— Каким еще человеком? — надменно спросила Анжелика.

И добавила:

— Барба, безбедное существование заставило тебя позабыть некоторые эпизоды нашего прошлого. Вспомни, что я умею постоять за себя.

Анжелика расцеловала служанку в круглые румяные щеки, но сама почувствовала, как ее душа леденеет от страха.

Глава 24

Когда дребезжанье маленькой повозки затихло в вечерней синеве, Анжелика медленно побрела обратно к замку. Она испытала облегчение, проводив детей в уютный безопасный Монтелу. Замок Плесси показался будущей хозяйке совсем пустынным и почти враждебным, несмотря на изысканную красоту этого ренессансного чуда.

Здесь правил Филипп, а он требовал беспрекословного подчинения.

И здесь у нее не было друзей. Обволакивающее, холодное одиночество — это чувство было ей почти незнакомо.

В вестибюле ее встретил лакей и с поклоном сообщил, что ужин подан. Анжелика отправилась в столовую, где был сервирован стол. Почти тотчас же появился Филипп и, не произнеся ни слова, сел на другом конце стола. Анжелика заняла место напротив. Ели они вдвоем, обслуживаемые двумя лакеями. Блюда приносил помощник повара.

Пламя трех факелов отражалось в дорогом столовом серебре. На протяжении всего ужина были слышны лишь стук ложек да звон бокалов, которые перекрывались громким стрекотом кузнечиков на лужайке. В распахнутую стеклянную дверь, выходящую на улицу, заглядывала наступившая туманная ночь.

Анжелика была уверена, что не сможет проглотить ни кусочка, но ела с отменным аппетитом — ее организм всегда именно так откликался на сложные жизненные ситуации. Она заметила, что Филипп много пьет, но вино не приносит ему веселья, а делает все более и более холодно-отстраненным.

Когда он встал, отказавшись от десерта, молодая женщина была вынуждена проследовать за маркизом в соседний зал. Там она увидела Молина и капеллана, а также очень старую крестьянку, которая, как Анжелика узнала позднее, была кормилицей Филиппа.

— Все готово, ваше преподобие? — спросил молодой человек, нарушив свое затянувшееся молчание.

— Да, господин маркиз.

— Тогда пройдем в часовню.

Анжелика вздрогнула. Неужели ее свадьба с Филиппом состоится в столь зловещей обстановке?

Она попыталась протестовать.

— Вы же не станете утверждать, что все готово к венчанию и оно произойдет прямо сейчас?

— Именно это я и утверждаю, мадам, — насмешливо ответил Филипп. — Брачный контракт мы подписали еще в Париже. Это для мирской жизни. А сейчас господин аббат благословит нас и мы обменяется кольцами. Это — для Бога. Все остальные условности представляются мне излишними.

Молодая женщина неуверенно взглянула на свидетелей этой сцены. Их лица освещал единственный факел — тот, что держала старуха. Снаружи царила беспросветная ночь. Все слуги ушли. Если бы не Молин, несгибаемый суровый Молин, который любил Анжелику больше, чем собственную дочь, она подумала бы, что попала в ловушку и ее жизнь висит на волоске.

Она попыталась поймать взгляд Молина, но он опустил глаза с тем особенным раболепством, которое всегда изображал перед сеньорами дю Плесси.

И Анжелика смирилась.

В часовне, освещенной лишь двумя большими свечами из желтого воска, маленький испуганный крестьянский мальчик, облаченный в ризу певчего, принес святую воду.

Анжелика и Филипп заняли места на двух молельных скамеечках. Священник встал у алтаря, монотонным голосом прочел несколько молитв, а затем задал полагающиеся вопросы.

— Филипп дю Плесси-Бельер, согласны ли вы взять в жены Анжелику де Сансе де Монтелу?

— Да.

— Анжелика де Сансе де Монтелу, согласны ли вы взять в мужья Филиппа дю Плесси-Бельера?

Она ответила «да» и протянула Филиппу руку, чтобы он надел ей кольцо. Этот жест воскресил в ней воспоминание о другом венчании, когда-то состоявшемся в Тулузе.

В тот день она дрожала ничуть не меньше, чем сейчас, и граф де Пейрак, так пугавший ее супруг, твердой рукой нежно сжал ее руку, пытаясь успокоить свою юную жену. Тогда, охваченная паникой, она не поняла, что значит это легкое пожатие. Короткая вспышка воспоминания о той далекой церемонии вернулась к ней и ранила, как острый кинжал. Потрясенная, Анжелика смотрела на полупьяного Филиппа, который никак не мог надеть кольцо ей на палец. Наконец кольцо заняло свое место. Обряд свершился.

Все вышли из часовни.

— Теперь ваша очередь, мадам, — сказал Филипп, посмотрев на Анжелику и улыбнувшись все той же невыносимой ледяной улыбкой.

Она поняла и попросила свидетелей проследовать в ее комнату.

Там она достала из секретера заветный ларец, открыла его и вручила мужу. Отблески свечей переливались на стекле флакона.

— Да, это действительно тот самый потерянный ларец, — сказал Филипп после секундного молчания. — Все верно, господа.

Священник и управляющий подписали бумагу, в которой говорилось, что они стали свидетелями передачи ларца мадам дю Плесси-Бельер ее мужу согласно одному из пунктов брачного договора. Затем они еще раз поклонились супружеской чете и мелкими шажками удалились. Старуха освещала им дорогу факелом.

Лишь невероятным усилием воли Анжелике удалось сдержаться, чтобы не окликнуть управляющего. Паника, которую она испытывала, была не только смешной, но и безосновательной. Конечно, не слишком приятно остаться один на один с разозленным обиженным мужчиной. Но существует средство, которое поможет ей и Филиппу договориться, заключить перемирие...

Анжелика украдкой взглянула на маркиза. Каждый раз при виде его совершенной красоты она успокаивалась. Мужчина склонил к зловещему ларцу свой чеканный профиль. Его светлые усы подчеркивали изящную линию рта, длинные густые ресницы отбрасывали тени на щеки. Но его лицо было краснее обычного, а резкий, неприятный запах вина отталкивал.

Увидев, как неуверенной рукой муж поднимает склянку с ядом, Анжелика торопливо предостерегла:

— Будьте осторожны, Филипп. Монах Экзили утверждал, что достаточно всего одной капли яда, чтобы навсегда изуродовать человека.

— В самом деле?

Он поднял глаза, и в них зажегся злой огонек. Филипп покачивал флакон в руке. Во внезапном озарении Анжелика поняла, что он испытывает соблазн выплеснуть яд ей в лицо. Парализованная страхом, она, не моргая, продолжала смотреть на супруга спокойно и смело. Филипп издал подобие смешка, вернул склянку на место, закрыл ларец и сунул его себе под мышку.

Не произнеся ни слова, маркиз схватил Анжелику за руку и потащил из комнаты.

Замок был погружен во мрак и тишину, и лишь призрачный свет поднявшейся луны струился сквозь высокие окна на каменные плиты пола.

Филипп так крепко сжимал хрупкое запястье молодой женщины, что она чувствовала биение собственного пульса. Но она предпочитала видеть его таким. В своем замке Филипп вел себя совершенно иначе, чем при дворе. Без сомнения, так же он вел себя и на войне, сбрасывая ненужную маску мечтательного красавца придворного и превращаясь в настоящего воина — собранного, жестокого, почти варвара.

Они спустились по лестнице, пересекли вестибюль и вышли в сад.

Над поверхностью пруда стелился серебристый туман. Выйдя на небольшую мраморную пристань, Филипп толкнул Анжелику к лодке.

— Садитесь! — сухо приказал он.

Вслед за ней маркиз сошел в лодку и осторожно положил ларец на одну из скамеек. Анжелика услышала, как он отвязал веревку, и лодка очень медленно отчалила от берега. Филипп взял весла и стал грести к центру пруда. Лунные блики играли на складках его белого атласного наряда и на золотистых локонах парика. В ночной тишине слышался лишь шелест листьев многочисленных кувшинок, соприкасавшихся с бортами лодки. Испуганные лягушки замолкли.

Когда они доплыли до середины пруда, где вода была черной, но прозрачной, Филипп остановил лодку и внимательно осмотрелся по сторонам. Берег казался безмерно далеким, а белый замок, обрамленный темной громадой парка, напоминал сказочное видение. Все так же молча маркиз вновь взял в руки ларец, чье исчезновение многие годы неотступно преследовало

семью дю Плесси, и решительно швырнул его в воду. Тяжелый ларец быстро пошел ко дну, и вскоре пропала даже рябь, указывающая на место его падения.

Только тогда Филипп посмотрел на Анжелику. Новоиспеченная мадам дю Плесси-Бельер дрожала. Маркиз поднялся со своего места и сел рядом с ней. Этот порыв, в такой час и в столь фантастическом окружении, порыв, который можно было бы принять за жест влюбленного, заставил женщину окаменеть от страха.

Медленно, с удивительной грацией, отличавшей каждое его движение, дю Плесси поднял руки и обхватил шею молодой женщины.

— А теперь, моя красавица, я вас задушу, — прошипел он. — И вы отправитесь вслед за вашим проклятым ларцом прямо на дно пруда!

Анжелика боялась даже шевельнуться. Он был пьян или безумен. Но в любом случае он способен убить ее. Разве она не находилась в его власти? Она не могла ни позвать на помощь, ни защититься. Безотчетно она прижала лоб к плечу Филиппа. Ее нежная кожа ощутила его с утра небритую щеку, трогательную в своей неухоженности. Все кончено... Луна путешествует по небу, ларец покоится во глубине вод, тихо дышит деревня... Завершается последний акт трагедии. Разве нет справедливости в том, что Анжелика де Сансе умрет именно так, погибнет от рук молодого бога по имени Филипп дю Плесси?

Но смертоносное объятие вдруг разжалось, она снова могла дышать. Прямо перед собой Анжелика увидела стиснутые зубы и сведенное судорогой гневное лицо Филиппа.

— Черт возьми! — выругался он. — Неужели никакой страх не заставит вас склонить вашу дрянную надменную голову? Неужели ничто не заставит вас

кричать, умолять?.. Ничего, потерпите немного, и вы это сделаете!

Он грубо отпихнул Анжелику и опять взялся за весла.

Как только лодка коснулась суши, у Анжелики возникло непреодолимое желание бежать со всех ног. Она не знала, что делать. Ее мысли путались. Чувствуя острую боль, она поднесла руку к шее.

Мрачный Филипп пристально следил за ней. Эта женщина совершенно не похожа на других представительниц слабого пола. Ни слез, ни криков; она даже не дрожала. И вела себя вызывающе, заносчиво, хотя именно он был оскорблен. Ведь это она принудила его совершить то, чего он не хотел, а подобное унижение не смог бы пережить ни один мужчина, не пожелав смерти обидчика. На такое оскорбление дворянин бы ответил шпагой, а крестьянин — палкой. Но как быть с женщиной?.. Как можно требовать удовлетворения у этих скользких, безвольных, лицемерных созданий, ласки которых подобны прикосновениям ядовитых тварей? Как отомстить за обиду этим bestиям, которые лгут вам в лицо, оставляя вас в дураках... да при этом еще и виноватыми?

Но нет! Женщины не всегда оставались победительницами. Филипп знал, как им отомстить. Он наслаждался их рыданиями, их призывами о помощи, мольбами девиц, которых он насиловал вечером после боя, а затем отдавал на потеху своим солдатам.

Он отомстил за все унижения, которым они его подвергли в ранней юности.

А эта женщина, как сломить ее? За ее выпуклым гладким лбом, за этими глазами цвета зеленой воды прячутся хитрости всех женщин мира, вся хрупкая сила, присущая этому полу. По крайней мере, Филипп верил в это. Но он не знал, что Анжелика дрожала и уже была готова разрыдаться.

Если она не сдавалась, то лишь потому, что привыкла никогда не сдаваться и вести бой до конца.

Маркиз, как злобный надзиратель, снова схватил жену за руку и поволок ее к замку.

Когда они поднимались по парадной лестнице, Анжелика увидела, как молодой человек протянул руку к длинному хлысту для собак, висящему на стене...

— Филипп, — попросила Анжелика, — давайте расстанемся здесь. Я думаю, вы пьяны. Зачем нам снова ссориться? Завтра...

— Ну нет! — саркастически усмехнулся дю Плесси. — А разве я не обязан исполнить свой супружеский долг? Хотя сперва я намерен вас немного проучить, чтобы навсегда отбить вкус к шантажу. Не забывайте, мадам, отныне я — ваш хозяин, и моя власть над вами безгранична.

Молодая женщина попыталась вырваться, но муж схватил ее и со всей силы ударил хлыстом, как бьют непослушную собаку. Анжелика вскрикнула скорее от негодования, чем от боли.

— Филипп, вы сошли с ума!

— Вы запросите пощады! — процедил он сквозь зубы. — Вы будете вымаливать у меня прощение за то, что вы сделали!

— Нет!

Он втолкнул женщину в комнату, закрыл за собой дверь и начал наносить хлыстом удар за ударом. Он умел с ним обращаться. Должность главного распорядителя волчьей охоты маркиз дю Плесси-Бельер получил вполне заслуженно.

Анжелика выставила вперед руки, чтобы защититься. Потом отступила к стене и инстинктивно повернулась к ней лицом. Каждый удар заставлял ее вздрагивать, она кусала губы, стараясь не застонать. Постепенно ею овладело странное чувство, и мятежный порыв уступил место покорности, к которой

примешивалось стремление к справедливости. Тогда она воскликнула:

— Хватит, Филипп, хватит!.. Я прошу у вас прощения.

И когда он остановился, удивленный столь легкой победой, она повторила:

— Я прошу у вас прощения... Это правда, я действительно виновата перед вами.

Обескураженный, Филипп застыл на месте. Скорее всего, она по-прежнему насмехается над ним, думал он, хочет спрятаться от его гнева за маской ложного смирения. Все они подлые суки! Высокомерные в своей победе, раболепствующие под кнутом! Но в поведении Анжелики проскальзывало что-то непривычное, ее раскаяние казалось искренним, и это смущало. А может, она не похожа на других женщин, и образ, запечатлевшийся в его памяти, — образ маленькой баронессы «унылого платья» — истинный?

В полумраке комнаты, освещенной лунным сиянием и мерцающим светом факелов, вид этих белых израненных плеч, этого хрупкого затылка, этого лба, который она прижала к стене, как ребенок, осознавший свою вину, пробудили в нем желание, какого ему не внушала ни одна женщина в мире. Это была не слепая животная страсть, а удивительное, почти нежное влечение.

Вдруг у него появилось предчувствие, что именно с Анжеликой он познает нечто новое, проникнет в неизведанные тайны страны любви, которые он пытался открыть для себя, переходя от одного женского тела к другому...

Собственные губы показались ему сухими, жаждущими, жадными: он так мечтал прикоснуться ими к этой гибкой и благоухающей плоти.

Резко выдохнув, он отбросил хлыст в сторону, затем быстро скинул с себя камзол и стянул парик.

Перед глазами испуганной Анжелики предстал силуэт наполовину обнаженного мужчины — безоружного, но грозного, как карающий архангел, который противостоит тьме. Короткие светлые волосы сделали Филиппа похожим на пастуха из античных легенд, образ довершили кружевная рубашка, открывающая гладкий и белый торс, и руки, протянутые в нерешительном жесте.

Внезапно он подошел к ней, схватил и неловко прижал губы к горящей от удара хлыста впадинке на шее. Резкая боль пронзила Анжелику, но теперь она уже не чувствовала ничего, кроме обиды. И если Анжелика была достаточно честной, чтобы признать свою вину, то она была еще и достаточно гордой, чтобы после жестокости, которой она поверглась, спокойно перейти к любовным утехам.

Она вырвалась:

— О нет, только не это!

Услышав этот крик, Филипп снова пришел в ярость. Еще одна мечта разбилась вдребезги! Эта женщина была всего лишь женщиной, такой же, как все, — непокорной, расчетливой, капризной... всего лишь женщиной!.. Он отшатнулся, занес кулак и ударил Анжелику по лицу.

Она покачнулась, но вдруг уверенным жестом схватила мужа за полы рубашки и с силой оттолкнула к стене. Несколько секунд маркиз не мог прийти в себя. Она защищалась, как маркитантка, привыкшая к нападениям пьяных солдат.

Он еще никогда не встречал знатных дам, которые защищались бы подобным образом. Филиппу это показалось одновременно и очень забавным, и раздражающим. Неужели она решила, что он отступит?..

Нет, он слишком хорошо знает это проклятое отродье. Если не укротить ее сегодня же, то завтра она

подчинит его. Дю Плесси заскрипел зубами, охваченный жгучим желанием разрушения, и, преодолев унижительный приступ малодушия, внезапно ловко извернулся, схватил Анжелику за шею и со всей силы стукнул ее головой об стену.

От удара Анжелика почти потеряла сознание и упала на пол.

Она из последних сил старалась не погрузиться в беспмятство. Теперь она точно знала: в трактире «Красная маска» именно Филипп был тем злодеем, который оглушил ее, чтобы его дружки могли ее изнасиловать. Сомнений больше не было. Да! Действительно, зверь, страшный зверь!

Муж навалился на нее сверху, всем весом вдавив хрупкое тело в холодный каменный пол. Анжелике казалось, что она стала добычей неистового хищника, который, изнасиловав, тут же разорвет ее на части самым диким и жестоким образом. Приступ невероятной боли обжег поясницу... Никакая женщина не могла бы стерпеть такую боль... Он хочет искалечить ее, уничтожить!.. Зверь! Безжалостный зверь...

Она не смогла сдержать душераздирающий крик:

— Пощадите, Филипп, пощадите!..

Он ответил глухим победным рычанием. Наконец-то она закричала. Наконец-то он вновь обрел ту единственную форму любви, от которой получал удовлетворение. Наконец он почувствовал дьявольскую радость от того, что прижимает к себе добычу, обезумевшую от боли, добычу, молящую о пощаде, — ведь только так он мог отомстить за былые унижения. Желание, усиленное ненавистью, превратило его тело в сталь. Со всей силы он навалился на нее.

Когда в конце концов Филипп отпустил Анжелику, она была почти без сознания.

Он молча смотрел на тело, расплостанное у его ног.

Она уже не стонала, но, пытаясь прийти в себя, слегка пошевелилась на каменном полу. Прекрасная раненая птица.

Филипп издал какой-то невнятный звук, походивший на рыдание.

«Что я наделал?» — в ужасе подумал он.

Весь мир внезапно погрузился во мрак и отчаяние. Свет померк. Все было разрушено раз и навсегда. Все, что могло бы родиться, умерло. Он убил даже робкое воспоминание о девочке в сером платье, чья маленькая рука дрожала в его руке. Это воспоминание порой возвращалось к нему и доставляло радость, хотя он не понимал почему...

Анжелика открыла глаза. Филипп тронул ее носком сапога и с насмешкой произнес:

— Итак, полагаю, вы удовлетворены? Доброй ночи, госпожа маркиза дю Плесси.

Молодая женщина слышала, как он удаляется, натыкаясь на мебель. Он вышел из комнаты.

***

Несмотря на холод, который жалил обнаженное тело, Анжелика еще долго лежала на каменном полу, не в силах шевельнуться.

Ей казалось, что на ней нет живого места, горло сжималось от детского желания разрыдаться. Сама того не желая, она вспоминала свою первую ночь любви под теплым небом Тулузы. Это воспоминание возвращалось и возвращалось.

Она вновь видела себя расслабленную, распростертую на постели, с невероятно легкой головой и телом, изнемогающим от сладкой истомы, которую она познала впервые. Над ее изголовьем склонилась высокая фигура Жоффрея де Пейрака.

— Бедная измученная малышка! — сказал он.

Но в его голосе не было жалости. Он вдруг рассмеялся торжествующим, счастливым смехом мужчины, который первым отметил своей печатью тело любимой женщины.

«Вот за что я так люблю его! — подумала тогда Анжелика. — За то, что он — настоящий Мужчина. Какое значение имеет его обезображенное лицо! У него есть сила, ум, мужество, утонченная бескомпромиссность завоевателя и простота — все, что делает мужчину Мужчиной, лучшим из лучших, повелителем женской души...»

Но именно этого мужчину она потеряла, а сейчас теряет во второй раз! Потому что каким-то шестым чувством она чувствовала, что дух Жоффрея де Пейрака отвергает ее. Разве она не предала его этой ночью?

Анжелика снова захотела умереть, и перед ее глазами появился маленький пруд с кувшинками. Но тут она вспомнила слова Дегре:

— Старайтесь не ворошить пепел... Особенно пепел, рассеянный по ветру. Потому что каждый раз, когда вы будете вспоминать о нем, вам захочется умереть. А меня может не оказаться рядом...

И только ради Дегре, ради друга, Анжелика нашла в себе силы противостоять отчаянию. Она не хотела разочаровать Дегре.

Она поднялась, с трудом добралась до двери, закрыла ее на засов и лишь после этого рухнула на постель. Сейчас лучше ни о чем не думать. Впрочем, Молин предупреждал, что первый тур партии она может и не выиграть.

Кровь пульсировала у нее в висках, и Анжелика не знала, как успокоить невыносимую боль во всем теле. Почему все мужчины так жестоки с ней? Хотя нет, не все...

В лунном свете мерцала призрачная фигура светловолосого поэта в заостренной шляпе. Она позвала его. Но он уже растворился в темноте. Потом молодой женщине показалось, что она слышит лай Сорбонны, шаги уходящего вдаль Дегре...

Дегре, Грязный Поэт... В ее воспаленном мозгу их образы слились воедино, охотник и дичь, два сына огромного Парижа, два зубоскала и циника, легко переходящих с высокой латыни на воровской жаргон. Но напрасно она звала их. Они исчезли, развеялись как дым, они перестали быть частью ее жизни. Еще одна перевернутая страница. Она потеряла их навсегда.

Вдруг Анжелика проснулась, хотя ей казалась, что она не спала вовсе.

Она прислушалась. Тишина Ньельского леса окружала белый замок. В одной из комнат, должно быть, храпит прекрасный мучитель, одурманенный вином. Раздался крик совы, и этот приглушенный звук донес до Анжелики всю поэзию ночи и спящих роц.

На нее опустилось спокойствие. Анжелика перевернулась и сделала усилие, заставляя себя уснуть.

Да, она проиграла первый тур. Но все же она стала маркизой дю Плесси-Бельер.

Глава 25

Утро, которое Анжелика встретила с гордо поднятой головой, принесло новое разочарование. Когда, с грехом пополам закончив туалет и покрыв толстым слоем свинцовых белил и пудры лицо, чтобы хоть как-то замаскировать кровоподтеки, она спустилась вниз, то узнала, что маркиз, ее супруг, еще на заре отбыл в Париж. Точнее, в Версаль, где уже собрался весь двор на последний праздник, который устраивает король перед летними военными кампаниями.

Кровь ударила Анжелике в голову. Неужели Филипп рассчитывает, что его жена согласится похоронить себя в провинции в то самое время, как весь Версаль окунулся в праздник?..

Спустя четыре часа карета, запряженная шестеркой быстроногих лошадей, вылетела на каменистую дорогу Пуату.

Изнывая от ломоты во всем теле, но полная решимости, Анжелика тоже возвращалась в Париж. По дороге она завернула в Монтелу, чтобы взять с собой Жавотту и Флипо, которые о большем и не мечтали.

Не осмелившись встретиться с пронизательным взглядом Молина, Анжелика оставила ему письмо с просьбой взять на себя заботу о детях. Окруженные нежной любовью Барбы, старой кормилицы, деда, управляющего, Флоримон и Кантор будут как сыр в масле кататься, в то время как она сможет спокойно обдумать сложившееся положение.

В Париже Анжелика приказала отвезти ее на набережную Турнель к Нинон де Ланкло. Но поначалу подруга отказалась ее принять.

— Анжелика, вы сочли себя сильнее этого грубияна, что заставило меня разочароваться в вашем уме или

начать думать, что вы испытываете удовольствие от того, что вас избивают. Я не хочу видеть вас в своем доме.

— Как вы суровы, Нинон. Вы больше не любите меня?

— Вы не раз слышали от меня, что я не терплю покорность, с которой некоторые женщины принимают жестокость мужчин. Я считаю, что это непростительно, это страшный грех. И так поступили вы, Анжелика! Куда это годится?! Только посмотрите, в каком вы состоянии! Я даже не могу обнять вас, чтобы успокоить, так сильно вы избиты. А я предупреждала вас. Все вас предупреждали. Весь город предупреждал вас!

— Я должна была исполнить обязательство, которое сродни карточному долгу. Вы знаете, это для меня священо. А теперь мне нужно присоединиться к Филиппу, попасть ко двору, но вы правы, я не могу появиться при дворе в таком виде. Только вы способны мне помочь.

— Я прощаю вас, но лишь при условии, что вы больше никогда не позволите этому хаму избивать себя.

— Я обещаю, так как в этом больше нет необходимости.

— Он женился на вас?

— Это я женила его на себе.

Нинон улыбнулась и, обращаясь с Анжеликой нежно, как с хрупкой вазой, которая в любой момент может разбиться, повела подругу в дом. Она рассказала новоиспеченной маркизе, что уже целых три месяца хранит верность герцогу де Гассемпьеру. Но пока герцог вынужден целый месяц находиться при дворе: наступила пора праздников, и король желает видеть своего придворного до начала, во время торжеств и даже после их окончания. Поэтому куртизанка была совершенно свободна, она могла приютить Анжелику и постараться вернуть ей человеческий облик.

— Хотя в любом случае, — весело заявила она, — я могла бы вас принять и посвятить вам все мое время. Гассемпьер во всем соглашается со мной, и он знает, что в моем списке привязанностей вы стоите выше его. Однако вы еще раз обманули меня. Мне казалось, что вы более восприимчивы к моим разумным советам.

— Нинон...

— Ах, какое это имеет значение! Вы не такая, как все.

У нее вырвался вздох смирения.

— И он тоже не такой, как все.

Мадемуазель де Ланкло рассказала, что накануне Филипп был на ее приеме. Он любезно приветствовал хозяйку дома и сообщил, что отправляется в Версаль, чтобы заняться подготовкой празднества. Предстоят самые разнообразные развлечения: парад драгоценностей, балеты, комедии, фейерверки и другие необыкновенные затиши. В городе то и дело раздавались радостные возгласы тех, кто получил приглашения, и скрежет зубов тех, кто не получил. В общем, у них есть в запасе еще несколько предпраздничных дней.

Итак, Анжелика устроилась в знаменитой «желтой комнате».

Сидя у изголовья подруги, Нинон болтала без остановки, чтобы у Анжелики не возник соблазн открыть рот и ответить — ведь для восстановления нежного лилейно-розового цвета лица нужно полное спокойствие. По словам Нинон, она несколько не сожалела о том, что ее не приглашают в Версаль, куда из-за скандальной репутации путь ей был заказан. Ее вотчина — здесь, в небольшом особняке квартала Маре, где она — королева, а не придворная. Мадемуазель де Ланкло хватало того, что по поводу того или иного происшествия, случившегося в городе или при дворе, король спрашивал: «А что сказала об этом прекрасная Нинон?»

— Когда вас будут чувствовать в Версале, вы не забудете меня, дорогая?

Анжелика, вся замотанная повязками, энергично мотала головой в знак того, что не забудет.

Глава 26

21 июня 1666 года маркиза дю Плесси-Бельер выехала в Версаль. У нее не было приглашения, но отваги ей было не занимать.

Пара гнедых в яблоках лошадей была впряжена в ее карету, снаружи и изнутри обитую зеленым бархатом, отделанную великолепной бахромой и золотой тесьмой, с позолоченными колесами и рамой.

Анжелика надела платье из зеленой муаровой парчи, затканной серебряными цветами, а из украшений выбрала роскошное жемчужное ожерелье в несколько рядов, которое спускалось ниже остроконечного корсажа.

Волосы, уложенные Бине в сложную прическу, были украшены жемчугом и двумя легкими белыми перьями, напоминавшими снежную корону. Умело, без излишеств, подкрашенное лицо Анжелики не сохранило на себе ни единого следа той жестокости, жертвой которой она совсем недавно стала. Лишь на виске пока не зажил небольшой синяк, который Нинон ловко замаскировала с помощью бархатной мушки в форме сердечка. Другую, совсем маленькую мушку наклеили в уголок рта. Анжелика выглядела безукоризненно.

Она надела вандомские перчатки, раскрыла веер и, склонившись к дверце кареты, крикнула:

— Кучер, в Версаль!

Но когда Анжелика подняла глаза к холмам Сен-Клу, она внезапно ощутила горечь расставания.

Она снова увидела себя сидящей на склоне, когда мэтр Ансельм рассказывал ей о далеких парижских куполах. Трактир «Почтовая станция Четырех королей». Какие славные люди!

Теперь Анжелика принадлежала совсем иному миру. Ей наконец удалось добиться желанной цели. Прощайте! Прощайте, славные люди!

Анжелика издали заметила радостную суматоху, привычно царившую вокруг трактира, беседки, увитые плющом, где подавали старый добрый генгет, фасад «Почтовой станции Четырех королей», ее крепкую крышу, а дальше — массив виноградников, раскинувшихся на холме.

Она приказала остановить экипаж.

— Ждите! — выкрикнула Анжелика.

Она вышла из кареты, не опасаясь нанести ущерб своему великолепному туалету, блеск и многочисленные оборки которого тут же расчистили пространство вокруг роскошно одетой дамы. Бодро простучав каблучками отделанных перламутром туфелек по ступеням лестницы, маркиза оказалась на пороге большого зала трактира. С первого взгляда она узнала Маргариту, сидевшую за столом, а затем разглядела у очага и самого мэтра Ансельма.

Анжелика как вихрь пронеслась по залу, и все, кто оказался на ее пути, обратились в соляные столбы, причем в столбы с разинутыми от удивления ртами.

В облаке из атласа и перьев Анжелика подлетела к мэтру Ансельму. Она обвила руками его шею и крепко поцеловала в губы, потом кинулась к поднимающейся со своего места Маргарите, обняла ее и оставила в руках растерянной девушки расшитый жемчугом платочек.

И, молнией оказавшись за порогом трактира, она бросилась к своей карете мимо расступившейся ошеломленной толпы.

— В Версаль, кучер! В Версаль.

Она откинулась на сиденье. Прощайте! Прощайте, добрые, славные люди! Прощайте!

Анжелика чувствовала, как лошади в последнем усилии преодолевают тяжелый и крутой подъем, после которого начиналась восхитительная новая страна, земля, столь любимая королем.

Добравшись до вершины, карета покатила вниз по склону.

Анжелика поминутно высовывала голову в окно, рискуя разрушить искусное сооружение Бине и быть обрызганной жидкой грязью.

— Да поторопись же, кучер, черт тебя раздери! Твои лошади — просто неповоротливые улитки.

Но она уже видела, как на горизонте появляется высокий искрящийся розовый утес, казалось вобравший в себя все солнечные лучи этого весеннего утра.

— Что там на горизонте?

— Это — Версаль, госпожа.

Аллея недавно посаженных деревьев вела к дворцу. У первых ворот карета Анжелики была вынуждена остановиться, чтобы пропустить экипаж, который несся во весь опор по дороге из Со^[52]. За алой каретой, запряженной шестеркой гнедых, следовала кавалькада всадников. Должно быть, то была карета Месье. Вслед за ней шестерка белых лошадей пронесла в сторону дворца карету Мадам.

Анжелика приказала кучеру ехать за ними. Она теперь не верила ни в дурные встречи, ни в колдовство. Она парила над землей, словно окруженная удивительными защитными чарами. Уверенность, что час триумфа близок, была сильнее, чем любые страхи и опасения. Ведь она дорогой ценой заплатила за свой триумф.

Маркиза дю Плесси подождала, пока уляжется суматоха, вызванная приездом двух высокопоставленных особ. Затем она вышла из кареты и направилась к Мраморному двору^[53].

Флипо, в ливрее цветов дома дю Плесси — голубой и светло-желтый, поддерживал подол ее платья.

— Не вздумай вытирать нос рукавом, — наказала Анжелика мальчику. — Не забывай, что мы в Версале.

— Угу, госпожа,— вздохнул бывший воришка Двора чудес, восхищенно озираясь вокруг.

Версаль еще не обрел того величия, которое придали ему два белых крыла, пристроенные архитектором Мансаром в конце правления Людовика XIV. Пока сказочный дворец возвышался на небольшом холме и поражал своей утонченной архитектурой, нежным цветом, от розового до алого, коваными балкончиками, высокими светлыми каминными трубами. Пинакли^[54], маскароны^[55], водостоки и декоративные вазы — все было покрыто позолотой и сверкало на солнце, как изысканный ларец, инкрустированный великолепными драгоценностями. Новая крыша, в зависимости от того, находилась ли она на свету или в тени, меняла свой цвет от черного, как ночь, бархата до сияющего серебра. Ломаные линии кровли, казалось, растворялись в лазури неба.

В окрестностях дворца царило небывалое оживление. Разноцветные ливреи слуг и лакеев мешались с темными блузами рабочих, которые сновали взад-вперед с тачками и со строительными инструментами. Звонкий стук зубил, врезающихся в камень, перекликался с тамбуринами и флейтами группы мушкетеров, марширующих в центре большого двора.

Анжелика не увидела вокруг ни одного знакомого лица. В конце концов она вошла во дворец через дверь левого крыла, у которой, как ей показалось, толпилось наибольшее количество людей. Широкая лестница из разноцветного мрамора привела молодую женщину в просторный зал, куда потянулась толпа довольно

скромно одетых людей, поглядывавших на прибывшую даму с некоторым удивлением. Анжелика спросила, где она находится. Ей ответили, что это Зал стражи. Каждый понедельник сюда приходят многочисленные просители, дабы подать прошение или получить ответ на прошение, поданное ранее. В глубине комнаты на позолоченном фризе камина сияла монограмма короля, но все присутствующие надеялись, что Его Величество появится лично, как это нередко случалось.

Анжелика, в украшенном перьями роскошном наряде, с разодетым пажом почувствовала себя неуместно среди стариков военных, вдов и сирот. Она уже собиралась уйти, когда заметила мадам Скаррон. Анжелика бросилась ей на шею, счастливая от того, что наконец встретила хоть кого-то знакомого.

— Я ищу придворных королевской свиты, — сказала она, — мой муж должен присутствовать при утреннем туалете короля, и я хотела бы к нему присоединиться.

Госпожа Скаррон выглядела беднее и скромнее, чем когда-либо, и, казалось, вряд ли могла рассказать о местонахождении придворных. Но молодая вдова знаменитого Скаррона в поисках пенсии проводила так много времени в королевских прихожих, что знала о расписании двора даже больше, чем сам газетчик Лоре, уполномоченный описывать события в Версале. И вопреки ожиданиям, мадам Скаррон была прекрасно осведомлена о том, что происходит во дворце.

Желая оказать любезность, она повела Анжелику к двери, выходящей на просторный балкон^[56], с которого открывался вид на парк.

— Скорее всего, утренний туалет короля уже закончился, — сообщила она. — Сейчас он направился в свой кабинет, где какое-то время будет беседовать с принцессами крови. Затем спустится в парк, если, конечно, не зайдет сюда. В любом случае, вам следует

пойти на эту открытую галерею. В самом ее конце, с правой стороны, вы увидите прихожую, ведущую к кабинету короля. Сейчас все придворные спешат именно туда. Там вы без труда найдете своего супруга.

Анжелика посмотрела на длинный балкон, на котором виднелось лишь несколько швейцарских гвардейцев, несших караул.

— Я умираю от страха, — сказала маркиза. — Не могли бы вы пойти со мной?

— Что вы, дорогая, я не могу, — растерялась Франсуаза, испуганно взглянув на свое скромное серо-синее платье из грубой ткани, которое, тем не менее, было необычайно элегантным.

Лишь сейчас Анжелика обратила внимание, какой контраст представляют их туалеты.

— Почему вы здесь как просительница? У вас опять денежные затруднения?

— Увы, более чем когда-либо! Смерть королевы-матери обернулась для меня отменой пенсии. Вот я и прихожу сюда в надежде восстановить ее. Господин д'Альбре обещал мне поддержку.

— Желаю вам успеха. Мне действительно жаль...

Мадам Скаррон очень мило улыбнулась и ласково провела рукой по щеке Анжелики.

— Не стоит ни о чем жалеть. Это ни к чему. Вы кажетесь такой счастливой! И вы заслужили свое счастье, моя милая.

— Как вы находите мой туалет? Вы полагаете, я могу появиться перед королем?

— Вы безупречны! Ослепительная красота. И ваш малыш-лакей кажется мне достаточно расторопным, чтобы не потерять голову в этом новом мире. Это в высшей степени важно в Версале... Позвольте-ка! Мне кажется, что помада на ваших губах слегка расплылась. Давайте я сотру ее. Косметика вам не нужна. Ваши губы достаточно яркие и без краски.

Вдова проворно достала платок и стерла следы красной помады, которая размазалась во время бурного прощания Анжелики с хозяевами трактира «Почтовая станция Четырех королей».

— А теперь ступайте! — сказала Франсуаза Скаррон, и ее прекрасные черные глаза заблестели от восторга. — Вы самая красивая. Вы очаруете короля.

«Вот только я начинаю в этом сомневаться», — подумала Анжелика, чье сердце от волнения выскакивало из груди. Роскошное убранство Версаля произвело на нее сильнейшее впечатление. Версаль вдохновлял, заставлял идти вперед, пока хватит храбрости. Конечно, она сошла с ума! Ну и пусть! Она не собирается сдаваться, как скороход, который падает за несколько шагов до цели...

Улыбнувшись мадам Скаррон, Анжелика устремилась по галерее с такой скоростью, что Флипо еле поспевал за ней. Дойдя до середины, она увидела, как на противоположном конце галереи появилась группа людей, направляющаяся ей навстречу. Даже на расстоянии Анжелика без труда разглядела в самом центре придворных величественную фигуру короля.

Благодаря высоким красным каблукам и массивному парику Людовик XIV казался выше окружающих. Он выделялся также удивительной грацией, ведь никто не умел с большим изяществом обращаться с длинной тростью, которой дотопе пользовались лишь старики или инвалиды, а теперь ввел в моду сам государь. В его руках трость превратилась в предмет самоутверждения, хороших манер и даже обольщения.

Итак, он гордо вышагивал по галерее, держа в руке эбеновую трость с золотым набалдашником, и обменивался шутками с двумя принцессами, шедшими справа и слева: Генриеттой Английской и молодой герцогиней Энгиенской. Сегодня официальная фаворитка Луиза де Лавальер не принимала участия в

прогулке. Его Величество не выказывал недовольства по этому поводу. Бедная девушка становилась все менее и менее привлекательной. В приватной обстановке государь пока еще находил в ней некоторую прелесть. Но сейчас, в это прекрасное утро, в пышном великолепии Версаля бледность и худоба мадемуазель де Лавальер казалась бы особенно заметной. Поэтому она и жила в некотором уединении, а король время от времени навещал ее и осведомлялся о здоровье...

Утро действительно было необыкновенным, а Версаль — потрясающим. И уж не сама ли богиня Весны шла навстречу королю, приняв облик прекрасной незнакомки?.. Вокруг нее сиял солнечный ореол, а драгоценности струились по ее платью, как розовые капли утренней росы...

Анжелика сразу решила, что, повернув назад, она будет выглядеть по меньшей мере глупо. И поэтому продолжала идти вперед, постепенно замедляя шаг, с каждым мгновением ощущая свое бессилие и неспособность противостоять судьбе. Порой такое чувство возникает во сне. Она шла, как в тумане, и видела одного лишь короля. Она смотрела на него так пристально, как будто ее взгляд притягивало магнитом. Молодая женщина и хотела бы опустить глаза, но была неспособна сделать это. Сейчас она находилась так близко к королю, как когда-то в темной комнате Лувра, где они встретились лицом к лицу, и то страшное воспоминание вытеснило из ее сознания окружающую действительность.

Она даже не понимала, какое зрелище являет собой: одна в центре галереи, освещенная солнцем, в роскошном наряде, поражающая своей распутившейся красотой и странным, одухотворенным выражением лица.

Людовик XIV остановился, а за ним остановились и все придворные. Лозен, с первого взгляда узнавший

Анжелику, прикусил губу и, предвкушая удивительную сцену, спрятался за спинами присутствующих. Сейчас все увидят нечто удивительное!

Со всей возможной любезностью король снял шляпу, украшенную перьями цвета пламени. Красота незнакомки взволновала его, как поразила и та спокойная смелость, с которой она смотрела на него огромными изумрудными глазами. Она нисколько не рассердила его, а напротив, очаровала. Кто она?.. Почему он не замечал ее раньше?..

Между тем, повинувшись бессознательному порыву, Анжелика присела в глубоком реверансе. Почти коленопреклоненная, она не спешила подниматься. Но поднявшись, все так же неотрывно смотрела на лицо короля. Сама того не желая, она смотрела на него с некоторым вызовом.

Король был поражен. Было что-то необычное в поведении этой дамы, как и в немом изумлении придворных. Людовик огляделся, слегка нахмурил брови.

Анжелике показалось, что она сейчас упадет в обморок. Ее руки, замершие на складках платья, дрожали. Силы оставили ее, она чувствовала себя потерянной.

Но в это мгновение кто-то взял Анжелику за руку и сжал ее пальцы так, что она едва не закричала от боли. Рядом раздался спокойный голос Филиппа:

— Сир, Ваше Величество, окажите мне честь и позвольте представить мою супругу, маркизу дю Плесси-Бельер.

— Вашу супругу, маркиз? — переспросил король. — Удивительная новость. Я, разумеется, слышал какие-то разговоры касательно вашей женитьбы, но ожидал, что вы сообщите мне об этом событии лично...

— Сир, подобная безделица показалась мне недостойной вашего внимания.

— Безделица? Женитьба?! Остерегайтесь, маркиз, как бы вас не услышал господин Боссюэ! И наши дамы! Клянусь святым Людовиком, сколько я вас знаю, маркиз, столько задаюсь вопросом, из какого теста вы сделаны. Известно ли вам, что ваша скромность в общении со мной почти оскорбительна!

— Сир, я огорчен, что Ваше Величество подобным образом расценили мое молчание. Но мне данное событие показалось совершенно незначительным!

— Сейчас же замолчите, месье. Ваше легкомыслие переходит все границы, и я больше не желаю вас слушать, так как вы ведете столь неподобающие речи в присутствии этого прелестного создания — вашей жены. Право, вы как были солдафоном, так им и остались. Мадам, что вы думаете о вашем супруге?

— Я пытаюсь привыкнуть к нему, сир, — ответила Анжелика, которая во время этого диалога немного пришла в себя.

Король улыбнулся.

— Вы — разумная женщина. И, более того, вы очень красивая женщина. Обычно эти два качества плохо уживаются вместе! Маркиз, я прощаю тебя только из-за твоего отличного выбора... и этих прекрасных глаз. Зеленые глаза... Редкий цвет, мне не часто представляется случай восхищаться такими глазами. Зеленоглазые женщины...

Государь внезапно замолчал, на секунду задумался, а затем внимательно взгляделся в лицо Анжелики. Улыбка исчезла с его лица, и он застыл, словно пораженный громом. Людовик XIV начал стремительно бледнеть на глазах у сначала озадаченных, а затем испуганных придворных. Метаморфоза не ускользнула ни от кого, так как король отличался румяным цветом лица и его хирург был вынужден часто пускать государю кровь. За несколько мгновений король стал

таким же белым, как жабо его платья, хотя ни одна черточка в его лице не дрогнула.

Растерявшаяся Анжелика вновь взглянула на короля, и вновь самым вызывающим образом. Так иногда смотрят виноватые дети, понимая, что наказание неизбежно.

— Вы южанка, мадам? — с внезапной резкостью спросил король. — Из Тулузы?..

— Нет, сир, моя жена родом из Пуату, — незамедлительно ответил Филипп. — Ее отец — барон де Сансе де Монтелу, чьи земли находятся в окрестностях Ньора.

— О, сир, спутать пуатевинку с южанкой! — воскликнула Атенаис де Монтеспан, заливаясь хрустальным смехом. — Как можно, сир!..

Красавица Атенаис, уже ощутившая особое расположение короля, могла позволить себе столь дерзкое высказывание, и ей удалось разрядить обстановку. К королю вернулся естественный цвет лица. По-прежнему прекрасно владея собой, он внимательно взглянул на Атенаис.

— Это правда, уроженки Пуату отличаются особым обаянием, — вздохнул он. — Но остерегайтесь, мадам, как бы господину де Монтеспану не пришлось помериться силами со всеми гасконцами, что находятся в Версале. Ведь эти господа могут возыметь желание отомстить за оскорбление, нанесенное их дамам.

— Оскорбление, сир? Это не входило в мои намерения. Я всего лишь хотела сказать, что привлекательность и тех, и других одинаково велика, просто их невозможно спутать. Пусть Ваше Величество простит мне мое скромное замечание.

Ее огромные голубые глаза лучились весельем, в них не появилось ни капельки раскаяния, и они были неотразимы.

— Я знаю мадам дю Плесси уже много лет, — уверенно продолжила Атенаис. — Мы вместе воспитывались. Наши семьи тесно связаны...

Прелестная уроженка Пуату обладала особым даром — говорить самые простые фразы с непередаваемым шармом. Анжелика пообещала себе никогда не забывать, сколь она обязана мадам де Монтеспан. Какими бы соображениями ни руководствовалась прекрасная Мортемар, она спасла подругу от неминуемой беды. К тому же своим непринужденным замечанием она разрядила обстановку и рассеяла замешательство короля, да так ловко, что его почти никто и не заметил...

С одобряющей улыбкой король поклонился Анжелике дю Плесси.

— Ну что же... Версаль счастлив принять вас, мадам. Добро пожаловать!

И добавил чуть тише:

— Мы рады видеть вас вновь.

Анжелика поняла, что король узнал ее, но все равно принимает благосклонно, желая перечеркнуть прошлое.

Огонь костра вспыхнул меж ними в последний раз. Еще раз присев в глубоком реверансе, молодая женщина почувствовала, что к ее горлу подступил комок.

Слава Богу! Король возобновил прогулку. Анжелика смогла подняться, украдкой вытереть слезы и бросить смущенный взгляд в сторону Филиппа.

— Как мне благодарить вас, Филипп?..

— Благодарить меня! — тихо проскрежетал Филипп, и голос его срывался от гнева. — Я был вынужден защищать от насмешек свое имя, чтобы оградить себя от немилости!.. Вы, черт побери, все-таки моя жена! Прошу отныне не забывать об этом... Появиться вот так в Версале! Без приглашения! Не будучи представленной!.. А с какой дерзостью вы смотрели на

короля!.. Ничто не может сломить вашу дьявольскую наглость! Мне нужно было убить вас в тот вечер.

— О, Филипп, прошу, не портите мне этот чудесный день!

Анжелика подняла взгляд к супругу и улыбнулась. Слезы переливались на ее ресницах удивительными радужными бликами, а в глазах притаилась чуть заметная усмешка. Но в этой загадочной бирюзовой глубине крылось и нечто, чего Филипп не мог описать словами и что странно трогало его. Их связывало это нечто, которое она не могла высказать, а он не желал принять. Несколько мгновений Филипп думал о маленькой девочке из далекого прошлого, девочке, смотрящей на него огромными сверкающими глазами у подножия лестницы в полутемном замке Монтелу. То юное создание также отличалось невероятной гордостью.

Маркиз передернул плечами, как будто бы хотел освободиться от нежелательной слабости.

— Пойдемте, мадам, — холодно произнес он. — Иначе наше отсутствие будет замечено. А я не намерен выставлять себя на посмешище перед всем двором, изображая молодого супруга, который испытывает настоящую потребность уединиться с собственной женой.

Анжелика легонько стукнула мужа веером.

— Однако это так естественно, — прошептала она, — и кроме того, это заставило бы замолчать злые языки, которые уже приготовились к тому, чтобы вволю посплетничать о нас.

— О вас!

— Но я все-таки ваша жена, — весело заметила Анжелика. — Должна ли я напомнить, что ношу имя, которое вы так хотите оградить от насмешек?

Филипп грубо схватил молодую женщину за руку, и она на мгновение увидела, как в его светлых глазах

загорелся жестокий огонь. Но он тут же ослабил хватку.

— Вы и в самом деле неосторожны, мадам, — сказал он вполголоса, — если напоминаете мне о цене моего имени, ведь вы — единственная, кто покусился на это имя.

Маркиз отступил на шаг и поклонился, вложив в этот поклон всю возможную иронию. Затем он продолжил:

— Я почти восхищен вашей тактикой.

Анжелика оставила насмешку без внимания. Прикрыв лицо веером, она бросила на мужа лукавый взгляд.

— А знаете, — задумчиво сказала она, — что мне однажды сказала о вас моя добрая подруга? Чем лучше вас узнаешь, тем сильнее понимаешь, насколько вы хуже, чем можно ожидать с первого взгляда, но, когда узнаешь вас еще ближе, замечаешь, что вы намного лучше, чем кажетесь вначале.

Филипп бросил нетерпеливый взгляд в конец галереи, где исчезала пестрая толпа придворных, а потом вновь с подозрением взглянул на Анжелику.

— Зачем вы мне голову морочите? Что хотела сказать ваша подруга, изрекая эту глубокомысленную сентенцию?

Анжелика не ответила. Она чувствовала, что нарочитая резкость — всего лишь ширма, за которой он пытается скрыть свои сомнения. Сегодняшний Филипп отличался от того Филиппа в Плесси, который мстил ей, ослепленный яростью. Он думал, что с помощью грубости и презрения победил ее, что недвусмысленно продемонстрировал, какую жалкую роль отвел ей в своей жизни. Но она, вопреки всему, появилась при дворе, представ на всеобщее обозрение, добившись признания короля... Произнесенная мужем фраза навсегда определила ее место: «Сир, Ваше Величество, окажете мне честь и позвольте представить мою

супругу, маркизу дю Плесси-Бельер». Анжелика улыбнулась воспоминанию. Филипп подсознательно испытывает уважение к тем, чья гордость не дает им согнуться. А уважение — это то, на чем уже можно построить брак.

— Я задал вам вопрос, — раздраженно заметил Филипп.

Она взяла его под руку и увлекла вдоль галереи.

— Я хотела сказать, — вымолвила она, — что эта фраза, прозвучавшая в ваш адрес из прелестных уст моей подруги, применима и ко мне. Вы совсем не знаете меня, Филипп, но я от всего сердца желаю, чтобы вы узнали меня лучше.

Анжелика вновь подняла глаза к нему, и на сей раз ее взгляд был прямым и ясным. В нем не было ничего от женщины расчетливой, жадной и хитрой — той женщины, которую он научился ненавидеть.

На какой-то краткий миг Анжелика прижалась лбом к жесткому и прохладному шелку его жюстокора, и, как во время их странной брачной ночи, она пробудила в душе Филиппа удивительное чувство, напоминающее нежность, которую он прежде никогда не испытывал.

— Возьмите себя в руки, мадам, — прошептал дю Плесси. — Мы при дворе.

Но на этот раз в его голосе не было жестокости.

Они снова под руку пошли к лестнице, спускающейся в парк, и постепенно в сердце Анжелики укреплялась надежда. Она больше не станет оглядываться назад. Прошлое на то и прошлое, каким бы разрушительным оно ни было. Главное не в этом. Главное — это, когда судьба бросила вас в грязь, суметь собрать все силы, встать и, шаг за шагом побеждая отчаяние, двигаться вперед, открывая свое сердце навстречу грядущему. Прошлого не вернешь, но она вновь сможет жить полной жизнью и быть счастливой

несмотря на то, что иногда грудь сжимает невыразимая боль.

Молодая женщина остановилась в нерешительности. Перед ней простирались мраморные каскады лестниц, ведущих к террасам и садам.

Вслед за другими придворными они направились к парку. Яркая лазурь небес сливалась с высокими струями фонтанов, и солнечные лучи, разбивающиеся о гладь двух больших водных бассейнов, расположенных на первой террасе, ослепили Анжелику.

Ей казалось, что она идет по райскому саду. Все вокруг такое легкое и воздушное, но при этом подчинено строгому порядку, как на мифических Елисейских полях.

Стоя на верхней площадке лестницы, она любовалась круглым фонтаном со ступенчатой пирамидой в центре, восхищалась причудливым рисунком высоких деревьев, окруженных хороводом беломраморных статуй. Пестрый ковер цветочного партера сменялся зеркалом воды, которое тянулось к самому горизонту...

Жестом восхищенного ребенка Анжелика поднесла ладони к губам и застыла в немом восторге, в упоении глядя на удивительную реальность, сливающуюся с ее ожившей мечтой.

Легкий ветерок играл белыми перьями в ее прическе.

Внизу, у подножия лестницы, остановилась карета короля. Но вместо того, чтобы сесть в экипаж, государь вновь поднялся по ступенькам. Анжелика внезапно поняла, что он направляется к ней. Людовик был один: едва заметным жестом он отослал окружавших его придворных.

— Вы любуетесь Версалем, мадам? — спросил монарх.

Анжелика присела в реверансе и со всей возможной любезностью ответила:

— Сир, я благодарю Ваше Величество за то, что вы подарили взорам подданных подобную красоту. История будет признательна вам за это.

Людовик XIV немного помолчал, но не потому, что был взволнован похвалой, — к лести он давно привык, но потому, что размышлял, как точнее выразить свою мысль.

— Вы счастливы? — спросил он наконец.

Анжелика отвела глаза. Сейчас, обласканная солнцем и ветром, она вдруг ощутила себя юной девушкой, которая никогда не ведала ни тревог, ни страданий.

— Как можно быть несчастной в Версале? — прошептала она.

— Тогда не плачьте больше, — сказал король. — И доставьте нам удовольствие, разделив с нами прогулку. Я хочу показать вам парк.

Анжелика вложила свою руку в руку Людовика XIV. Вместе они спустились по ступеням, ведущим к фонтану Латоны; когда они проходили мимо придворных, те склонялись в глубоком поклоне.

В карете, устраиваясь рядом с Атенаис де Монтеспан, напротив обеих принцесс и Его Величества, Анжелика мельком увидела лицо мужа.

На лице Филиппа застыло странное выражение, он смотрел на нее с внезапно проснувшимся интересом. Маркиз лишь сейчас начал понимать, что взял в жены удивительное создание.

Анжелика почувствовала такую легкость, что казалось, будто она может взлететь. Будущее представлялось ей столь же безоблачным, как этот голубой горизонт. Она думала о том, что ее сыновья больше никогда не столкнутся с нищетой. Они поступят в Академию Монпарнас и станут дворянами. А она

превратится в одну из самых блистательных дам королевского двора.

И, раз уж того пожелал король, она попытается прогнать из сердца печаль. Конечно, в глубине души Анжелика понимала, что огонь любви, испепеливший ее дотла, как и ужасный костер, в котором сгорело ее счастье, не погаснет никогда. Он будет гореть всю жизнь. Так сказала Лавуазен. Так сказал Дегре.

Но госпожа Судьба порой бывает благосклонна, и она пожелала, чтобы Анжелика ненадолго остановилась и передохнула на этом волшебном холме, чтобы восстановить силы, познать опьянение успеха и триумф своей красоты.

Возможно, когда-нибудь она вернется на тернистый путь, полный опасностей и тревог. Но сегодня Анжелика ничего не боялась. ОНА БЫЛА В ВЕРСАЛЕ!

---

notes

1

Французская Ост-Индская торговая компания существовала в 1664 — 1719 годах. Она была организована по инициативе Ж. Б. Кольбера для монополизации торговли с Индией, имела несколько факторий на индийском побережье (Масулипатам, Маэ, Чандерна-гор и др.). Деятельностью компании руководило королевское правительство. *(Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное)*

Сорбонна — один из коллежей в центре Латинского квартала Парижа, основанный в 1257 году теологом Робером де Сорбоном. В Средние века преподавание велось на латыни, поэтому латинская речь звучала в Университетском квартале куда чаще французской (отсюда и название квартала). — *Примеч. пер.*

З

От французского triperie — дословно «торговля требухой». — *Примеч. пер.*

4

Асмодей и Астарот — персонажи послебиблейской демонологии, демоны вожделения, блуда, ревности и одновременно мести, ненависти и разрушения. Участники черных месс обращались к этим демонам.

Жди (нем.). — *Примеч. пер.*

6

Капуцины (итал. «сарруссіні» — «капюшоны») — члены католического ордена братьев-миноритов капуцинов, одной из самостоятельных ветвей францисканского ордена, существующей с 1525 г. — *Примеч. пер.*

Дословно: Аллея королевы. Променада для верховых прогулок высшей знати. Аллеи находятся на правом берегу Сены неподалеку от Лувра.

Мария-Терезия получила через свою камеристку-испанку письмо, якобы написанное ее отцом, королем Испании, о любовной связи Людовика XIV с Лавальер. Подлинными авторами письма были де Вард, де Гиш и графиня де Суассон.

9

Vannerie — дословно «торговля плетеными изделиями». — *Примеч. пер.*

10

Дрогет — дешевая шерстяная ткань. — *Примеч. пер.*

11

От фр.: дословно «место, где производится дубление лайковой кожи или торговля товарами из лайки». — *Примеч. пер.*

12

Ныне площадь Вогезов.

Тринитарии, Орден Пресвятой Троицы — католический нищенствующий монашеский орден, основанный в 1189 г. французским богословом Жаном де Мата и пустынником Феликсом де Валуа для выкупа пленных христиан из мусульманского плена. — *Примеч. пер.*

Варварийский, то есть «Берберский» берег — так до XIX века называлось Средиземноморское побережье современных стран Тунис, Алжир и Марокко, где процветало пиратство.

Екатерина де Вивон, маркиза де Рамбуйе (1588 — 1665 гг.) — знаменитая хозяйка парижского литературного салона эпохи Людовика XIV. — *Примеч. пер.*

Мадлен де Скюдери (1607 — 1701 гг.) — хозяйка литературного салона. — *Примеч. пер.*

Жиль Персонье де Роберваль (1602 — 1675 гг.) — математик, один из основателей Парижской академии.

Корпускулярная и волновая теории света и были выдвинуты в конце XVII века.

Мари де Жар де Гурне (1565 — 1645 гг.) — французская писательница. Ее книга «О равенстве мужчин и женщин» вышла в 1622 году.

«La Gazette» — одна из первых газет Европы.
Издавалась с 1631 года. — *Примеч. пер.*

Ян Гевелий (1611 — 1687 гг.) открыл несколько комет, в том числе и комету 1665 года.

Пасторальный роман Оноре д'Юрфе, написанный в начале XVII века. — *Примеч. пер.*

Общество Святого Причастия (или Святых таинств) (Compagnie du Saint-Sacrement, фр.) — тайное католическое общество, основанное в 1627 году герцогом де Вантадуrom. Помимо благотворительности, Общество надзидало за столичными нравами. — *Примеч. пер.*

Леонора Галигаи (1568 — 1617 гг.) — придворная дама Марии Медичи в Тоскане и во Франции, жена авантюриста Кончино Кончини. Была обезглавлена по обвинению в колдовстве.

Beautreillis — красивая решетка, а также шпалера для выращивания винограда. Название улицы напоминает о виноградных лозах, которые оплетали садовую ограду дворца Сен-Поль (фр.).

Имеется в виду битва при реке Рааб, близ монастыря Сен-Готард в Штирии. 24 июля 1664 г. австрийские войска под командованием Монтекуколи разбили турецкую армию.

Битва под Никоподем (территория современной Болгарии) состоялась в 1396 году. Тогда войско турецкого султана Баязида I одержало победу над крестоносцами под командованием венгерского короля Сигизмунда.

Граф Иоганн фон Верт (1591 — 1652 гг.) — немецкий полковник эпохи Тридцатилетней войны.

Луи Анри де Пардаван де Гондрен, маркиз де Монтеспан (1640 — 1701 гг.) — муж уже известной читателю Атенаис де Рошешуар.

Франсуа Мансар (1598 — 1666 гг.) — французский архитектор.

Боссюэ Жак Бенинь (1627 — 1704 гг.) — французский писатель, знаменитый проповедник, богослов, епископ Мо. Особую славу снискали его «Надгробные речи», последняя из которых была произнесена по поводу кончины принца Конде. — *Примеч. пер.*

Антуан Гомбо, шевалье де Мере (1607 — 1684 гг.) — азартный игрок и писатель-моралист, подтолкнувший Паскаля и Ферма к созданию теории вероятности на основе азартных игр.

Андре-Шарль Буль (1642 — 1732 гг.) — известный французский мастер-мебельщик, по имени которого назван стиль мебели. Возглавлял мастерские по изготовлению мебели в Лувре.

Геридон — столик или декоративная подставка на ножке-колонне.

Бранль с эпохи Возрождения был придворным бальным танцем.

Особняк де Санс, самое старое из зданий в районе Маре, сохранившееся до наших дней. Построен в конце XIV века в стиле раннего Возрождения с элементами готики. До конца XVIII века в нем жили архиепископы Санские. — *Примеч. пер.*

Перро Клод (1613 — 1688 гг.) — французский архитектор, теоретик архитектуры. Брат Шарля Перро, автора знаменитых сказок. По образованию врач, занимался также математикой, физикой, археологией.

Поставщица, фабрикантша ангелов — так называли во Франции женщин, которые делали запрещенные церковью аборты.

Том первый. — *Примеч. автора.*

Анри Куафье де Рюзе, маркиз Сен-Мар (1620 — 1642 гг.) — участник заговора по устранению Ришельё, казнен по обвинению в преступных связях с испанским двором. Версия о том, что причиной его гибели стала привязанность к итальянской принцессе Луизе Марии де Гонзаго (1612 — 1667 гг.) — легла в основу сюжета романа А. де Виньи «Сен-Мар».

Марион Делорм, настоящее имя — Мари де Лон (1611 — 1650 гг.) — куртизанка, прославившаяся своей красотой и приключениями. Сен-Мар был одним из ее многочисленных высокопоставленных любовников. Предполагают, что она была прототипом миледи в романе «Три мушкетера» А. Дюма. Ее жизнь вдохновила В. Гюго на написание драмы «Марион Делорм».

Гийом де Ламуаньон (1617 — 1677 гг.) — государственный деятель, первый председатель парламента Парижа. Отказался принимать участие в суде над Фуке.

Производство знаменитых алансонских кружев началось в 1665 г. на основанной Кольбером мануфактуре.

Жан Лафонтен (1621 — 1695 гг.) — знаменитый французский поэт-баснописец. Находился под покровительством Фуке, после ареста которого был вынужден в 1663 г. уехать в Лимож. В 1664 — 1672 гг. служил у герцогини Орлеанской, жил в Париже и в родном городе Шато-Тьерри (Пикардия). Король не любил Лафонтена и даже противился его избранию во Французскую академию. Жан Расин был свойственником Лафонтена.

Жан Батист Расин (1639 — 1699 гг.) — великий французский драматург.

Никола Буало-Депрео (1636 — 1711 гг.) — французский поэт, критик, теоретик классицизма.

Амбретта — вечнозеленый кустарник, семена которого являются компонентом изделий косметики и парфюмерии, часто используется как заменитель мускуса, служит ароматизатором для алкогольных и безалкогольных напитков, с этой же целью применяется в кондитерском производстве. Арабы смешивали семена амбретты с кофе.

Так называемый «большой траур» делился на три этапа: шерстяной, шелковый и малый траур. В первые месяцы траура правила предписывали носить простую тканую одежду. После чего позволялись черные шелковые наряды с черными украшениями. В дни малого траура добавлялся белый цвет, а одежду шили из любого материала тонкой выделки. — *Примеч. пер.*

Консумация — от *consummatio*, лат. «довершение», юридический термин, обозначающий интимные отношения супругов как следствие вступления в брак.

Намек на бракоразводный процесс той эпохи. —
Примеч. автора.

Габриэль Николя де Ла Рейни (1625 — 1709 гг.) — государственный деятель, первый генерал-лейтенант парижской полиции. — *Примеч. пер.*

Со — южный пригород Парижа, знаменит замком и обширным парком, разбитым по проекту Андре Ленотра.

Мраморный двор — небольшой внутренний двор Версальского дворца, первоначально вымощенный черным и белым мрамором. В 1668 — 1671 годах Л. Лево окружил Мраморный двор новыми корпусами, а в 1678 — 1687 годах Ж. Ардуэн-Мансар пристроил два симметричных корпуса.

Пинакли — остроконечная декоративная башенка. —
Примеч. пер.

Маскароны — декоративные маски, чаще всего над окнами. — *Примеч. пер.*

В наши дни на месте этого балкона находится Зеркальная галерея. — *Примеч. автора.*